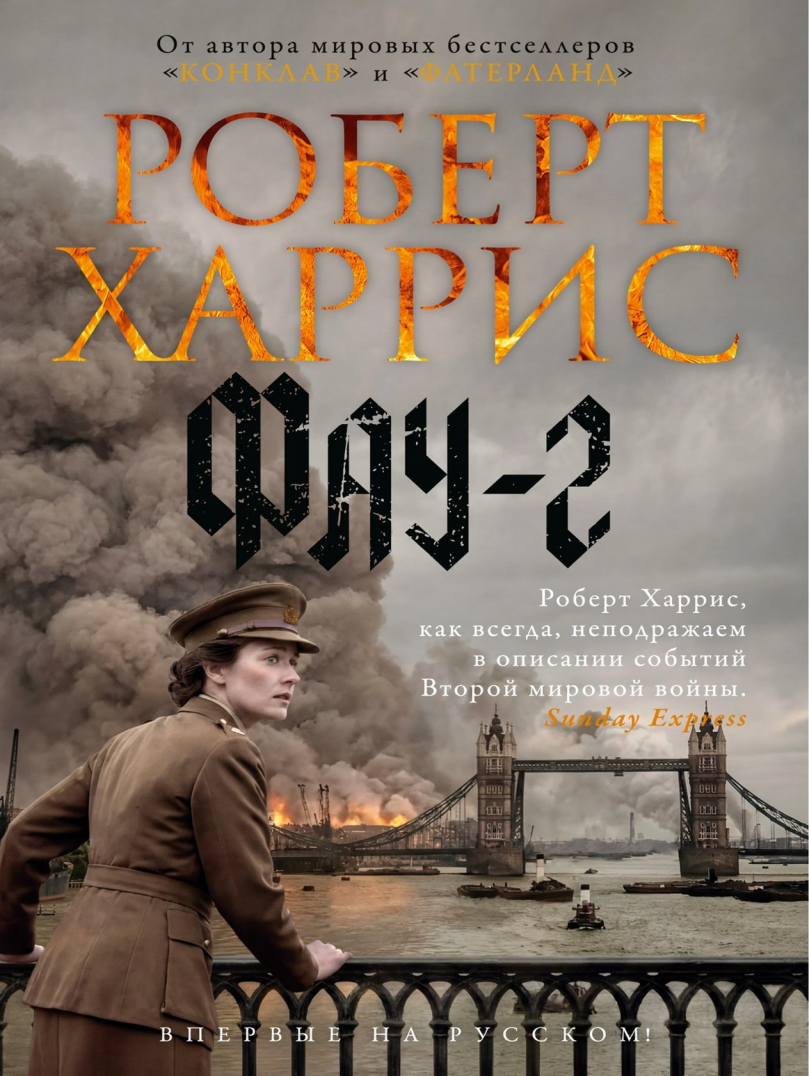
От автора мировых бестселлеров
«КОНКЛАВ» и «ФАТЕРЛАНД»

РОБЕРТ ХАРРИС

ФАУ-2



Роберт Харрис,
как всегда, неподражаем
в описании событий
Второй мировой войны.
Sunday Express

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ!

Фау-2
Роберт Харрис

Аннотация
Роберт Харрис. Фау–2
От автора
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19

Глава 20
Глава 21
Глава 22
Благодарности

Аннотация

Конец 1944 года. Стремительно приближается крах нацистской Германии. Гитлер решает сделать ставку на чудо-оружие – «Фау–2». Это ракета с боевой частью огромной разрушительной силы, и у противника нет средств для перехвата.

Немецкий инженер Руди Граф стоял у истоков создания баллистических ракет. В юности он мечтал строить космические корабли, но теперь вынужден запускать ракеты по жилым кварталам английских городов.

По другую сторону фронта англичанка Кей, офицер воздушной разведки, пытается собрать информацию о сверхсекретном оружии рейха и обнаружить места запуска «Фау–2».

Судьбы этих людей сошлись в незримом поединке. Цена победы или поражения – тысячи человеческих жизней.

Роберт Харрис
Фау–2

Посвящается Сонни Мета

БОЛЬШОЙ
РОМАН

Серия «Большой роман»

Robert Harris
V2

Copyright © 2020 by Canal K Limited
All rights reserved

Перевод с английского *Александра Яковлева*

АЗБУКА

© А. Л. Яковлев, перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство Азбука», 2026 Издательство Азбука®

От автора

Действие этого романа происходит в течение пяти дней в конце ноября 1944 года. В своей основе он соответствует фактам. Атаки «Фау–2» на Лондон происходили в той же последовательности и с теми же результатами, какие описаны в книге. Немцы запускали ракеты с голландского побережья, из леса в окрестностях Схевенингена. В ответ англичане провели операцию противодействия, важную роль в которой сыграла группа офицеров Женской вспомогательной службы ВВС. Я постарался отразить историю ракетной программы и работу дешифровальщиков данных аэрофоторазведки в Медменхеме настолько точно, насколько это позволяет жанр художественной прозы.

Но все же это роман. Кроме столь хорошо известных исторических фигур, как Вернер фон Браун и генерал СС Ганс Каммлер, представленные на его страницах персонажи и их приключения являются плодом чистого вымысла. Для читателей, желающих больше узнать о «Фау–2», я прилагаю в разделе «Благодарности» в конце книги список

источников.

Роберт Харрис Июль 2020

Глава 1

Субботним утром в конце ноября 1944 года в локомотивном депо голландского курортного городка Схевенинген лежали в своих металлических люльках, подобно избалованным заботой пациентам частной клиники, три баллистические ракеты длиной пятнадцать метров каждая. Их технологические панели были открыты, датчики присоединены к приборам контроля; вокруг суетились техники в безразмерных брезентовых робах немецкой армии.

Та зима, шестая с начала войны, выдалась чрезвычайно суровой. Холод исходил от бетонного пола, просачивался через подошвы самых толстых сапог и пробирал до костей. Вот работник сошел со своего помоста и затопал ногами, чтобы разогнать кровь. Он один был в штатском. Довоенного кроя темно-синий костюм, обойма ручек в нагрудном кармане и поношенный галстук в клеточку выдавал учителя математики, если высказать догадку о профессии, или младшего научного сотрудника какого-нибудь института. Только заметив темные масляные дужки под об-

кусанными ногтями, вы бы поняли: ну конечно, это инженер.

Он слышал голос находящегося в какой-то сотне метров Северного моря: мерное биение волн о берег, крики чаек, кружащих на ветру. В уме у него роились воспоминания — которых, пожалуй, было слишком много. Хотелось вставить беруши, чтобы заглушить порождающие эти воспоминания звуки. Но это сделало бы его еще более приметным, да и вытаскивать затычки пришлось бы каждые пять минут, поскольку ему то и дело задавали вопросы — о состоянии двигательной установки, о росте давления в спиртовом баке, об электропроводке, связывающей наружное и внутреннее управление ракетой…

Он вернулся к работе.

Незадолго до половины одиннадцатого одна из больших стальных дверей с грохотом откатилась на роликах, и караульные солдаты возле нее замерли по стойке смирно. Вместе с потоком морозного воздуха в помещение проник полковник Вальтер Хубер, командир артиллерийского полка. Рядом с ним шагал человек в черном кожаном пальто с серебряной эмблемой СС на лацкане.

— Граф! — выкрикнул полковник.

«Отвернись, — велел Графу инстинктивный

импульс. — Возьми паяльник, склонись над приборным отсеком, сделай вид, что занят».

Но от Хубера было не укрыться. Его голос разносился звонко, как на плацу:

— Так вот где вы прячетесь! Тут кое-кто хочет познакомиться с вами. — Высокие кожаные сапоги полковника скрипели, пока он шел через ремонтный ангар. — Это штурмшарфюрер Бивак, офицер Национал-социалистического руководства вермахта. Бивак, — произнес он, пропуская спутника вперед, — это доктор Руди Граф из армейского исследовательского центра Пенемюнде. Наш технический специалист.

Бивак вскинул руку в фашистском приветствии, на которое Граф с опаской ответил. Он слышал про НСРВ, но вживую прежде не встречал. Это были комиссары нацистской партии, недавно внедренные по приказу фюрера в вооруженные силы для разжигания боевого духа. Фанатики до мозга костей. Чем хуже идут дела, тем сильнее они беснуются.

Эсэсовец оглядел Графа с ног до головы. Биваку лет сорок, держится не враждебно. Даже улыбнулся.

— Так вы один из гениев, благодаря которым мы победим в войне?

— Едва ли.

— Графу известно все, что нужно знать о ракетах. Он может просветить вас, — поспешил вмешаться Хубер, после чего обратился к инженеру: — Штурмшарфюрер Бивак будет находиться при моем штабе. У него есть полный доступ к секретным сведениям. Можете рассказать ему все.

Полковник взглянул на часы. Граф догадывался, что ему не терпится уйти. Это был пруссак старой школы, артиллерист Великой войны — именно тот типаж, что после покушения военных на Гитлера оказался под подозрением. Меньше всего на свете Хубер хотел иметь в своем штабе нацистского шпиона, подглядывающего через замочную скважину.

— По плану один из взводов Зайделя должен произвести запуск через тридцать минут. Почему бы вам не зайти туда и не посмотреть? — (Короткий подбадривающий кивок.) — Вот и хорошо.

И он ушел.

Бивак пожал плечами и, глядя на Графа, скроил мину: «Ох уж эти старикашки! Что с ними поделаешь?»

Затем офицер кивнул в сторону рабочего стола:

— Так над чем вы тут работаете?

— Над трансформатором из технологической панели. Эти штуки не любят холода.

— А кто любит? — Бивак упер руки в бока и осмотрел ангар. Взгляд остановился на одной из ракет. *Vergeltungswaffe Zwei* — таково было официальное название. «Оружие возмездия — два». «Фау–2». — Боже, какая красотка! Конечно, я наслышан о них, но своими глазами вижу впервые. Очень хочется посмотреть на запуск. Не возражаете?

— Конечно нет. — Граф снял шляпу, шарф и дождевик с вешалки у двери.

Дождь зарядами налетал с моря, поливал улицы между пустующими гостиницами. Пристань сгорела год назад, закопченные чугунные сваи торчали из белых шапок прибоя, как мачты потерпевшего крушение корабля. Пляж был обнесен колючей проволокой и изрыт танковыми ловушками. На здании железнодорожного вокзала висели потрепанные довоенные плакаты — две элегантные девушки в полосатых купальных костюмах и шляпках клош перебрасывали друг другу мяч. Местных жителей отселили. Здесь не было никого, кроме военных, и никакого транспорта, кроме нескольких армейских грузовиков и тракторов, использовавшихся для

перевозки ракет.

По пути Граф объяснял, как все устроено. «Фау–2» доставляются по железной дороге с завода в Германии, под покровом темноты, чтобы не заметили с воздуха. В партии двадцать ракет, в неделю две или три партии, всё в рамках кампании против Лондона. Такое же количество нацелено на Антверпен, но эти ракеты взлетают с территории Германии. СС проводит собственную операцию, базируясь на Хеллендорн. Батареи в Гааге получили приказ запускать ракеты в течение пяти дней с момента их прибытия.

— Почему такая спешка?

— Потому что чем дольше ракеты подвергаются воздействию сырости и холода, тем чаще дают сбой.

— Недоработок много? — Слушая Графа, Бивак делал заметки в блокноте.

— Да, много. Чересчур!

— Почему так?

— Технология революционная, а это значит, что со временем мы ее доведем до ума. Нами уже внесено в прототип свыше шестидесяти тысяч изменений. — Граф хотел добавить, что настоящее чудо в том, что осечек не так уж много и большинство ракет все-таки взлетает. Но переду-

мал. Ему не нравился блокнот эсэсовца. — Можно спросить, почему вы так много записываете? Готовите доклад?

— Ничего подобного. Просто хочу быть уверен, что все правильно понял. Вы давно работаете над ракетами?

— Шестнадцать лет.

— Шестнадцать?! Если судить по вашему виду, этого не подумаешь. Сколько вам лет?

— Тридцать два.

— Столько же профессору фон Брауну. Наверное, вы были с ним на военном испытательном полигоне в Куммерсдорфе?

Граф покосился на собеседника. Значит, проверяют не только его, но и фон Брауна. На душе стало неспокойно.

— Это верно.

Бивак рассмеялся:

— Какие же вы все молодые, ребята-ракетчики!

Оставив позади городские улицы, они вошли в зеленое предместье. Схевенинген приютился в окружении лесов и озер. Прелестное было местечко до войны, подумалось Графу. Позади водитель загудел в клаксон, заставив обоих отпрыгнуть на обочину. Секунды спустя мимо

погромыхал транспортер, везущий «Фау–2» в ее гидравлической люльке: впереди, ближе к кабине, стабилизатор, затем длинный корпус и, наконец, за габариты кузова выдается носовой конус с однотонной боеголовкой. Следом катили окрашенные в камуфляж бензовозы.

— Там этиловый спирт… жидкий кислород… перекись водорода! — прокричал Граф Биваку, сложив рупором ладони. — Все доставляется поездами вместе с ракетами. Топливо мы заливаем на пусковой площадке.

Когда последний грузовик скрылся за поворотом, двое мужчин продолжили прогулку.

— Вражеских бомбардировщиков опасаетесь? — спросил Бивак.

— Разумеется, днем и ночью. К счастью, пока нас не обнаружили. — Граф окинул взглядом небо.

По данным метеорологов вермахта, в эти выходные над Северной Европой проходил дождевой фронт. Из низких серых туч сыпалась морось. В такую погоду Королевские ВВС не летали.

Углубившись еще немного в лес, они уперлись в КПП. Поперек дороги был опущен шлагбаум, рядом стояли часовые. Граф глянул в заросли. Среди мокрых кустов пробирался солдат с круп-

ной эльзасской овчаркой на поводке. Пес поднял лапу и посмотрел на инженера. Один из караульных эсэсовцев положил руку на автомат, а другую поднял.

Уже сколько раз Граф ходил на запуск ракет, а этим солдатам явно доставляло удовольствие вести себя так, будто они его видят впервые. Он достал из кармана бумажник. Вместе с удостоверением выскользнула маленькая фотография и упала на дорогу. Прежде чем Граф успел пошевелиться, Бивак наклонился и поднял карточку.

— Ваша жена? — спросил он, улыбнувшись.

— Нет. — Графу неприятно было видеть фотографию в руке эсэсовца. — Она была моей подружкой.

— Была? — Бивак скроил мину профессионального сочувствия, как у служащего похоронного бюро. — Мои соболезнования. — И вернул карточку.

Граф бережно вернул ее в бумажник. Он догадывался, что Бивак не прочь узнать подробности, но не был готов делиться ими.

Шлагбаум поднялся. Вперед вела дорога с узорчатыми фонарными столбами, к ней с обеих сторон подступал лес. Прежде она служила для велосипедных прогулок, теперь же над ней висе-

ла маскировочная сеть. На первый взгляд дорога казалась пустой. Но по мере того как Граф и Бивак шагали по ней, становилось очевидно, что за уходящими влево и вправо ответвлениями под сенью леса прячется хозяйство целого полка: палатки-склады, палатки-лаборатории, десятки автомобилей, десяток укутанных брезентом ракет. Насыщенный сыростью воздух оглашался криками, гулом генераторов, шумом двигателей. Бивак останавливался, задавал вопросы и нетерпеливо шествовал дальше.

Местность слева шла под уклон. Сквозь ветви была видна гладь озера, темная как свинец, с островком и нарядным лодочным домиком. Когда обогнули поворот, Граф вскинул руку, требуя остановиться.

В двухстах метрах впереди, на середине поляны, почти неразличимая поначалу благодаря пятнистому коричнево-зеленому камуфляжу, стояла вертикально на стартовой площадке «Фау–2», одинокая, если не считать стальной мачты, с которой ее соединял электрический кабель. Вокруг не наблюдалось никакого движения. Тонкая струйка пара вилась над баком с жидким кислородом, осаждаясь в туманном воздухе, как облачко от дыхания. Впечатление, как будто они

набрели в глуши на некоего громадного и величественного зверя.

— Можно подойти ближе? — спросил Бивак, инстинктивно понизив голос.

— Это граница безопасной зоны, — возразил Граф. — Вы обратили внимание, что вспомогательный транспорт отогнан? Это значит, что пусковая команда уже в своих траншеях. — Он достал из кармана дождевика заглушки для ушей. — Вот, воспользуйтесь.

— А вы?

— Со мной все будет в порядке.

— Значит, и со мной тоже, — отклонил предложение Бивак.

Прозвучала сирена. Вспугнутая птица — редкий уцелевший экземпляр, подумалось Графу, ведь солдаты обожали охотиться на дичь с целью разнообразить питание, — выпорхнула из подлеска и судорожно взмыла в воздух. Ее хриплые панические крики разнеслись по дороге вместе с воем сирены.

— Пустая эта штуковина весит четыре тонны, а заправленная — двенадцать с половиной, — сообщил Граф. — После зажигания топливо поступает самотеком. Двигатель выдает восемь тонн тяги — все еще меньше, чем масса ракеты.

Из громкоговорителя послышался голос:

— Десять… девять… восемь…

От нижней части ракеты каскадом полетели искры, яркие, как светлячки в ночи. Внезапно они превратились в струю оранжевого пламени. Листья, ветки, комья земли взметнулись и закружились над поляной.

— Включился турбонасос! — прокричал Граф, повернувшись к Биваку. — Тяга растет до двадцати пяти…

— …три… два… один!

Слова Графа потонули в резком трескучем реве. Инженер зажал уши ладонями. Соединительный кабель отошел. Смесь спирта и жидкого кислорода, накачиваемая турбонасосом в камеру сгорания и расходуемая по тонне за каждые семь секунд, производила, как у них в Пенемюнде принято было утверждать, самый громкий рукотворный звук на свете. От дрожи земли сотрясалось все тело. В лицо била волна жара. Окружающие деревья озарились сиянием.

Подобно бегуну, напружинившемуся в упоре за долю секунды до выстрела стартового пистолета, «Фау–2» поначалу словно замерла в ожидании, а затем резко устремилась вверх, увлекая за собой пятнадцатиметровый огненный шлейф. Оглуши-

тельный грохот обрушился с неба на лес. Граф вывернул шею, наблюдая за ракетой, и повел в уме отсчет, молясь, чтобы она не взорвалась. Одна секунда… две секунды… три секунды…

Ровно через четыре секунды полета сработал таймер активации на одной из технологических панелей, и «Фау–2», уже набравшая две тысячи метров, плавно наклонилась до угла в сорок семь градусов. Графа всегда расстраивал этот необходимый маневр. В его мечтах ракета устремлялась вертикально, к звездам. Он проводил глазами красный след, прежде чем она скрылась за низко плывущими тучами в направлении Лондона.

Граф опустил руки. В лес вернулся покой. Единственным напоминанием о «Фау–2» служил далекий рокот, но вскоре смолк и он. Остались только птичьи крики да шум дождя среди ветвей. Пусковой взвод выходил из траншей, подтягивался к стартовой площадке. Два человека в асбестовых костюмах шагали неуклюже, как глубоководные водолазы.

Бивак медленно убрал ладони с ушей. Лицо у него раскраснелось, в глазах горел неестественный блеск. Впервые за это утро офицер Национал-социалистического руководства вермахта не находил слов.

Глава 2

Спустя шестьдесят пять секунд после старта на высоте двадцать три мили и на скорости две с половиной тысячи миль в час встроенный акселерометр одновременно перекрыл подачу топлива к двигателю «Фау–2» и перевел на боевой взвод взрыватель боеголовки. Лишенная импульса ракета летела теперь по баллистической траектории, следуя такой же параболе, по какой летел бы запущенный из катапульты камень. Скорость продолжала расти. Нос ракеты указывал на 260 градусов, на вест-зюйд-вест. Целью был вокзал Чаринг-Кросс, условный центр Лондона. Падение в любом месте в радиусе пяти миль от него считалось точным попаданием.

В это же время двадцатичетырехлетняя Кей Кейтон-Уолш — имя ее было Анджелика, но все звали ее Кей, сокращенно от Кейтон, — вышла из ванной в квартире на Уорик-Корт, тихой улочке неподалеку от Чансери-лейн, в Холборне, примерно в миле от Чаринг-Кросса. Она была обернута коротким розовым полотенцем, привезенным из деревни, и держала в руках туалетный набор:

мыло, зубная щетка, зубная паста и флакон любимых духов «Герлен лер бле», которые щедро нанесла на кожу за ушами и на запястьях.

Кей наслаждалась ощущением ковра под босыми ногами — трудно было припомнить, когда она в последний раз пользовалась этой маленькой роскошью. Из коридора она вошла в спальню. Усатый мужчина курил сигарету на кровати и смотрел на нее из-под полуприкрытых век. Кей положила набор в саквояж и сбросила полотенце.

— Боже, какое зрелище! — Мужчина улыбнулся, передвинулся на постели и откинул одеяло рядом с собой. — Иди сюда.

На мгновение возникло желание так и поступить, но она вспомнила, как колется черная щетина его щек и как резко пахнет от него табаком и перегаром по пробуждении. К тому же хотелось растянуть удовольствие: секс, по ее опыту, был в равной степени наслаждением телесным и умственным. У них впереди еще день, вечер, ночь и, быть может в последний на какой-то срок раз, следующее утро. Кей улыбнулась и мотнула головой:

— Нужно сходить за молоком.

Когда мужчина с досадой откинулся назад, Кей

подняла с ковра сорочку: персикового цвета, новенькую, купленную специально в предвкушении события, которое англичане в своей типичной манере прозвали грязными выходными. «Ну почему мы используем такое выражение? — подумалось ей. — Какой же странный мы народ».

Девушка выглянула в окно. Здание на Уорик-Корт, располагавшееся между Линкольнс-Инн и Грейс-Инн, по большей части занимали адвокатские конторы.

Странное место для жилья, мелькнула у нее мысль. В субботу утром тут было тихо. Дождь прекратился, выглянуло бледное зимнее солнце. Доносился шум автомобилей с Чансери-лейн. На углу напротив бакалейный магазинчик…

Она начала одеваться.

В сотне миль к востоку «Фау–2» достигла предельной высоты пятьдесят восемь миль — края земной атмосферы — и какое-то время мчалась под сонмом звезд со скоростью три с половиной тысячи миль в час, пока земное притяжение не предъявило свои права. Нос ракеты медленно наклонился, и начался спуск к Северному морю. Воздействие воздушных потоков и турбулентности при возврате в плотные слои роли не играло — пара установленных сразу под боеголовкой ги-

роскопов улавливала любое отклонение от курса и компенсировала его, посылая электрические сигналы на четыре руля в хвостовом оперении. Как раз в тот миг, когда Кей пристегивала второй чулок, ракета пересекла береговую линию Англии в трех милях к северу от Саутэнд-оф-Си, а когда девушка натянула через голову платье, ракета промелькнула над Бэсилдоном и Дэгенхемом. В одиннадцать двенадцать утра, спустя четыре минуты пятьдесят одну секунду после запуска, летя на скорости, почти втрое превышающей скорость звука, слишком быстрая, чтобы ее заметили с земли, «Фау–2» врезалась в дом на Уорик-Корт.

Перемещающийся на сверхзвуковой скорости объект вызывает сжатие атмосферы. За незначительную долю секунды до того, как заостренный конус коснулся крыши викторианского здания, и прежде, чем четырехтонный снаряд пробил все пять этажей, Кей уловила — не отдавая себе отчета и уж тем более не имея возможности описать словами свои ощущения — некоторое изменение в давлении воздуха, какое-то предчувствие угрозы. Затем два металлических контакта взрывателя ракеты, защищенные силиконовым колпачком, соединились, замкнув электриче-

скую цепь и вызвав детонацию тонны аматола, мощного взрывчатого вещества.

Спальня как будто растворилась во мгле. Кей слышала грохот взрыва, скрежет разрываемого металла и ломающейся кладки, стук падающих с потолка кусков штукатурки, пока фюзеляж и фрагменты носового конуса пробивали этаж за этажом, и почти мгновенно последовал оглушительный удар звуковой волны, созданной стремительным полетом ракеты.

Ударная волна сбила девушку с ног и впечатала в стену спальни.

Кей лежала на боку, не потеряв сознание, не в силах дышать, но охваченная странным спокойствием. Она совершенно точно знала, что поразило дом. «Так вот каково это», — мелькнула мысль.

Теперь главную опасность представляла взрывная волна внизу. Вопрос в том, достаточно ли она сильная, чтобы повредить фундамент и обрушить здание.

В комнате было темно от пыли. Спустя какое-то время Кей ощутила сквозняк и услышала, как что-то полощется рядом. Она протянула руку и коснулась ковра. Но тут же отдернула, нащупав осколки стекла. Окно было выбито, занавески

трепетали на ветру. Где-то снаружи кричала женщина. Каждые несколько секунд раздавался грохот обрушающейся кладки. В воздухе угадывался пугающий сладковатый запах газа.

— Майк? — Нет ответа. Кей позвала еще раз, громче: — Майк!

Потом с трудом села. Комната была как в сумерках. В потоке серого света, льющегося из выбитого окна, вихрем кружились крупинки измельченного кирпича и песок штукатурки. Перекошенные, утратившие привычные очертания предметы — туалетный столик, кресла и картины — тонули во мгле. Над деревянным изголовьем кровати по потолку змеилась трещина. Собираясь с силами, Кей сделала глубокий вдох и глотнула пыли. Закашлявшись, ухватилась за штору, поднялась с ее помощью и стала пробираться через завалы к постели.

Стальной швеллер лежал поперек нижней части матраса. Одеяло было усыпано кусками штукатурки, дранки и утеплителя. Пришлось поработать обеими руками, чтобы сбросить все это и увидеть очертания верхней части человеческого тела. Лицо было обращено в противоположную от Кей сторону. На одеяле ярко краснело пятно. Кровь, показалось ей сначала. Но при прикосно-

вении выяснилось, что это кирпичная крошка.

— Майк! — Кей попыталась нащупать пульс у него на шее, и в это мгновение резко, как будто он прежде притворялся неподвижным, его голова повернулась.

Лицо было неестественно бледным, зрачки расширены. Девушка поцеловала его, погладила по щеке.

— Ты ранен? Можешь двигаться?

— Сомневаюсь. Ты цела?

— Я в порядке. Попробуй пошевелиться, милый. Тут где-то утечка газа. Нам нужно выбираться.

Она просунула руки ему под мышки, обхватила мускулистый торс и потянула. Он задергал плечами, вырываясь. Его лицо исказилось от боли.

— У меня что-то с ногами.

Кей переместилась к швеллеру. Всякий раз, когда ей удавалось немного сдвинуть железяку, Майк стонал сквозь зубы.

— Оставь его, бога ради!

— Прости. — Девушка чувствовала себя беспомощной.

— Уходи, Кей. Пожалуйста! Просто сообщи, что тут газ.

В его голосе угадывалась с великим трудом сдерживаемая паника. Майк признался однажды

Кей, что самое страшное потрясение на службе получил не в воздушном бою. Он видел, как летчик сгорел заживо в кабине после неудачной посадки. У бедняги зажало ноги, а спасателей к нему не подпускал огонь.

«Ей-богу, мне хотелось пристрелить его».

Поблизости зазвенел колокол пожарной машины.

— Я за подмогой. Но не брошу тебя, клянусь.

Кей обулась и выбралась из спальни в коридор. Толстый ковер был погребен под штукатуркой. Запах газа здесь чувствовался острее — утечка, видимо, происходила в кухне. И пол как будто наклонился. Через протянувшуюся через всю стену, от пола до потолка, трещину шириной с ее ладонь с улицы лился свет. Кей отперла входную дверь, повернула ручку, потянула. Дверь не поддавалась. Пришлось выдернуть ее из перекосившейся коробки, и девушка вскрикнула от ужаса, оказавшись на краю двадцатифутового обрыва. Лестничного марша между вторым и третьим этажами и части внешней стены здания больше не существовало. Ничто не отделяло Кей от коробки дома напротив, с пустыми глазницами окон и обрушившейся крышей. На улице прямо под ее ногами лежала груда обломков:

кирпичи, трубы, куски мебели, детская кукла. От десятка мелких очагов пожара поднимался дым.

Подкатила пожарная машина. Экипаж снимал лестницы и раскатывал брандспойты среди ландшафта, напоминавшего поле только что отгремевшей битвы. Лежали окровавленные и покрытые пылью тела, рядом в прострации, опустив голову, сидели травмированные люди. Среди них сновали рабочие в касках, из сил гражданской обороны. Два трупа уже перенесли в сторону и накрыли. Собралась толпа зевак.

Кей ухватилась за дверной косяк, высунулась, насколько хватило смелости, и закричала, зовя на помощь.

Согласно документам Лондонского муниципального совета, в результате инцидента, известного как «Уорик-Кортская ракета», погибли шесть человек и были ранены двести девяносто два. Большинство этих людей пострадали на Чансери-лейн от разлетевшихся обломков. В числе погибших Вики Фрейзер, медсестра тридцати лет, Ирен Берти, девятнадцатилетняя секретарша из адвокатской конторы, и Фрэнк Барроуз, шестидесяти пяти лет, инженер-теплотехник. На немногих фотографиях, пропущенных цензурой, запечатлены пожарные с лестницами, пристав-

ленными к зданию, верхние этажи которого полностью обрушены, и чудаковатый мужчина лет за сорок, низкорослый и худощавый, в черном плаще и фетровой шляпе, пробирающийся среди груд мусора. Это был врач, случайно оказавшийся рядом. Он вызвался войти в готовое рассыпаться здание, и именно он через пять минут после отчаянного призыва Кей поднялся по лестнице и проник вместе с девушкой и спасателями в квартиру.

Когда они добрались до спальни, доктор вежливо снял шляпу, как на обычном домашнем вызове, и негромко, с шотландским акцентом спросил:

— Как его зовут?

— Майк, — ответила Кей. — Майк Темплтон. — А потом уточнила, чтобы спутники отнеслись к пострадавшему бережнее: — Коммодор ВВС Темплтон.

— Так-так… — Доктор склонился над кроватью. — Сэр, ноги чувствуете?

Один из пожарных обратился к Кей:

— Вам пора уходить, миссус. Мы вас выведем.

— Как насчет газа?

— Мы перекрыли основную магистраль.

— Я хочу остаться.

— Нет, это невозможно. Вы свой долг исполнили.

Другой пожарный взял ее под руку:

— Пойдемте, милочка. Не спорьте. Этот дом может рухнуть.

— Все нормально, Кей, — раздался голос Майка. — Делай, как они говорят.

Врач повернулся к ней:

— Я позабочусь о том, чтобы с ним все было в порядке, миссис Темплтон.

«Миссис Темплтон!» Она напрочь позабыла, что ее не должно быть здесь.

— Ну конечно. Простите, я все поняла.

Кей была на полпути к двери, когда Майк окликнул ее:

— Ты бы захватила свой саквояж.

Это тоже вылетело у нее из головы. Саквояж так и стоял на оттоманке в изножье кровати, покрытый песком и пылью, безмолвная улика адюльтера. Майкл, должно быть, лежал и с тревогой думал о нем. Кей стряхнула с саквояжа мусор, защелкнула застежки и пошла за пожарным к выходу. Он остановился на первой ступеньке лестницы, забрал у нее саквояж и скинул кому-то вниз. Потом спустился еще на пару ступенек, протянул девушке руку и поманил к себе. Кей

зажмурила глаза, когда лестница согнулась и закачалась под двойным человеческим весом. Мужские руки крепко взяли ее за талию.

— Давайте, милочка, у вас получится.

Медленно, задерживаясь на каждом шагу, они спустились. И когда нога Кей коснулась последней ступеньки, она упала в обморок.

Очнувшись, увидела склонившуюся над ней медсестру. Придерживая ее за подбородок, сестра растирала виски йодинолом. Кей застонала и попыталась высвободиться. Хватка окрепла.

— Все хорошо, душенька. Лежи смирно. Почти готово.

Что-то жесткое давило в спину, и когда медсестра закончила, Кей повернула голову и увидела, что ее прислонили к заднему колесу пожарной машины. К стене разбомбленного дома приставили еще две лестницы, трое мужчин в стальных касках стояли рядком наверху — принимали носилки, которые спускали к ним шестеро пожарных. Медсестра проследила за ее взглядом:

— Кто-то из ваших?

— Возможно.

— Тогда давайте посмотрим.

Она подала руку и помогла Кей подняться. Потом обняла ее за плечи и подвела к подножию

лестницы.

Носилки спускались медленно, пожарные переговаривались, требуя держать ровнее. Кей узнала Майка по вьющимся черным волосам. Он был укутан в одеяло. Когда носилки опустили на землю, Майк повернулся и заметил ее. Лицо было искажено болью, но усилием воли он выпростал руку из-под одеяла и вяло поднял большой палец. Кей обхватила его руку своими.

— Это была «Фау-два»? — спросил Майк.

Она кивнула.

— Чертовски забавно. — Он слабо улыбнулся.

Кей обратилась к медсестре:

— Куда его повезут?

— В Варфоломеевскую больницу. Можете поехать с ним, если хотите.

— Я бы с радостью.

Майк отвел ее руки. Выражение его лица сделалось вдруг отстраненным, как будто он и Кей были чужие друг другу. Взгляд устремился в небо.

— Лучше не надо, — сказал он.

Глава 3

Они стояли под елью, с ветвей капала дождевая вода. Граф курил сигарету, Бивак держал раскрытый блокнот. Граф хотел сразу после запуска вернуться в Схевенинген, но Бивак пожелал задержаться и понаблюдать за работой полка. Они смотрели, как несколько человек из пускового расчета расчищают стартовую площадку, сматывают электрические кабели и складывают мачту. Стартовый стол представлял собой кольцо из прочного сплава, размером чуть больше обеденного стола — того же диаметра, что и «Фау–2», — стоявшее на гидравлических ножках, а под кольцом находился пирамидальной формы отражатель.

— Она тяжелая? — спросил Бивак.

— Тонны полторы.

Солдаты прикатили двухколесную тачку и загнали ее под платформу. Люди работали быстро, почти не переговариваясь, сокращая время, за которое их могли обнаружить самолеты противника. Где-то в лесу ожил мощный двигатель, закашлял клубами бурого дыма, и понемногу

из-под земли выполз полугусеничный бронетранспортер.

— Это что такое?

— Машина управления пуском, — пояснил инженер. — На время старта ее прячут в капонире.

Бронетранспортер прогромыхал через подлесок в их сторону и остановился. Водитель не глушил мотор, пока пусковая команда цепляла платформу к его фаркопу. Затем солдаты забрались на крылья и прильнули к броне. Машина взревела и спустя минуту скрылась из вида. За исключением слабого запаха гари и опаленных ветвей, не осталось никаких следов запуска.

Бивака эти операции удивили не меньше самого старта.

— И это все?! Господи, да вы же способны стрелять откуда угодно!

— Да, при условии, что есть участок ровной и достаточно твердой земли. Угол автомобильной стоянки или школьная игровая площадка вполне подойдут.

Год назад Граф не мог вообразить, что они смогут запускать ракеты с такой легкостью. Как не мог и помыслить, что удастся наладить массовое производство — теперь «Фау–2» изготавливались тысячами. Чудовищная гениальность этого про-

екта преподносила все новые сюрпризы.

— Как должно быть удивительно вам это видеть: то, над чем вы трудились с шестнадцати лет, в итоге стало оружием для защиты фатерланда.

Это прозвучало столь многозначительно, что Граф вгляделся в лицо штурмшарфюрера, но оно оставалось невозмутимым.

— Само собой. — Граф сделал последнюю затяжку, бросил окурок на землю и раздавил каблуком. — Пора возвращаться.

Они не успели пройти по дороге пятидесяти метров, как снова услышали бронетранспортер — его двигатель выл, словно в ужасе. Машина, уже без людей на броне, преодолела с большой скоростью поворот и резко затормозила. Откинулась боковая дверца, высунулась голова сержанта Шенка, командира пусковой команды. Шенк был ветераном — на Восточном фронте мороз лишил его обоих ушей.

— Доктор Граф! Нештатная ситуация на позиции семьдесят три. Вас срочно вызывает лейтенант Зайдель.

Он протянул руку, чтобы помочь Графу забраться в бронетранспортер, но при виде Бивака заколебался.

— Все нормально, он со мной, — сказал Граф.

Шенк втащил эсэсовца в машину и захлопнул дверцу.

— Вы ничего не забыли, сержант? — осведомился Бивак.

Шенк уставился на него взглядом сначала непонимающим, затем любопытным. Потом неторопливо поднял руку:

— Хайль Гитлер.

Бронетранспортер резко дал задний ход, потом рванул вперед, и пассажиры едва удержались на ногах. Граф ухватился за одно из двух вращающихся кресел, Шенк — за другое. С издевательской вежливостью метрдотеля модного ресторана он предложил сиденье Биваку. Машина развернулась, ломая кусты, и выехала на дорогу.

Кресла предназначались для командира пускового расчета и его помощника, чтобы вести наблюдение за стартом. Над приборной панелью в заднем борту имелась узкая смотровая щель, через нее было видно убегающие назад колеи. Бивак разглядывал циферблаты и тумблеры. Он был не прочь выслушать очередную лекцию, но Граф был слишком занят тревожными догадками, чтобы его просвещать. «Нештатная ситуация». Сколько раз за последний месяц доводилось ему слышать эти слова?

В душной кабине его замутило от качки. Он вцепился в края сиденья. Через пару минут машина сбросила скорость, объезжая колонну стоящих на обочине бензовозов. Солдаты прятались под деревьями, грели руки в карманах. Курить в непосредственной близости от топлива запрещалось. Бронетранспортер остановился, сержант открыл дверцу. Граф с облегчением выбрался на прохладный, сырой воздух.

Лейтенант Зайдель ждал его. В полку было три батареи по три огневых взвода, личный состав каждого — тридцать два человека. Зайдель командовал второй батареей. Он был почти ровесник Графу, земляк-берлинец. Иногда по вечерам, если усталость не одолевала, они в офицерской столовой играли в шахматы. О политике никогда не говорили.

Вид у Зайделя был хмурый.

— У нас пожар в приборном отсеке.

— Пожар? Питание отключили?

— Полностью. Идите взгляните.

Они обогнули броневик. В паре сотен метров дальше по дороге стояла одинокая ракета, готовая к запуску. Зайдель протянул инженеру полевой бинокль. Граф навел его на «Фау–2». Из корпуса чуть ниже боеголовки поднималась слабая

струйка дыма, разносимого ветром.

— Она заправлена?

— Доверху. Потому-то мы и эвакуировали всех с площадки. Возгорание заметили буквально за минуту до старта.

Граф опустил бинокль. Потер подбородок, помассировал большим и указательным пальцами переносицу. Выбора не оставалось.

— Пожалуй, мне стоит пойти и посмотреть.

— Уверены?

— Так ведь это же я соорудил проклятую штуковину, — попробовал отшутиться Граф. — Если честно, меня пугает не столько вероятность взрыва, сколько необходимость забираться по чертовой лестнице Магируса[1].

Это было недалеко от правды — он боялся высоты.

Зайдель хлопнул его по плечу:

— Хорошо. Мне нужны два добровольца. — Он подмигнул Графу и огляделся. Потом указал на стоявших поблизости солдат. — Ты и ты. Приставьте к ракете лестницу.

Дружно побледнев, солдаты взяли под козырек:

---

[1] Примечания: 1

Лестница Магируса — раздвижная пожарная лестница, названная в честь своего изобретателя Конрада Дитриха Магируса (1824–1895).

— Есть, герр лейтенант!

— Мне понадобятся перчатки и инструменты для приборного отсека! — прокричал им вслед Граф. Только сейчас он вспомнил про Бивака, слушающего разговор, и обратился к Зайделю: — Кстати, это штурмшарфюрер Бивак. Он зачислен в наш полк в качестве офицера Национал-социалистического руководства вермахта.

Зайдель снова хохотнул, как будто Граф продолжал шутить, но, когда Бивак щелкнул каблуками, вскинул руку и произнес: «Хайль Гитлер!», улыбка сошла с лица лейтенанта. Он отсалютовал в ответ.

— Какова ваша задача в полку, штурмшарфюрер?

— Поднимать воинский дух. Напоминать войскам о том, за что они сражаются.

У Зайделя опустились уголки губ, и он кивнул:

— Дело нужное.

Граф снова посмотрел в бинокль. Ему кажется или дым стал гуще? Тревожила не близость пожара к боеголовке — пока взрыватель не активирован, аматол не более опасен, чем ком желтой глины весом в тонну. Другое дело — топливо. Ему уже приходилось видеть, как взрываются баки. Однажды такая авария погубила трех человек

прямо у него на глазах. И это была всего лишь маленькая экспериментальная емкость, тогда как как в «Фау–2» залито восемь с половиной тонн спирта и жидкого кислорода. Инженер постарался выбросить жуткую сцену из головы.

— Мы теряем время, — сказал он. — Велите солдатам поторопиться с лестницей.

И пошел к ракете. Услышав шаги, обернулся и увидел догоняющего его Бивака.

— Нет-нет, вы ничем не поможете, — бросил Граф. — Держитесь подальше.

— Предпочитаю пойти с вами. — Бивак поравнялся с ним. — Лейтенант склонен видеть во мне всего лишь бумагомараку из Коричневого дома, а ведь я два года провоевал на востоке. Я должен служить примером для солдат. Вы меня понимаете?

— Как вам угодно, — ответил Граф и прибавил шагу.

«Фау–2» была чудовищем в семь человеческих ростов, а в тот момент казалась еще выше. Подойдя, он снял шляпу и задрал голову. Причина наверняка в трансформаторе. В Пенемюнде была обнаружена склонность ракеты взрываться на завершающей стадии полета из-за перегрева при входе в плотные слои атмосферы. Поэтому для

защиты верхней секции был добавлен металлический кожух. Но из-за него в холодное время усилилось образование конденсата, а тот вызывал короткие замыкания. Решая одну проблему, создаешь другую.

Подоспела лестница, ее привез в прицепе небольшой грузовик. Водитель затормозил около ракеты, выпрыгнул из кабины и немедленно приступил к выгрузке. Лестница была того типа, который используют пожарные, — выдвижная, из трех секций. Другой солдат вручил Графу чемоданчик с инструментами. Оба рядовых с опаской поглядывали на дым. Инженер взял пару небольших гаечных ключей, отвертку, фонарик и рассовал по карманам плаща.

Солдаты приставили лестницу к корпусу под дымящим отсеком и направились к своим товарищам — неторопливый шаг быстро перешел в рысцу. Граф проводил их взглядом. Разумные парни, подумалось ему. Он передал Биваку шляпу, натянул асбестовые перчатки и полез наверх.

Нижняя секция, самая массивная, оказалась достаточно устойчивой, но чем выше, тем более шаткой становилась лестница, да и ветер тут дул сильнее, хлестал полами плаща по ногам. Граф смотрел прямо перед собой, заботясь о том, чтобы

утвердиться на ступеньке, прежде чем перенести ногу на следующую. Он миновал двигательный отсек, бак с жидким кислородом, бак со спиртом. В том месте, где к фюзеляжу примыкал носовой конус, находился приборный отсек № 2.

Дым валил из щелей смотрового лючка. Графу пришлось стянуть правую перчатку, чтобы достать отвертку и вывернуть винты. Когда лючок открылся, наружу вырвался клуб едкого дыма. Инженер отвернулся, чтобы не наглотаться, и это вынудило его пройтись взглядом по сторонам. Дорога, вспомогательная техника, наблюдающие солдаты — все это замелькало перед глазами, ноги и руки сделались ватными. Он вжимался в лестницу, пока не успокоились нервы, дав ему возможность высвободить вторую руку и снова надеть перчатку.

Он засунул обе руки во внутренность ракеты, стараясь отворачивать голову. Его бил кашель, глаза жгло. Очень удачно, что он умел ориентироваться в отсеке вслепую — именно так и приходилось теперь работать. Пальцы на ощупь спустились от коробки предохранителей к фильтрующему контуру и далее к главному электрораспределительному щиту. Граф выудил из кармана ключ, пошарил им и нашел пару бол-

тов крепления трансформатора. Повозившись несколько минут, выкрутил их, затем ухватился за трансформатор обеими руками. Вынимая его из отсека, ощутил лицом исходящий от металла жар. Граф крикнул Биваку, чтобы тот отошел, и швырнул трансформатор как можно дальше от ракеты.

Дым внутри отсека сразу стал густым. Инженер включил фонарик и направил внутрь. Бо'льшая часть толстой резиновой оплетки главного кабеля оплавилась. Фанерная обшивка отсека обуглилась. В остальном не заметно было никаких существенных повреждений. Граф закрыл лючок и очень медленно, стараясь не смотреть вниз, стал спускаться.

К моменту, когда он добрался до земли, к «Фау–2» уже направлялись со всех сторон несколько десятков человек, как пешком, так и на машинах. Среди них были не только Зайдель и командир пусковой команды, но и лично полковник Хубер, ехавший на переднем сиденье штабного автомобиля. Бивак нагнулся, рассматривая сгоревший трансформатор. Он попытался было его поднять, но тот был слишком горячим, даже для кожаных перчаток; пришлось сразу бросить.

— Насколько сильно повреждена ракета? —

спросил Зайдель.

Граф стянул перчатки и присел на корточки, переводя дух.

— Повреждений никаких, насколько я могу судить. Только трансформатор.

— Что посоветуете?

— Слить топливо. Отправить ракету в мастерскую, чтобы протестировать электрику.

— А нельзя ли просто установить новый трансформатор?

— Можно, но зачем рисковать?

— Вы же сказали, что повреждений нет, — вмешался Бивак.

Граф встал:

— Скорее всего, нет, но мы не можем быть уверены полностью, пока не проверим авионику.

— Сколько времени займет слив топлива?

— Часа два.

— В итоге вы потеряете полдня, а Лондон получит спокойный вечерок! Допустим, вы проведете запуск — какой возможен худший расклад?

— Ракета может не взлететь, — ответил Граф. Ему стоило немалого труда скрывать раздражение — этот пропагандист всего лишь час провел в Схевенингене, а уже вообразил себя экспертом! — Или собьется с курса, и тогда мы выбросим на

ветер сотню тысяч рейхсмарок.

К ним подошел Хубер:

— Итак, господа, что предпримем?

— Доктор Граф рекомендует отменить запуск, — сказал Зайдель. — Штурмшарфюрер не согласен.

— Не обращайте на меня внимания, — заявил Бивак. — Я тут не более чем наблюдатель.

Хубер посмотрел на ракету, на обгоревший трансформатор, на Графа, затем на блокнот Бивака. Инженер почти слышал, как щелкают мыслительные шестерни в голове у полковника.

— На войне без риска не обойтись, — сказал наконец Хубер. — В этом суть национал-социализма. — Он кивнул Зайделю. — Деталь заменить, запуск выполнить.

Граф, раздосадованный, отвернулся. Хотелось закурить, но это не помогло бы успокоить нервы. Оставалось только ходить вокруг стартовой площадки, как он частенько делал в Пенемюнде, когда заканчивались последние приготовления.

Со склада доставили на мотоцикле новый трансформатор, унтер-офицер из команды запуска проворно поднялся по лестнице и установил его. Отсек закрыли, лестницу сложили и увезли, электрические кабели подсоединили. Прозвучала сирена, солдаты укрылись в траншеях. Зайдель,

Хубер, Бивак и следом за ними Граф гуськом пробрались через кусты к машине управления пуском, почти по крышу спрятанной в окопе у начала склона.

Дверца захлопнулась. Внутри бронетранспортера стало тесно. И холодно — люк в крыше был открыт. По громкой связи передали подтверждение с радиолокационной станции в Гааге, что в радиусе пятидесяти километров нет вражеских самолетов.

— Можно запускать.

— Какова процедура? — полюбопытствовал Бивак.

Граф забился в угол, предоставив Зайделю просвещать эсэсовца.

— У пускового переключателя пять позиций. Мы сейчас на первой…

Сидевший за приборной панелью сержант высунул голову в люк и посмотрел на ракету.

— Начинаем обратный отсчет. Десять… девять…

Переключение на вторую позицию означало закрытие клапанов топливных баков и открытие подачи сжатого воздуха в бак с жидким кислородом.

— …восемь… семь… шесть…

Третья позиция: турбонасос начал прокачивать смесь перекиси водорода с марганцовокислым натрием, чтобы произошло зажигание. Воспламенитель в форме свастики завертелся колесом святой Екатерины, выбрасывая снопы искр.

— …пять… четыре…

Четвертая позиция: топливо из обоих баков пошло в камеру сгорания. Прерывистое ревущее пламя забило из-под хвоста ракеты.

— …три… два… один…

— Пуск! — Сержант нырнул в кабину и захлопнул люк.

Пятая позиция: турбонасос включился на полную мощность, под большим давлением впрыскивая топливо в камеру сгорания.

Бронетранспортер затрясся. Ощущение было такое, словно шум зарождается в солнечном сплетении, а затем струится наружу. Сломанные ветки забарабанили по крыше. Граф зажимал ладонями уши и молился.

Глава 4

Кей стояла в тот миг на углу Чансери-лейн и Уорик-Корт, держа в руке саквояж, и смотрела, как карета «скорой помощи» пробирается к больнице Святого Варфоломея. С момента прилета ракеты прошло семьдесят шесть минут. Район запрудили выжившие и любопытные. Водителю приходилось то и дело включать сирену. Люди оглядывались, расходились по сторонам, увлекая за собой зазевавшихся соседей, затем снова заполняли дорогу.

Наконец «скорая» скрылась из виду. Звук сирены стих. Но даже теперь Кей не сдвинулась с места. Ее мозг работал словно на половинной скорости. Он прорабатывал только одну мысль зараз.

«Лучше не надо». Он в самом деле так считает или ей следовало настоять и поехать с ним?

Находящаяся на полпути через Северное море ракета работала как часы. Два гироскопа — один отвечающий за вертикальное ориентирование, другой за горизонтальное, — вращаясь со скоростью в тридцать тысяч оборотов в минуту,

удерживали «Фау–2» строго на заданном курсе.

Кей, в одном платье, без пальто, поняла, что замерзла. Впервые за этот час с лишним она осмотрелась и обнаружила, что почти все витрины магазинов на Чансери-лейн разбиты, как и окна в верхних этажах домов и стекла брошенных на дороге автомобилей, стоящих под самыми нелепыми углами. Широкая улица, пусть и запруженная, выглядела на удивление статично. Так бывает в Вест-Энде по вечерам: спектакли закончились, а люди ждут, когда выйдут друзья, и делятся впечатлениями или обсуждают планы на будущее. Крови было много: на лицах, на одежде, на мостовой. Пожилая пара сидела на бордюре, держась за руки и опустив ноги в канаву. Мальчонка цеплялся за пустую детскую коляску и плакал. Повсюду валялись осколки стекла, кирпичи, обломки штукатурки. Она заметила странный кусок тонкого металла, лежащий возле ее ног, и подняла. Он был еще теплый. Кей предположила, что это обломок ракеты — фрагмент фюзеляжа или хвостового стабилизатора, — и аккуратно положила его на землю. Кто-то окликнул ее, но, прежде чем ей удалось сосредоточиться, этот человек ушел.

Спустя какое-то время она двинулась в ту сто-

рону, куда уехала карета «скорой помощи».

Больница Святого Варфоломея находится в лондонском Сити, уж это Кей знала наверняка. Если она не увидит Майка, то хотя бы постоит под окнами. Кей еще не придумала четко, что делать.

Немногим более четырех миль к юго-востоку, в Дептфорде на Нью-Кросс-роуд, в универмаг сети «Вулворт» завезли партию кастрюль — дефицитного товара в Англии военной поры. Слух разлетелся мгновенно, и домохозяйки выстроились в длинную очередь. Этот магазин располагался в большом четырехэтажном здании. Суббота была самым посещаемым днем, а обеденный час — самым оживленным часом. Многие захватили с собой детей, в кондитерском отделе собралась целая толпа. Молодая мать, левой рукой прижимая к себе двухмесячного младенца, пересекала Нью-Кросс-роуд на пути к кастрюльному Клондайку. Сорок лет спустя она вспоминала, как «воздух вдруг остановился и стало трудно дышать».

Когда некий объект преодолевает звуковой барьер и продолжает лететь со скоростью, превышающей число Маха, то есть семьсот шестьдесят семь миль в час, он несет с собой шум звукового порога, подобно тому как волна расходится из-

под носа гоночного катера. В двенадцать часов двадцать пять минут — Кей точно знала время, потому что эти числа позже звучали в официальных сообщениях, — она услышала нечто похожее на треск очень мощного фейерверка. За этим треском через несколько секунд последовал громкий звук, как будто где-то вдалеке захлопнули тяжелую дверь. Затем раздался рев летящей ракеты. Все вокруг замерли, глядя вверх.

«Фау–2» попала точно в центр универмага и проломила все этажи, прежде чем взорвалась, оставив в земле воронку глубиной тридцать футов. Большинство жертв погибли мгновенно — в самом «Вулворте», в кооперативном магазине по соседству, в мануфактурной лавке через улицу и в автобусе пятьдесят третьего маршрута, где погибшие так и остались сидеть на местах, с травмированными взрывной волной внутренними органами. Было убито сто шестьдесят человек.

Бэнфилл, Брайан Джон, 3 года; Бэнфилл, Флоренс Этель, 42 года…

Браун, Айви, 31 год; Браун, Джойс, 18 месяцев; Браун, Сильвия Розина, 12 лет…

Гловер, Джулия Элизабет, 28 лет; Гловер, Майкл Томас, 1 месяц; Гловер, Шейла, 7 лет…

Кей смотрела, как над крышами поднимается

тонкий столб бурого дыма.

Во время войны и после нее шли споры, что оказалось страшнее: «Фау–1», эта непилотируемая бомба с двигателем, которую было видно и слышно и которая начинала падать, лишь полностью выработав топливо, тем самым давая время на поиск укрытия, или «Фау–2», взрывавшаяся без предупреждения. Большинство склонялось к «Фау–2». Ракета в неменьшей степени играла на нервах, чем «Фау–1», но не оставляла шансов на спасение. А еще она была пугающе футуристичной — вестник из новой эры, созданный врагом, чье поражение уже вроде как предрешено. Это побуждало гадать, какие еще козыри могут таиться у Гитлера в рукаве.

Кей глядела на дым еще несколько секунд, затем попятилась, через пару шагов развернулась кругом и быстро зашагала, прокладывая себе путь, расталкивая таращившихся в небо людей и не реагируя на ругань, что летела ей вслед.

По Лондону раскатывалось характерное эхо двойного взрыва. Встречавшиеся ей субботние покупатели шли понурив голову, с напряженным выражением на лице, переговариваясь вполголоса. Когда в сентябре упали первые «Фау–2», власти состряпали легенду о взрывах на магистральных

газопроводах. Никто не поверил. («Слыхали о новом немецком секретном оружии — летающих газопроводах?») И всего лишь две недели назад Черчилль озвучил в парламенте правду. Тонкая пелена тревоги накрыла город.

Кей спешила на запад, мимо станции «Холборн», мимо Тоттенхэм-Корт-роуд… Было какое-то успокоение от простого, машинального, ритмичного действия — ставить одну ногу перед другой. Ей немало было известно о «Фау–2»: размеры, дальность, топливо, нагрузка, пусковые платформы. У нее на глазах ракета обретала очертания в течение минувших полутора лет — так техник в лаборатории наблюдает в микроскоп за делением раковых клеток. Ее психическое состояние было странным: три четверти паники и четверть холодной профессиональной оценки. Если немцы сумели запустить на Лондон две ракеты за час с небольшим, значит они нарастили свои возможности и действительно начинается новый этап войны.

На Оксфорд-серкус у какого-то автомобиля стрельнул глушитель. Кей инстинктивно пригнулась, как и другие прохожие. Потом они выпрямились, обменялись грустными взглядами и пошли дальше, каждый по своим делам.

В итоге она прошагала почти пять миль, всю дорогу до вокзала Паддингтон. Ближайший поезд до Марлоу должен был отойти через тридцать минут. Кей зашла в дамскую комнату и стала рассматривать себя в большом общем зеркале. Неудивительно, что люди косились на нее. Белая штукатурка в каштановых волосах и на лице уподобила ее напудренной кокетке эпохи Регентства. На щеках полосы сажи, нос тоже испачкан, на виске запеклась кровь от пореза. Платье все в пятнах, к тому же разорвано на плече. «Вот уж и впрямь грязные выходные», — подумала она и рассмеялась в голос — получилась острота из тех, что нравятся Майку. А потом вцепилась в край раковины и разрыдалась.

— Что с вами, дорогая? — Средних лет женщина с косынкой на голове стояла у соседней раковины и озабоченно смотрела на Кей через отражение в зеркале.

— Ничего, все в порядке. Простите. — Кей повернула кран, наклонилась и стала умываться холодной водой, глядя, как грязные разводы кружат в раковине и убегают в слив. Она подняла голову, только когда пришла в себя. Потом отыскала свободную кабинку, заперла дверь, поставила саквояж на сиденье унитаза, стащила

через голову платье и взяла голубую рубашку и черный галстук. Пальцы не слушались. Она косо застегнула пуговицы, пришлось начать сначала. Затем натянула на бедра плотную синюю юбку, встряхнула такого же цвета китель с единственной плетеной нашивкой на рукаве и кое-как разгладила складки. Продела в прорези пуговицы и подпоясалась ремнем.

Вернувшись к умывальнику, зажала в зубах заколки и убрала волосы. С пальцев не смывается сажа — тут уж ничего не поделаешь. Самое худшее прикроет фуражка. Кей наложила купленную для выходных косметику, следуя советам Мерл Оберон[2] из выпуска «Вог» этого месяца («Всего лишь несколько секунд с „Панкейк“ от „Макс Фактор“, и вы гламурны!»), густо припудрив порез. Боль была адская. Кей прошлась по губам помадой, надела фуражку и заправила под нее выбившиеся прядки. Наконец выпятила подбородок и взглянула в зеркало. На нее смотрела внушительная, казавшаяся совсем незнакомой женщина: командир звена А. В. Кейтон-Уолш из Женской вспомогательной службы ВВС. Выдавали только глаза — испуганные, покрасневшие.

---

[2] Примечания: 2

Мерл Оберон (1911–1979) — популярная британская киноактриса.

Кей взяла саквояж и вышла в вестибюль вокзала.

В кафе она заняла привычное место, откуда могла видеть часы. Сидела, зажав в ладонях чашку с чаем, разглядывала толпу у ворот, ведущих на платформу. Изобилие мундиров — темно-синих, голубых, хаки. Множество американцев — свои ранцы они навалили грудой на тележку. Шумная компания школьников, встречающих родителей. Купол из чугунных конструкций и закопченного стекла высоко над ними походил на птичник из-за порхающих голубей.

Ее взгляд застыл на куполе. Вообразилось, как ракета пробивает его и устремляется к ней. Глупо допускать, что она может стать очевидцем падения трех «Фау–2» за один день.

Тем не менее она быстро допила чай и пошла искать свой поезд. Игла беспокойства перестала колоть затылок, только когда вагон стал удаляться от Паддингтона, унося ее за радиус поражения «Фау–2».

Поездка из Лондона до Марлоу занимает около часа: живописный маршрут пролегает по долине Темзы, через Мейденхед, Кукхем и Борн-Энд. Кей сидела у окна и тоскливо взирала на зеленые заливные луга, невозмутимых пегих коров, реки,

пруды и каменные церквушки. В порядке выполнения одной из своих обязанностей она иногда посещала какой-нибудь ангар ВВС в сельском Оксфордшире, расспрашивала пилотов сразу после возвращения из разведывательного полета над Германией. Молодые парни, только что со школьной скамьи, склонные пофлиртовать, еще не снявшие летные куртки, пренебрежительно высказывались о недавно пережитой опасности: «Пара пустяков, мэм». И только дрожь в подносящих огонь к сигарете руках выдавала, что бравада напускная. Иногда самолет не возвращался. Шли часы, Кей ждала, потом ей тихо намекали, что пора уезжать. Кей спрашивала себя, хватило бы ей храбрости выполнять работу, которая досталась этим мальчикам. Теперь у нее был ответ. Впервые за войну она столкнулась со смертью лицом к лицу, и инстинкт побудил ее покинуть Лондон как можно скорее.

Конечно, можно найти оправдания. Травмы вроде как не угрожают жизни Майка. Он сам запретил ей ехать в больницу. Без него ей некуда пойти и нечем заняться в столице. Но это наводило на мысль: а что вообще делала она в Уорик-Корте? Связь с женатым мужчиной — это дурно само по себе. Но заниматься любовью с

женатым мужчиной на постели, которую он делит с женой…

«В выходные квартира свободна, мы можем славно провести время…»

Из его уст это прозвучало как пустячок. Но добавило лишний слой обмана, даже жестокости — казалось бы, что мешало снять, как обычно, номер в гостинице, чтобы провести время вдвоем? Кей давно перестала верить в Бога, но теперь падение «Фау–2» ей представлялось не чем иным, как карой небесной. Абсурдная мысль — но она изводила ее, раз за разом прокручиваясь в голове.

В Борн-Энде в ее купе ввалилась троица хихикающих девиц из ЖВС. Аэродромная обслуга, второй сорт. Заметив нашивку у нее на рукаве, девушки отдали честь и притихли. Их уважение только усилило угрызения совести. Кей сняла с багажной полки саквояж и вышла в коридор. Стоя у двери в тамбур, открыла окно. Параллельно путям струилась Темза, широкая и глубокая после недавних дождей; на стрежне плыла, увлекаемая течением, пара лебедей.

Высунув голову, она вдыхала ветер, пока не кончились силы терпеть угольную пыль и запах дыма.

В Марлоу Кей пропустила девчонок из ВААФ вперед и дождалась, когда опустеет платформа, прежде чем вышла через вокзал на улицу. Снаружи ждал армейский грузовик. Бывшие попутчицы сидели в кузове.

— Вас подвезти, мэм?

— Нет, девочки, спасибо. Я пройдусь.

Мимо домов из кирпича и кремня на широкую главную улицу в георгианском стиле: увитые плющом почтовые гостиницы и чайные, магазинчики со стрельчатыми витражными окнами, деревянные побеленные дома, соломенные крыши — все это придавало городскому пейзажу нелепую живописность, отражая голливудское представление об Англии, как сцена из «Миссис Минивер»[3]. Где-то шел футбольный матч — доносились свистки, ликование зрителей. Кей вышла за городскую черту и зашагала по дороге на Хенли, между полей и высоких изгородей; время от времени по левую руку показывалась река. Лишь примерно через милю война снова напомнила о себе. В лесу притаилась зенитная батарея. Взвод обливающихся потом краснолицых солдат в спортивной форме выбежал навстречу. Потом

[3] Примечания: 3

«Миссис Минивер» — американский фильм 1942 г.; действие происходит в Англии в годы Второй мировой войны.

мимо проехал грузовик в защитной окраске. Вот и контрольно-пропускной пункт.

У шлагбаума она показала пропуск.

— Вас подвезти до дому, мэм?

— Все в порядке, капрал, спасибо. Прогулка мне только на пользу.

Значительная часть британской тайной войны велась там, где кончались вот такие извилистые сельские дороги, через заброшенные парки с разросшимися рододендронами и слезящимися вязами ведущие к неприглядным сельским имениям, где разгадывались шифры, планировались специальные операции, велись беседы с попавшими в плен нацистскими генералами, допрашивались шпионы, готовились агенты. Кей ходила по этой дороге уже два года, всякий раз невольно вспоминая школу. Путь приведет к Дейнсфилд-Хаусу, особняку в псевдоелизаветинском стиле. Он построен в конце века — белый, как глазурь на свадебном торте, с зубчатыми стенами, крутой красной крышей и высокими кирпичными трубами. Декоративный сад спускается к Темзе.

В первый ее приезд имение выглядело приятным местом — есть где погулять между дежурствами. Но потом его обезобразили десятки

длинных и приземистых офицерских общежитий, сложенных из бревен, и уродливых полукруглых хижин Ниссена из ржавой жести, служивших казармами. В одной из этих хижин жила Кей вместе еще с одиннадцатью служащими, по четыре на комнату.

Она постояла на пороге, молясь, чтобы внутри никого не оказалось, потом расправила плечи, отворила металлическую дверь и загрохотала тяжелыми армейскими ботинками по дощатому полу. По правой стороне коридора четыре двери; туалет и ванная ближе к выходу; посередине угольная печь; угли уже остыли. Спальня Кей в дальнем конце. Ставни закрыты, в комнате темно, сильно пахнет «Викс Вапо Раб»[4].

Казалось, в помещении никого, но вдруг одеяло на дальней кровати в углу зашевелилось и обрисовалось обращенное к Кей лицо.

— Ты же вроде в Лондон уехала на выходные.

Кей шагнула через порог. Разворачиваться поздно.

— Планы изменились.

— Подожди-ка…

В сумраке возник женский силуэт. Клацнули

---

[4] Примечания: 4

«Викс Вапо Раб» — мазь от простуды.

открываемые ставни. Ширли Локк, выпускница экономического факультета университетского колледжа в Лондоне, почти беспрерывно болевшая эти два года простудой (только летом та называлась сенной лихорадкой), закрепила ставни и вернулась в постель. На девушке была фланелевая ночная сорочка с алыми розочками, застегнутая до острого подбородка. Ширли нацепила очки и всплеснула рукой:

— Господи! Кей, что ты сделала с лицом?!

— Автомобильная авария. — Это было первое, что пришло на ум.

Кей уже приняла решение не рассказывать про «Фау–2», иначе конца не будет расспросам.

— Ах ты бедняжка! Чья это была машина?

— Просто дурацкое такси. — Кей открыла свой шкафчик и поставила саквояж. — У него колесо взорвалось на набережной, и оно врезалось в фонарный столб.

— Когда это случилось?

— Сегодня утром.

— Но почему ты вернулась? Разве твой парень не мог позаботиться о тебе?

— А кто говорил про парня? — Кей направилась к двери. — Извини, мне пора. Увидимся позже.

— Ты же должна понимать, что придется рас-

сказать о нем рано или поздно! — прокричала ей вслед Ширли. — О твоем таинственном кавалере. — Когда Кей была уже наполовину в коридоре, гнусавый из-за заложенного носа голос донесся снова: — Тебе нужно позаботиться о порезе!

Дейнсфилд-Хаус утратил былое изящество. Переименованный в базу ВВС Медменхем (по имени близлежащей деревушки), он приобрел бюрократический дух — смесь запахов пыли и карандашной стружки, картонных папок и ластиков; так пахнет из редко выдвигаемого ящика письменного стола. Люстры сняли, лепнину завесили, на полы постелили линолеум; повсюду запестрели печатные таблички. К примеру, на двери бального зала появилась табличка «Секция Z / Центральный отдел дешифрования», и именно туда теперь направлялась Кей.

Уже перевалило за половину четвертого. Короткий зимний день сдавался сумеркам. За террасой отражалось в Темзе низкое солнце. В стенах бального зала несли службу двадцать интерпретаторов Второго этапа. В основном это были женщины. Они сидели за тремя рядами столов, развернув поудобнее наклоняемые лампы «Энглпойз», и корпели над работой. Тут царили безмолвие и напряженная сосредоточенность,

как в экзаменационной аудитории. Время от времени кто-нибудь вставал, подходил к полке, чтобы взять папку или подшивку инструкций, или к плакатам, на которых были показаны во всех возможных ракурсах вражеские боевые машины: бронетранспортеры, танки и самоходные гаубицы, истребители и бомбардировщики, подводные и надводные корабли. Длинный стол на козлах был заставлен проволочными корзинами с черно-белыми фотографиями, распределенными по секторам: «Рур», «Саар», «Балтика». За этим столом сидела сержант из ВААФ и заполняла журнал.

— Есть что-нибудь из Голландии? — спросила Кей.

Сержант указала на пустую корзину:

— Плохая погода, мэм. Нет вылетов вот уже сорок восемь часов.

Кей вышла из зала и стала подниматься по лестнице. Первый этап обозначался табличкой «Текущий/операционный» и занимался опросом пилотов с базы ВВС Бенсон, как только те возвращались на аэродром с задания. Второй этап, в бальном зале, анализировал поступившие за сутки фотографии, которые могли быть немедленно использованы в военных целях. Все менее

срочное передавалось наверх, в Третий этап. Кей работала там, в кабинете, где прежде были спальни и ванные комнаты. Она дошла по коридору до бюро регистрации и попросила выдать ей сделанные за неделю снимки побережья Голландии, от Хук-ван-Холланда до Лейдена.

— А лучше за две недели, — добавила она.

Пока дежурная ходила за папкой, Кей оперлась локтями на стойку и наклонилась. Закрыла глаза. Снова накатила слабость. Люди сновали по коридору у нее за спиной. Где-то коротко прозвонил телефон. Дважды чихнул мужчина. Звуки доходили до нее странно приглушенными, как под водой.

— Кей, дорогая, ты в порядке? — прозвучал сзади тихо, но четко женский голос.

Кей глубоко вздохнула, растянула губы в улыбке и повернулась к узкому и серьезному лицу Дороти Гаррод — такой миниатюрной, лишь чуть-чуть выше пяти футов, что для нее так и не удалось подобрать мундир, который не был велик. Немного за сорок, она была значительно старше большинства сотрудниц. До войны Дороти трудилась профессором археологии в Кембридже. Теперь ее делом был анализ фотоснимков поврежденных бомбами немецких

городов, и она отдавалась ему с той же самозабвенностью, с какой прежде изучала стоянки людей палеолита. Командование бомбардировочной авиации могло утверждать, что цель уничтожена. Дороти заявляла обратное и стояла на своем. Поговаривали, что маршал ВВС Харрис ненавидит ее.

— Слегка приложилась головой, а так все хорошо.

Именно по рекомендации профессора Гаррод выпускница из Ньюнэм-колледжа[5] попала на службу в Центральный отдел дешифрования. Кей все еще трудно было обращаться к бывшей наставнице просто по имени.

— Ты очень бледная. Уверена, что не нужно отдохнуть?

— Я в порядке, честное слово.

Вернулась дежурная с папкой. Кей расписалась в получении, прижала документы к груди, коротко улыбнулась Дороти и отошла от стойки.

Она заняла свое место за столом у окна. Сотрудники были слишком заняты, чтобы заметить ее появление. Кей сняла фуражку, включила лампу и приготовила инструменты: стереоскоп, лупу,

---

[5] Примечания: 5

Ньюнэм-колледж — один из колледжей Кембриджского университета.

математические таблицы, логарифмическую линейку. Открыла папку.

На черно-белых фотографиях, испятнанных перьями облаков, представала четкая картина: длинное, прямое, плоское побережье. Широкие пляжи, дома и улицы Гааги и пригородов, включая Схевенинген на севере, а также большие участки леса, пересеченные дюнами и озерами. Не вызывало сомнений, что «Фау–2» запускают из этого района, — это единственный удерживаемый немцами плацдарм в Европе, всего лишь двести миль от Лондона. Пилоты патрульных «спитфайров» замечали иногда пролетающие над ними ракеты. Но откуда именно те стартуют? Это оставалось загадкой.

Кей не надеялась решить ее. Они с коллегами уже которую неделю изучали этот район. Но ведь всякое бывает. Бабс Бабингтон-Смит однажды попросили найти в Пенемюнде объект, который мог быть прототипом немецкого реактивного истребителя «Мессершмитт–262». Бабс изо дня в день разглядывала старые фотографии через увеличительное стекло фирмы «Лейц», пока не обнаружила рядом с аэродромом черточку меньше миллиметра шириной. Черточка масштабировалась в крыло длиной двадцать футов.

Кей вспомнила тот миг открытия и тихое торжество в голосе Бабс: «Кей, ну-ка, подойди и взгляни на это».

Даже если удастся что-нибудь обнаружить, какой в этом прок? Пусковые установки мобильны. Отстрелявшись, они наверняка перебазировались. Но лучше делать хоть что-то, чем сидеть сложа руки. Лучше, чем вернуться в казарму и слушать, как Ширли Локк хлюпает носом. Лучше, чем валяться в постели, вспоминая ту жуткую долю секунды до попадания ракеты или момент позднее, когда привязанный к носилкам Майк сказал: «Лучше не надо».

Кей состыковала две фотографии. Одна содержала фрагмент другой, давая наложение в шестьдесят процентов. Когда Кей навела стереоскоп на штативе, две картинки волшебным образом преобразились — получилось трехмерное изображение. И все же Кей увидела лишь черно-белый лесной массив: деревья такие крошечные и так плотно стоят, что невозможно отличить их друг от друга.

Но это не смутило Кей. Если надо, она просидит хоть всю ночь в поисках того, что спрятано в этом лесу, когда солнце опустится за Темзу и в окнах военного городка погаснут огни.

Глава 5

В Схевенингене, при свечах, в углу увешанного зеркалами фойе большого и в прошлом роскошного отеля «Шмитт», ныне служившего штаб-квартирой и офицерской столовой, полковник Хубер давал небольшой званый ужин в честь прибытия в полк Бивака.

Почетный гость сидел по правую руку от командира. По левую, тоже в черном как ночь эсэсовском мундире, расположился оберштурмбанфюрер Карлхайнц Дрекслер, начальник охраны. Чином равный Хуберу, это был лысый и толстый очкарик — прямая противоположность представителя высшей расы, как частенько думалось Графу. Напротив них сидели трое командиров огневых батарей. Зайдель, шахматист-берлинец, Кляйн, молчаливый толковый инженер, выслужившийся из нижних чинов, и Шток. Последний имел репутацию человека сильно взвинченного, и он расслаблялся по вечерам, читая вестерны. В дальнем конце стола сидел Граф.

Пара ординарцев в белых перчатках подавала

еду на украшенных монограммой тарелках из довоенного фарфора: водянистый капустный суп и жалкие остатки кабана, подстреленного в лесу часовыми-эсэсовцами на прошлой неделе. Имелся хлеб, но не было картошки — бо'льшая часть последнего урожая картофеля в Германии была реквизирована для перегонки в спирт, который требовался для производства ракетного топлива. Подобно избалованным детям, «Фау–2» объедала своих родителей.

Хотя Хубер выставил две бутылки шнапса и отпустил пару рискованных шуточек, атмосфера оставалась подавленной.

Интимный свет свечей, отражаясь в высоких зеркалах, подчеркивал пустоту выстуженного зала и темноту за соседними столами.

Граф лишь вполуха внимал беседе. Зайдель рассказывал другим командирам батарей про перегревшийся трансформатор. Дрекслер делился с Биваком воспоминаниями о Восточном фронте: «Мы сожгли ту деревню дотла…» Чего инженеру на самом деле хотелось, так это напиться до бесчувствия. Он проглотил свою порцию и теперь поглядывал на ближайшую бутылку, решая, не будет ли наглостью налить себе. И тут Хубер постучал ножом по стакану и встал:

— Господа, как вам известно, ночью прибудет партия ракет, поэтому мы вынуждены закончить пораньше, чтобы немного отдохнуть перед разгрузкой. Но прежде чем разойдемся, я хочу поприветствовать в наших рядах штурмшарфюрера Бивака. В пылу боя слишком легко забыть причину, по которой мы сражаемся. Задача офицеров Национал-социалистического руководства — напоминать нам об этой причине. Прошу вас позаботиться о том, чтобы он получил возможность побеседовать с каждым из ваших солдат еще до конца недели. — Полковник слегка поклонился Биваку. — Мы рады, что вы теперь с нами, штурмшарфюрер.

Бивак улыбнулся ему и кивнул.

— Сегодня мы запустили шесть ракет, — продолжил Хубер. — Превосходное достижение! Но давайте постараемся превзойти его завтра. Я хочу поставить перед нами новую цель. — Он обвел сидящих за столом взглядом. — Покажем-ка нашему новому товарищу, на что мы способны, и запустим завтра двенадцать!

Двенадцать! У Графа округлились глаза. Он уловил короткую заминку, потом Дрекслер принялся восторженно стучать кулаком по столу. Артиллеристы последовали примеру эсэсовца, но

без энтузиазма.

— Отлично! — просиял Хубер и поднял стакан. — Тогда я предлагаю тост.

Пока все поднимались, Граф не упустил возможности налить себе шнапса.

— За победу!

— За победу!

Они выпили, сели и снова застучали по столу. Граф чувствовал, как жидкость опускается по пищеводу, как теплая алкогольная волна разливается по организму. Он с такой силой грохнул кулаком, что все посмотрели на него.

— Двенадцать запусков! Грандиозно!

Бивак какое-то время внимательно его разглядывал.

— Доктор Граф, по-вашему, двенадцать запусков в день — это слишком амбициозно? — вежливо спросил он.

— Нет, напротив! Слишком скромно! В конце концов, какова бомбовая нагрузка обычного «ланкастера»?

— Шесть тонн, — сказал Зайдель.

— Получается, что двенадцать ракет с боеголовкой весом в одну тонну каждая равны по разрушительной мощи всего лишь паре бомбардировщиков «ланкастер». А сколько

бомбардировщиков отправляют эти свиньи из Королевских ВВС, чтобы атаковать наши города по ночам? Тысячу! Двенадцать запусков?! — Граф снова стукнул по столу. — Я бы сказал, что нам нужно запускать двенадцать сотен!

Зайдель рассмеялся и оглядел свои ладони.

— Но каждая «Фау-два» сеет страха больше, чем сотня «ланкастеров», и ударяется о землю с сокрушительной силой — на скорости, в три раза превышающей звуковую. Она причиняет больше вреда на большем пространстве, и против нее бессильна противовоздушная оборона.

— И, кроме того, — произнес Дрекслер, протирая салфеткой линзы очков, — это теперь наше единственное средство, чтобы наказывать Лондон. — Он нацепил очки и оглядел сидящих за столом.

Повисла тишина.

— Любопытно, — проговорил Бивак, наблюдавший за полемикой, как зритель за теннисным матчем. Он резко отодвинул стул и встал. — Благодарю за теплый прием, полковник. — Его рука коснулась плеча Хубера. — Это встреча друзей, а не митинг, поэтому скажу, положа руку на сердце: хотя я прибыл сюда с задачей поддержать в вас веру, моя собственная вера в нашу победу

окрепла после увиденного сегодня. Позвольте в ответ на ваш тост провозгласить мой. — Эсэсовец неожиданно повернулся к Графу, отвесил изящный поклон и поднял стакан. — За гений наших германских ученых!

Граф не знал, следует ли ему встать. В итоге он встал и по примеру остальных воздел стакан. Пустой.

— За наших германских ученых!

Когда они опустились на стулья, Хубер сделал знак Графу:

— Доктор, вас не затруднит сказать пару слов в ответ?

«И принести извинения», — намекал его тон.

Граф покачал головой:

— Оратор из меня никудышный.

— Нет нужды произносить речь, — возразил Бивак. — Не могли бы вы рассказать нам что-нибудь о своей работе с профессором фон Брауном?

— Не знаю, с чего начать, — искренне признался инженер.

Как вместить половину жизни в пару застольных анекдотов? Вдруг захотелось, чтобы фон Браун оказался здесь. Вот он бы за минуту заворожил всех присутствующих. Никто не мог устоять перед его обаянием, даже Гитлер. Когда

профессор смеялся, то запрокидывал могучую патрицианскую голову и его широкий подбородок расплывался в искреннем веселье, прямо как у молодого Франклина Делано Рузвельта, и ты понимал, что перед тобой самый классный в мире парень. И уж точно величайший мастер убеждать. Но Граф отдавал себе отчет, что он не фон Браун, поэтому выдавил только:

— Это блестящий инженер, смею вас уверить.

Все молчали.

— Ладно, — сказал Хубер, сердито зыркнув на Графа. — Думаю, пора расходиться. Доброй ночи, господа.

Когда инженер вышел на улицу и направился в свою комнату, полковник догнал его, схватил за руку и оттащил в падающую от гостиницы тень.

— Что на вас нашло, черт возьми?!

— Вы о чем?

— Перестаньте прикидываться! Вы знаете, что я имею в виду. Ведете себя как настоящий пораженец перед лицом этой нацистской швали. «Двенадцать сотен запусков!» Это скверно отразится на всех нас.

— Я не пораженец, полковник, а всего лишь реалист. Мы можем врать на публику, это я понимаю. Но какой смысл обманывать себя?

— Смысл? Смысл в том, чтобы не угодить в гестапо по подозрению в измене! — Хубер практически прижал инженера к стене, навалился так, что Граф почувствовал перегар шнапса. — Вы помогали строить эту проклятую штуковину. Вы забили ее армии в глотку. Вот и отвечайте теперь!

Полковник давил еще какое-то время, потом что-то брезгливо буркнул и отвернулся. Оправил мундир и направился твердым шагом обратно в штаб.

Граф остался, привалившись спиной к стене. Хубер, в общем-то, прав, подумал он. Ему, Графу, меньше других пристало жаловаться. Пора научиться держать язык за зубами. Но тост за победу? Честное слово, это смешно.

Инженеру пришлось признать, что он, вопреки своим стараниям, довольно трезв. Граф выпрямился и обогнул угол. Небо слегка приподнялось: дождевой фронт уходил и лунному свету даже удалось немного разбавить темноту. Навстречу брела пара солдат — наверняка возвращались из борделя для вермахта, расположенного неподалеку. Вот эти двое уж точно пьяны, притом, судя по остекленевшим глазам, набрались не шнапса, а этилового спирта, которым заправляют

ракеты. Хотя к спирту подмешивали малиновый краситель, придававший ему неаппетитный вид и горечь, и хотя все казармы были увешаны плакатами с предупреждениями «От одной стопки — слепота! От нескольких — смерть!», первое, чему учился новобранец в обслуживающих «Фау–2» частях, — это очистка спирта путем троекратной проливки через угольный фильтр противогаза. В результате получалась бесцветная жидкость семидесятипятипроцентной крепости. Если проглотить ее одним махом, чтобы не тошнило, зимний Схевенинген вскоре покажется не таким уж плохим местом. Граф отошел в сторону, давая рядовым пройти.

Ночевал он в маленькой гостинице вместе с дюжиной сержантов и других унтер-офицеров. Войдя в тускло освещенный коридор, инженер услышал, как соседи шумят в кухне. Доносился и женский смех. Вступать в связи с местными жительницами строго запрещалось, и тем не менее солдаты частенько провозили через КПП пару красоток из Гааги, закутав их в одеяла и спрятав в мотоциклетной коляске.

Инженер поднялся по лестнице на четвертый этаж, зашел в уборную, после чего отпер дверь своей комнаты, бросил на кресло шляпу и пова-

лился на кровать. Ему не хотелось включать свет, задергивать шторы и даже снимать пальто. Граф просто лежал, вслушиваясь в беспрестанный шум ветра и плеск волн по ту сторону набережной. Через некоторое время он нашарил в кармане пачку сигарет и закурил. Взял с прикроватной тумбочки пепельницу, пристроил на груди.

Его мысли вращались вокруг фон Брауна. Бивак, очевидно, осведомлен об их дружбе — живо интересовался ею и как будто старался вытянуть некое признание. Может, читал гестаповское досье. Вполне логичное предположение. Папка, должно быть, толстая: даже если не брать в расчет донесения осведомителей, одни допросы шли целую неделю. Никаких пыток, света в лицо или тому подобного — следователей наверняка предупредили, что их подопечный слишком ценен, чтобы превращать его в отбивную. Только изнурительные допросы, иногда по ночам, в неприметном кабинете в Штеттине девять месяцев тому назад. Между допросами долгие паузы в одиночной камере в цокольном этаже, чтобы расшатать нервы.

«Когда именно вы познакомились с профессором фон Брауном?»

Ну, это зависит от того, что подразумевать под

словом «знакомство». Первый разговор с ним Граф помнил точно, потому что имел память исключительно цепкую на такие детали. Это произошло на гоночной трассе АФУС[6] в Берлине 23 мая 1928 года, когда им обоим было шестнадцать. Дата запомнилась, потому что в тот день Фриц фон Опель установил новый рекорд скорости на земле — 238 километров в час на машине с двигателем из двадцати четырех твердотопливных ракет. Вернер даже в том возрасте выделялся среди трехтысячной толпы.

«И чем же он выделялся?»

Да своим ростом, привлекательной внешностью, манерам: он выглядел не по годам уверенным в себе.

После тестового заезда они подошли к фон Опелю и его партнеру, знаменитому австрийскому пионеру ракетостроения Максу Валье. Им разрешили посидеть на водительском месте в пятиметровом чудовище РАК–2. Все четверо, включая двух школьников, состояли в *«Verein für Raumschiffahrt»,* Обществе космических пу-

[6] Примечания: 6

АФУС (*нем.* AVUS) — гоночная трасса в Германии, проложенная между районами Берлина Шарлоттенбург и Николасзее. Название — сокращение от *Automobil-Verkehrs und Übungs-Straße* — «дорога для автомобильного движения и упражнений».

тешествий. Вот в чем заключалась мечта, уже тогда. Ракета рассматривалась как средство, не как конечная цель. Но гестаповцам Граф этого не сказал.

Глядя в потолок, он думал о том, что могло случиться с фон Опелем. По слухам, когда разразилась война, тот сбежал в Соединенные Штаты. Валье погиб через несколько лет после того рекордного заезда. Ракетный двигатель на жидком топливе взорвался, и осколок перебил ученому аорту.

То, что на самом деле можно назвать знакомством с фон Брауном, произошло на следующий год. И снова он помнил точную дату, потому что это произошло на премьере фильма Фрица Ланга *«Frau im Mond»,* «Женщина на Луне», в кинотеатре «Цоо» в Берлине 15 октября 1929 года. Студия подрядила Общество космических путешествий изготовить для съемок действующую модель ракеты, но организация провалила заказ. Однако фон Браун, семья которого была богата и имела хорошие связи, выхлопотал для Графа билет. Он же одолжил смокинг, чтобы оба парня смогли затесаться в компанию самых важных гостей. Фон Браун даже набрался наглости и представил себя и спутника Лангу. Графу никогда не забыть,

как великий режиссер разглядывал его через монокль, словно стоявший перед ним угловатый юнец сам был выходцем с Луны.

После того случая они с фон Брауном виделись часто. Граф был единственным ребенком в учительской семье: один родитель преподавал английскую литературу, другой музыку. Это были замечательные, добрые, довольно пожилые отец и мать; ни один не проявлял самомалейшего интереса к космическим путешествиям или инженерным наукам. Зато они достаточно обучили сына английскому языку, чтобы тот мог читать романы Герберта Уэллса.

Фон Браун сделался его закадычным другом. Граф садился в трамвай и ехал в дом Браунов на краю Тиргартена, где дворецкий подавал лимонад. Они сочиняли фантастические книжки про межпланетные перелеты и орбитальные космические станции. Собирали деньги для Общества космических путешествий у прилавка в универмаге «Вертхайм». «Дамы и господа! — призывал фон Браун. — Уже родился тот человек, который однажды прогуляется по Луне!» Оба юноши поступили в Технологический институт в Шарлоттенбурге и изучали теоретическую физику; оба прошли полугодовую практику «грязных

рук»: фон Браун на паровозостроительном заводе Борзига, а Граф на заводе «Даймлер-Бенц» в Мариенфельде.

Именно в это время Общество — сборище мечтателей и любителей без гроша в кармане, да несколько серьезных инженеров-механиков, таких как Карл Ридель и Хайни Грюнов, — убедило берлинские городские власти выделить под его нужды участок пустующей земли на северной окраине столицы, близ Тегеля, где с Первой мировой войны остались заброшенные бункеры под боеприпасы. Они устроили в старой караулке клубную комнату, притащили раскладушки и примус, чтобы обитать там дни напролет, повесили в качестве логотипа постер из «Женщины на Луне» с красоткой, оседлавшей полумесяц, и окрестили свой болотистый рай *«Raketenflugplatz»,* то есть «Ракетный аэродром».

И со временем, в основном благодаря Риделю, они действительно построили ракету. Назвали они ее «Репульсор» в честь космического аппарата из любимого фантастического романа Общества, «Две планеты»[7]. Получилась уродли-

[7] Примечания: 7

Речь о романе немецкого писателя Курда Ласвица «Две планеты» («Auf zwei Planeten»), написанном в 1897 г. и рассказывающем об экспедиции на Марс.

вая штуковина, совсем не похожая на имеющих строгую аэродинамическую форму красавиц, к которым в итоге пришли конструкторы. Ей куда больше подошло бы название «Рептилоид». Фюзеляж был из тонкой стальной трубы длиной три метра и диаметром всего лишь десять сантиметров. В яйцевидной капсуле на носу располагался двигатель, а в хвосте скрывался контейнер с раструбом и парашютом. Инновационное решение заключалось в топливной конфигурации, примененной потом в конструкции «Фау–2»: спирт и жидкий кислород в раздельных баках, один над другим, с подачей в камеру сгорания под действием сжатого азота. Просто чудо, что обошлось без жертв. Испытатели открывали подачу топлива и начинали обратный десятисекундный отсчет — драматическая деталь, позаимствованная из «Женщины на Луне», а в это время один из них подбегал, подносил к соплу горящую ветошь и опрометью мчался в укрытие. В удачный день сто шестьдесят фунтов тяги увлекали «Репульсор» на высоту тысячи метров, откуда парашют аккуратно спускал его на землю. Но плохих дней тоже хватало, разумеется. Долговязая стальная метла часто давала осечки или взлетала не выше деревьев, а однажды угодила в полицейскую

казарму.

Ридель мог быть ведущим конструктором, а Рудольф Небель, бывший пилот, формальным лидером, но именно фон Браун уже тогда являлся вожаком. Всегда улыбающийся — ему дали прозвище Солнечный Мальчик в честь популярной песни Эла Джолсона, — жадный до знаний, способный работать как головой, так и руками, неистово мечтающий стать первым человеком в космосе. Летом 1932 года его отец, аристократ-землевладелец, занял пост министра сельского хозяйства в правительстве фон Папена. Должно быть, фон Браун-старший замолвил словечко перед кем-то важным в Министерстве обороны, потому что вскоре Обществу предложили продемонстрировать его детище на военном полигоне в Куммерсдорфе.

Остальные не хотели ехать. Небель симпатизировал нацистам и не любил консервативную германскую армию. Рольф Энгель, еще один юноша двадцати лет, был коммунистом и не желал иметь ничего общего с военщиной. Клаус Ридель принадлежал к утопистам, не приемлющим войну. Отец Графа пережил газовую атаку во время Первой мировой и стал убежденным сторонником Лиги Наций. Фон Браун убеждал друзей, что

безумие упускать такую возможность.

«Ведь мы даже не можем измерить результаты наших испытаний, — говорил он. — Расход топлива, давление в камере сгорания, тягу. Как развиваться, не имея соответствующего оборудования? А где его найти, если не в армии?»

«Ваши родители были коммунистами, это верно?»

«Нет, они были членами социал-демократической партии».

Один из гестаповцев закатил глаза. Социалисты, коммунисты, пацифисты — для него они все на одно лицо.

Развернувшиеся в Ракетном аэродроме дебаты — ехать или не ехать — приняли скверный оборот. Прозвучали резкие выражения. В конечном счете никто не отправился в Куммерсдорф, кроме фон Брауна, который оказался связан требованиями по сохранению военной тайны. После этого Граф не разговаривал с ним добрых два года.

За эти два года произошло много событий. Граф был в центре Берлина в ту ночь, когда нацисты устроили факельное шествие через Бранденбургские ворота до рейхсканцелярии, празднуя приход Гитлера к власти. В следующем месяце он наблюдал зарево пожара в рейхстаге. Когда

режим воспользовался паникой для подавления своих противников, родители Графа лишились работы. Осенью гестапо нагрянуло на Ракетный аэродром, взяло у всех отпечатки пальцев и заставило членов Общества подписать обязательство не сообщать о своей работе «иностранным державам». Напрасная предосторожность, ведь эксперименты давно заглохли по причине отсутствия денег. К тому времени Граф выпустился из Технологического института и приступил к работе над диссертацией в Берлинском университете. Иногда в коридорах или на ближайших улицах ему попадалась на глаза высокая фигура фон Брауна, а как-то раз, прогуливаясь в парке близ Александерплац, он вроде как заметил Вернера верхом на лошади. Но всадник находился слишком далеко, чтобы судить с уверенностью, и, кроме того, был облачен в мундир СС, поэтому Граф отбросил догадку как нелепую.

Снова они свиделись только летом 1934 года. Увы, на этот раз Граф не мог сообщить господам из гестапо точную дату, ему только помнилось, что это произошло на исходе дня. Он писал докторскую диссертацию («Некоторые практические вопросы применения ракет на жидком топливе») в своей унылой однокомнатной квартире

в берлинском районе Кройцберг, когда с улицы донесся звук автомобильного гудка. Гудели так громко и долго, что он решил наконец посмотреть, в чем дело. На проезжей части стоял фон Браун, давя на клаксон и вглядываясь в окна дома. Ничего не оставалось, как спуститься и потребовать, чтобы он прекратил.

Фон Браун ничуть не смутился:

— Руди! Мне сказали, что ты живешь в этом доме, но номера квартиры я не узнал. Садись, хочу показать тебе кое-что.

— Проваливай. Я работаю.

— Да ладно тебе. Поехали, не пожалеешь. — Неотразимая улыбка, рука на плече.

— Нет, не могу.

Разумеется, Граф поехал.

Фон Браун в те дни ездил на маленьком потрепанном двухместном «ханомаге», купленном за сотню марок. Автомобиль выглядел скорее как мотоколяска: без крыши, а местами и без днища. Когда они катили в южную часть города и далее за его пределы, асфальт мелькал у Графа под ногами. Было слишком шумно, чтобы разговаривать. Граф догадывался, куда его везут. Полчаса спустя они свернули с шоссе. Фон Браун предъявил часовому пропуск, они миновали административное

здание армейского испытательного полигона в Куммерсдорфе и пересекли вересковую пустошь, направляясь к скоплению бетонных блокгаузов и деревянных домиков.

— Вернер…

— Ты только выслушай.

Снаружи вид был непрезентабельный. Зато, войдя вслед за фон Брауном внутрь, Граф оказался словно в раю: специальная проектная лаборатория, мастерские, темная комната, рубка управления с измерительным оборудованием. Последним и лучшим экспонатом был бетонный бункер с открытым верхом, в центре которого возвышалась А-образная конструкция трехметровой высоты, сваренная из прочных металлических профилей. К ней был подвешен на стропах реактивный двигатель. С боков к нему подходили топливные шланги и электрические кабели. Основание двигателя расширялось в сопло. Фон Браун отвел Графа в укрытие за невысокой стеной, затем повернулся и вскинул большие пальцы. Человек в комбинезоне — Граф узнал Хайни Грюнова, механика с Ракетного аэродрома, — повернул пару больших штурвалов. Под двигателем возникло прозрачное белое облачко. Появился еще один работник, в защитных очках

и с банкой горящего бензина на длинной палке. Отворачивая голову, он сунул факел в облако.

Голубовато-алый сноп пламени — чистого, резко очерченного, покорного — вырвался из сопла реактивного двигателя. Лежа в темной комнате в Схевенингене, Граф живо помнил каждую из десяти секунд этого горения. Могучий рев огня в ограниченном пространстве, вибрация двигателя, норовящего освободиться из пут, жар на лице, всепроникающий сладковатый запах топливного чада, пьянящее ощущение силы — как будто ты мгновенно перенесся на солнце. Когда все кончилось, тишина ударила по ушам, а бункер словно погрузился во тьму. Граф с минуту не мог пошевелиться — стоял и глядел на отработавший двигатель, пока фон Браун не обратился к нему. В этот раз на лице Вернера не играла улыбка, оно было предельно серьезным и сосредоточенным.

— Послушай меня, Руди, — сказал он, — я скажу абсолютную истину. Дорога на Луну проходит через Куммерсдорф.

Граф тем же вечером подписал с армией контракт: «Содействовать, согласно указаниям Wa Prw 1/I, разработке и испытаниям жидкотопливной двигательной установки на испытательном стенде на главной западной батарее, Куммер-

сдорф». Ему было назначено жалованье — четырнадцать марок в день. Он получил возможность помогать деньгами родителям.

Когда приятели вернулись в Берлин, решили отметить событие.

— Скажи, не тебя ли я видел недавно в эсэсовском мундире верхом на лошади? — не удержался Граф.

— А, это… — Фон Браун пренебрежительно повел рукой с бокалом коктейля. — Я всего лишь поступил в школу верховой езды СС в Халензее, а не собственно в СС. Я теперь смирился. Не повредит обзавестись знакомствами среди этих людей. Да и кататься люблю.

К этому же тону он прибег в 1937 году, когда Граф впервые заметил у него на лацкане значок в виде свастики.

— Ты вступил в партию?

— Формально. Я номер пять миллионов с чем-то. Ну же, Руди, не смотри на меня так! Не много поддержки ты получишь в наши дни, если не выказываешь готовности к сотрудничеству. Я не хожу ни на какие собрания и тому подобную ерунду.

Потом был 1940 год, когда к ним в Пенемюнде нагрянули большие шишки из СС. Фон Браун

вышел встречать их в черном мундире унтерштурмфюрера СС: блондин, широкоплечий, со строго очерченным подбородком — как иллюстрация в *«Das Schwarze Korps»*[8].

— Всего лишь почетное звание. Гиммлер настоял. Не переживай — как только эти парни уберутся отсюда, наряд отправится в шкаф.

В дверь гостиничного номера постучали.

— Доктор Граф? — прозвучал голос сержанта Шенка. — Уже за полночь.

Граф не представлял, что так поздно. Видно, заснул в какой-то момент. Он сел в кровати и с досадой посмотрел на догоревшую сигарету. Едва ли выпадет шанс покурить в ближайшие несколько часов.

— Спасибо. Иду.

Граф взял с тумбочки фонарь, включил и обвел комнату. В узком луче света ему предстала скромная обстановка номера в курортном отеле, памятная со школьных каникул: кресло, комод, крошечная раковина в углу с подвешенным над ней зеркалом, платяной шкаф. Рядом со шкафом круглый столик и старый офисный стул — выпрошенные инженером вскоре после прибытия,

---

[8] Примечания: 8

«Черный корпус» *(нем.)* — официальный печатный орган СС.

они временами служили ему рабочим местом. Он вернул луч на шкаф и провел им по стыку дверец до лежащего наверху чемодана. Граф несколько недель не заглядывал туда.

Он встал с кровати и включил верхний свет. Задернул шторы, подставил к шкафу стул, залез и снял чемодан. Тот был старый, потертый, из добротной коричневой кожи. Его вручил Графу фон Браун перед отъездом из Пенемюнде.

— Окажи мне услугу, пригляди за ним. Ладно?

— Что там?

— Страховка.

Граф положил чемодан на кровать, щелкнул замками и поднял крышку. Внутри находилось сто с лишним картонных коробочек, в каждой лежала свернутая в рулон тридцатипятимиллиметровая пленка. По виду к ним никто не прикасался. Граф думал иногда, не стоит ли найти место поукромнее, но неизменно приходил к выводу, что безопаснее оставить как есть. Он был уверен, что никому не придет в голову копаться в этом чемодане. Все же он вырвал с виска пару волосков, аккуратно поместил их в один из замков и вернул запертый чемодан на шкаф. Выключил свет, вышел и спустился по лестнице.

В темноте раздавались свистки приближаю-

щегося паровоза, стук тяжелых колес по рельсам — поезд крался сквозь город на последнем отрезке долгого пути из Германии, от завода по производству ракет. У Графа путь до станции занял меньше двух минут, но поезд все-таки его опередил. Инженер услышал шипение стравливаемого пара — локомотив застопорил ход.

Встретившая Графа картина казалась неестественно гламурной, как если бы в город приехала кинозвезда. Сотни мужчин толпились на подъездных путях в лучах фонарей, их дыхание обращалось в туман на морозе. Огромная вереница машин самых разных типов — бронетранспортеры, бензовозы, автоцистерны, некоторые с уже заведенными моторами, — выстроилась вдоль низких платформ. Локомотив остановился так, что первая ракета оказалась прямо под большим козловым краном. Солдаты из инженерной части суетились вокруг: снимали брезент, заводили стальные стропы. Как только ракету поднимут и погрузят на машину, состав немного продвинется вперед, чтобы можно было подцепить следующее изделие. Боеголовки хранились отдельно, в больших металлических барабанах. В хвосте поезда находились цистерны с топливом.

Солдаты были натренированы, чтобы вы-

гружать ракеты до рассвета, но в этот раз они трудились даже проворнее обычного. Граф предположил, что до них довели приказ по полку — обеспечить двенадцать запусков за день. Он заметил Бивака, который стоял рядом с Хубером. Полковник жестикулировал — похоже, объяснял суть происходящего.

Граф некоторое время просто смотрел. Его работа начнется, когда первые ракеты доберутся до палаточного лагеря в лесу — для технической проверки. Мечта его и его товарищей сбылась, пусть и не так, как они себе представляли. Им действительно удалось построить Ракетный аэродром.

Он начал зябнуть. Проклятая соленая вода! Она проводит холод с такой же легкостью, как электричество. Граф поднял воротник пальто и зашагал к поезду.

Глава 6

В пять тридцать четыре утра полк выпустил первую «Фау–2» этого дня. Оранжевое пламя вспыхнуло в зимнем лесу подобно солнцу, оно озаряло кроны деревьев, пока ракета устремлялась в темную высь. Рев разорвал тишину воскресного утра в Гааге, заставив сотни горожан прильнуть к окнам. Тучи над морем окрасились в багровый цвет, а мгновение спустя снова стали черными.

Через пять минут ракета упала на Лонгбридж-роуд, тихую спальную улочку в Илфорде, районе Большого Лондона, разрушив три дома. В среднем из них, № 411, на который пришелся прямой удар, Мод Брантон и ее девятнадцатилетняя дочь Айрис погибли мгновенно, а Сидни, муж Мод, был извлечен из-под обломков, но скончался в тот же день в больнице скорой помощи в Баркинге. В соседнем доме № 413 Фредерик и Эллен Брайнд тоже умерли сразу; их внука Виктора, двадцати месяцев от роду, не довезли до больницы живым. Еще погиб сосед Брантонов через дорогу, Чарльз Берман, тридцати девяти лет. В общей сложности

было убито восемь человек и восемь получили серьезные ранения.

Вторая ракета, запущенная через два с половиной часа, в восемь часов две минуты, сбилась с курса почти на сто миль и, не причинив никому вреда, упала в Северное море, неподалеку от отмели Орфорд-Несс в Суффолке, где ее взрыв перепугал нескольких рыбаков, пришедших на берег с утра пораньше удить скумбрию.

Что произошло с третьей ракетой, осталось загадкой. Она взлетела ровно в десять двадцать шесть, но нет никаких сведений о ее падении где-то на английской территории. Вероятно, она взорвалась в полете, скорее всего при возвращении в плотные слои атмосферы.

Двадцать минут спустя, в десять сорок шесть, стартовала четвертая «Фау–2». Она поразила коттеджные дома в Рейнхеме, Большой Лондон, неподалеку от Темзы. Убитых было двое: Альберт Булл, пожарный тридцати девяти лет, погиб при взрыве, и его пятилетний сын Брайан скончался от полученных ранений позднее в тот же день в окружной больнице Олдчерч. Еще трое людей были тяжело ранены.

Пятая за день ракета, запущенная в одиннадцать двадцать, поразила отдельно стоящий

скромный дом на Мэнор-роуд в Чигвелле, убив Стенли Дирлова, сорока лет. Еще шестеро получили серьезные травмы.

Удар шестой ракеты, стартовавшей в двенадцать пятьдесят, пришелся по дому № 41 на Гордон-авеню в Уолтхемстоу и лишил жизни пятидесятипятилетнюю Лилиан Корнуэлл. Еще семнадцать человек было ранено.

Менее часа спустя ракета номер семь, запущенная в час тридцать девять пополудни, добилась прямого попадания в церковь Всех Святых на Ист-Индия-Док-роуд. Примечательно, что это всего в двухстах шагах от Маккалум-роуд в Попларе, где «Фау–2» взорвалась в пятницу ночью, лишив жизни четырнадцать лондонцев. Была разрушена построенная в Георгианскую эпоху крыша храма и восточная сторона нефа. К счастью, воскресная служба закончилась, и все же погибли четверо взрослых прихожан и одиннадцатилетний Обри Хинг. Девятнадцать человек были серьезно ранены.

Одиннадцать минут спустя восьмая ракета упала в Биллерикей в Эссексе, повалив несколько деревьев и сдетонировав преждевременно. Два человека получили тяжелые травмы.

В тридцати пяти милях от места последнего

взрыва, в Дейнфилд-Хаусе, Кей корпела у окна на втором этаже, склонившись над стереоскопическим увеличителем. Среди навыков, необходимых дешифровальщику аэрофотоснимков, выделялись два главных. Во-первых, это способность концентрироваться в течение месяцев и даже лет на изучении одной и той же местности, пока та не станет знакомой, как собственный задний двор. А во-вторых, умение подмечать мельчайшие перемены, указывающие на деятельность врага. Если, к примеру, по полю пройдет множество людей, примятая трава будет выглядеть светлее, чем на соседних участках. В каком направлении ведут следы? А эта странная фигура — не танк ли? Пушка? Появление камуфляжа — явный признак, что на земле что-то происходит. И камуфляж на удивление легко заметить: он скрывает объект от наземного наблюдателя благодаря смешению цветов, тогда как на черно-белом снимке, сделанном с высоты двадцати тысяч футов, сразу привлечет внимание изменением в тоне. Зато деревья — безупречный маскировочный материал: непроницаемое, монотонное темно-зеленое одеяло — даже зимой, когда опала листва. В лесах вокруг Гааги просто невозможно что-либо разглядеть. Леса прямо-таки насмехались над ее

многочасовыми усилиями.

Кей подняла голову и покрутила ею, чтобы размять шею. Глаза болели. И все же она чувствовала себя лучше, чем накануне вечером. Спала крепко, без снов, как будто мозг принял решение исцелиться сам по себе. Ее почти не беспокоили кашель и чихание Ширли и хихиканье и болтовня Мод и Лэвендер, других соседок по комнате, когда те вернулись навеселе около полуночи после двойного свидания с парой пилотов в «Зайце и гончих». Вдобавок воскресное утро было благословенным моментом, когда они принимали ванну. Каждой девушке полагалось четыре дюйма горячей воды в неделю, и они объединяли свои пайки, чтобы набралась полная ванна, и бросали жребий, кому идти первой. Сегодня Кей выпала последняя очередь, но в кои-то веки ее не смущали серая вода и плавающие волосы: было шикарно просто понежиться в тепле и смыть остатки пыли. Ее тревожили мысли о Майке. Может, позвонить в больницу, но не говорить с ним, а только спросить у медсестры, как он там. От этого ведь не будет никакого вреда, правда?

Она снова прильнула к увеличителю.

Странный способ участвовать в войне — взирая на нее панорамным взглядом, как бог с горы

Олимп. Кей стыдилась того, что это занятие казалось ей увлекательным — скорее продолжение учебы, чем настоящая военная служба. Повестка упала в почтовый ящик в Ньюнэме весной 1941 года, в ее двадцать первый день рождения. Через день после выпускного экзамена в июне Кей села на ранний поезд в Кембридже с приказом прибыть на базу ВВС в Глостере для обучения.

То был период, когда у девушки из Дорсета, с воспитанием почти монастырским, открылись глаза. Обилие акцентов: тайнсайдский, ливерпульский, гласвегианский. И с таким обилием нецензурных слов, что с трудом понимаешь, о чем говорят. По тридцать человек в ниссеновских хижинах с общим туалетом и ванной. В первую ночь Кей услышала крики боли и вежливо постучала в дверь кабинки:

— С вами все хорошо?

— Ни хрена мне не хорошо, долбаная сука! Я рожаю долбаного ребенка!

И до конца обучения это было любимой шуткой, звучавшей, когда они сносили муштру на плацу и в классах, маялись в плохо пригнанных мундирах и едва сводили с концами, получая жалкое денежное довольствие — один шиллинг

и восемь пенсов в день: *С вами все хорошо? Ни хрена, я рожаю долбаного ребенка…*

Через две недели им сообщили места распределения. Кей одну отправили на базу ВВС Медменхем. Расставаясь с остальными, она рыдала. Эти девчонки стали ее лучшими подругами. Первой, кого Кей встретила, прибыв в Дейнсфилд-Хаус, была Дороти Гаррод.

«Я замолвила за тебя словечко, дорогая. Не волнуйся, на этой службе скучно не будет. Кажется, я уже весь факультет археологии здесь собрала…»

Кей присвоили учетную специальность дешифровальщика аэроснимков первого класса.

В мае следующего, 1942 года офицер разведки вручил ей папку со снимками, сделанными со «спитфайра», пролетавшего на высоте сорока тысяч футов над северогерманским побережьем.

«Вы же дипломированный историк. Скажите мне вот что. Неужели римляне действительно забирались так далеко на север, до самой Балтики?» — «Да, именно оттуда они получали янтарь. А что?» — «Могли они строить там свои амфитеатры?» — «Едва ли… Нет, определенно не могли». — «Тогда что это, черт побери, такое?»

Кей вгляделась в очертания объекта, напоминавшего остров, со взлетным полем и мно-

жеством построек. Эти сооружения и впрямь походили на амфитеатры: громадный эллиптический вал и три большие опоясывающие насыпи в лесу, примыкающему к морю. Что это может быть? Пустые резервуары? Она заглянула в легенду карты: где сделаны снимки? «Пенемюнде, Узедом». Название Узедом ей ни о чем не говорило.

Так началось ее знакомство с ракетами.

— Кей! Вернулась из Лондона? Слышал, в автомобильную аварию угодила.

Винг-коммандер Лесли Старр, начальник ее отдела, тихо подошел сзади и склонился к ее уху. Провел ладонями по ее плечам, сжал предплечья. Липучка Старр — такое ему дали прозвище.

— У тебя тут порез. — Офицер коснулся ее виска. — Как ты себя чувствуешь?

Она развернулась, чтобы оказаться к нему лицом, и заодно высвободилась.

— Уже более-менее терпимо. Спасибо, сэр.

— Рад это слышать.

Девушка не смогла бы выразить свое пренебрежение более явственно, даже если бы влепила ему пощечину. Но Старр ничуть не смутился. Ей подумалось, что наверняка он сталкивается с таким отпором постоянно.

— Как понимаю, наблюдение за районом запуска «Фау-два» с тебя снято?

— Да, сэр. У меня выходной. Но я решила пройтись по материалам снова, проверить, не упустили ли мы чего-нибудь.

— Ну и как?

— Похоже, что не упустили.

— Плохо. — Офицер взял одну из фотографий и стал рассматривать, держа в вытянутой руке, хмурясь и кусая губу.

Впервые Кей заметила, что начальник, против обыкновения, выглядит встревоженным.

— Стэнмор сообщает, что сегодня засекли восемь «Фау-два», пять из них попали в цель.

«Стэнмор» было кодовым названием Бентли-Прайори, другого загородного имения, расположенного на северном краю Лондона; в нем разместился штаб истребительной авиации Англии. Тамошний пункт сбора и обработки данных отслеживал все прилеты вражеских воздушных объектов.

— Восемь? За одно утро?

— Это вдобавок ко вчерашним четырем ракетам, одна из которых угодила в «Вулворт» в Дептфорде и убила сто пятьдесят человек, в основном женщин и детей.

— О боже! — Кей прижала ладонь ко рту.

Видимо, это тот самый взрыв, который она слышала на Чансери-лейн.

— Другая ракета упала в Холборне. Прибавь еще пять за пятницу. Мне приказано бросить все дела и прибыть в Министерство авиации на срочное собрание. — Старр снова посмотрел на фотографию, потом, задумчиво, на Кей. — Тебе стоит поехать со мной.

— Слушаюсь, сэр. Что от меня потребуется?

— Сидеть и строить из себя милашку. — Он бросил фотографию на стол. — Встречаемся в холле через десять минут. Идет?

— Да, сэр. — Перспектива провести в обществе Липучки Старра час с лишним на заднем сиденье машины выглядела не слишком привлекательно. — Сэр! — окликнула она. — Мне потребуется разрешение на вынос этих материалов из здания.

— Я зайду в канцелярию, распоряжусь. — Старр пошел было дальше, но снова обернулся. — Раз ты была вчера в Лондоне, должна была слышать взрывы.

Кей почувствовала, что краснеет.

— Да, сэр. Слышала.

— Проклятые немцы — вечно отказываются

признавать, что их побили.

Едва он ушел, Кей собрала снимки и уложила в папку. Десять минут — малый срок. Она вышла из комнаты, сбежала по лестнице, заскочила в свою хижину, чтобы бросить в саквояж кое-какие вещи и взять шинель. Когда девушка пришла в главный холл, Старр уже ждал. Она с тоской глянула на городской телефон. Позвонить в больницу теперь никак не получится.

Выйдя на улицу, Старр распахнул перед Кей заднюю дверцу автомобиля.

— Сэр, не возражаете, если я сяду впереди? Не хотелось бы облевать вас.

Прежде чем начальник успел возразить, она забралась на сиденье рядом с водителем.

Шурша гравием, машина помчалась по подъездной дороге. С минуту Старр раздраженно похлопывал себя по ноге, потом открыл портфель. Когда выехали на шоссе, ведущее к Хенли, Кей поплотнее закуталась в шинель, закрыла глаза и притворилась спящей.

Ей еще не доводилось бывать в Министерстве авиации. Обычно большие шишки сами приезжали совещаться в Медменхем. Вот так она познакомилась с Майком полтора года назад. К тому времени разведчики стали получать инфор-

мацию, что немцы испытывают некое оружие дальнего действия, способное поражать Англию, и те амфитеатры в Пенемюнде приобрели более зловещее значение. Поступил заказ на новые разведывательные полеты, и сделанные фотографии вызвали шок. Кей помнила тот день, когда они поступили. На острове строился огромный производственный комплекс, практически небольшой город, с собственной электростанцией и портом для подвоза угля. Позднее, на дельтообразном безлесом участке берега, наблюдатели заметили нечто, осторожно назвав это в донесениях «толстой вертикальной колонной высотой примерно сорок футов».

Коммодор ВВС Темплтон был одним из полудюжины старших офицеров, приезжавших в отделение Третьего этапа, чтобы лично увидеть снимки. Он выдвинул кресло и сел рядом с Кей, совсем не склонный флиртовать и липнуть, как Старр и некоторые другие. Исключительно серьезный, сосредоточенный, умный, задающий много вопросов. Кей отчетливо ощущала его физическое присутствие, своего рода концентрированную силу, исходящую от него. Когда ей сказали, что он герой битвы за Британию, она не удивилась. Молва утверждала, что Темплтон стал

самым молодым коммодором Королевских ВВС.

В июне 1943 года, в понедельник Троицких банковских каникул, посмотреть, что достоверного они добыли насчет ракет, решил сам Черчилль. Он приехал из усадьбы Чекерс вместе с миссис Черчилль. Их дочь Сара, гламурная рыжеволосая актриса, работала во Втором этапе. Кей поразило, какой премьер розовый и маленький — с комплекцией сахарной мышки, она такие покупала в детстве. А еще, когда он наклонился заглянуть в ее стереоскоп, от него пахло не сигарами, а одеколоном. Майк был в числе офицеров свиты главы правительства. На исходе дня, после того, как Черчилль укатил обратно в Чекерс, коммодор Темплтон задержался и как-то даже застенчиво спросил, не согласится ли она пропустить с ним стаканчик в пабе.

— Сегодня ведь праздник, в конце концов.

После было так много пабов! «Заяц и гончие». «Пес и барсук». «Старый колокол» в Херли. «Белый олень» в Неттлбеде. Гостиница «Одержимый рыболов» на Темзе под Марлоу, где они, опасаясь встретить знакомых из Медменхема, все выходные провели в постели и даже еду заказывали в номер, а лебеди плавали взад и вперед прямо под окном, с целой флотилией юных птенцов.

— Лебеди создают пары на всю жизнь, — сказала Кей, когда его голова лежала у нее на коленях. — И поют перед смертью.

— Ты такая романтичная.

— Ну, должен же кто-то из нас быть романтиком.

Он был на десять лет старше, поступил на службу задолго до начала войны, профессиональный летчик. Оставит ли он жену? Майк всегда говорил, что да. Рассказывал, что они поженились скоропалительно летом 1940-го, когда казалось, что каждый день может стать последним. Теперь она недели напролет проводит в Блетчли, делает что-то такое секретное, что даже ему признаться не может. «Мы почти не знаем друг друга… Мы так отдалились… Проклятая война…»

Воспоминания завладели умом с такой странной и потаенной силой, что Кей не заметила, что час пролетел и они уже в центре Лондона, едут по Саутгемптон-роу к ее пересечению с Чансерилейн. Узнав место, Кей вздрогнула. Дорога была все еще перекрыта.

Старр повернул голову:

— Верно, это то самое место, где упала холборнская ракета. Господи, чуть-чуть в министерство не угодила…

Кей не подозревала, что квартира Майка находится так близко от места его службы. В пятистах ярдах высилось массивное строение из серого кирпича — Эдестрал-Хаус. Оно занимало весь восточный угол Олдвича. Поврежденный летом бомбой, дом выглядел понурым и хворым, как правительственное здание, пережившее осаду революционной толпы. Вход охранялся редутом из мешков с песком и нарядом солдат, высокие окна были заклеены крест-накрест лентами, на крыше вырос лес беспроводных антенн.

Старр наклонился к Кей:

— Ни слова без моего разрешения, ясно?

— Да, сэр.

Воскресным вечером в министерстве было тихо. Старр отошел поговорить с офицером ВВС, сидевшим за столом администратора. Кей обвела взглядом мрачный мраморный вестибюль. В центре висели пропагандистские плакаты. «Ланкастеры» в лучах прожекторов бомбят город. «УДАР ПО ВРАГУ НАЧИНАЕТСЯ НА ЗАВОДЕ. Мощные налеты на Германию продолжаются. Эти грандиозные рейды — общая заслуга английской военной промышленности и ВВС». Кей услышала звук за спиной и обернулась. Женщина из ЖВС удерживала тяжелую дверь, чтобы в нее прошел

мужчина на костылях, с правой ногой в гипсе и забинтованной головой. Потребовалось некоторое время, чтобы узнать его. Усилием воли Кей вернула взгляд к плакатам. «Никогда еще столь многие не были обязаны столь немногим».

— Добрый вечер, сэр, — раздался голос Старра.

— Привет, Лес. — Ответ Майка гулким эхом разнесся по пустому вестибюлю.

— Сэр, у вас такой вид, будто вы в бою побывали.

— Что-то вроде того. Ничего серьезного.

— Ничего серьезного?! — Это был женский голос — резкий, властный, возмущенный. — Чудо, что он остался жив, сэр. Наша квартира полностью разрушена.

Кей чувствовала пульсацию крови в висках, в ушах шумело.

— Боже мой! Сэр, когда это случилось?

— Вчера утром.

— Это не та ли «Фау-два», что упала на Холборн?

— Та самая гадина.

— Вы на совещание прибыли?

— Понятное дело! Это мое чертово шоу, я несу ответственность за него.

— Простите, если выскажу мнение: разве вам

не следует лежать в госпитале?

— Вот и я ему это твержу, винг-коммандер, — снова женский голос. — Но он выписался.

— Ну, он ведь начальник. Сэр, я захватил с собой дешифровальщицу. Секционный офицер! Подойдите и поздоровайтесь с коммодором.

Кей постаралась напустить на себя равнодушие, затем повернулась и преодолела несколько разделяющих их шагов. Взяла под козырек:

— Сэр…

Ни тени узнавания на осунувшемся, бледном лице. Майк кивнул и рассеянно улыбнулся, вглядываясь в ее лицо, словно пытаясь припомнить. Может, это и вправду сказывается контузия.

— Мы встречались в Медменхеме? — спросил он.

— Да, сэр.

— Познакомьтесь, это моя жена Мэри. Мэри, это… — Он вопросительно приподнял голову.

Неужели так необходимо представлять ее? Кей чувствовала себя раздосадованной, даже униженной, из-за необходимости подыгрывать. К тому же фальшивость сцены буквально бросалась в глаза. Она поняла, что его жена тоже это заметила: в ее подозрительном взгляде читалась вся их супружеская история.

— Кей Кейтон-Уолш, сэр.

— Здрасте. — Мэри Темплтон протянула ей руку.

Кей пожала ее:

— Рада познакомиться.

Глядя на нее, она словно видела свое отражение в зеркале: такой же мундир, такое же звание, такие же густые каштановые волосы, собранные под такую же фуражку, такая же высокая и подтянутая фигура. Более или менее такой же возраст.

— Как понимаю, миссис Темплтон, вас в то время в квартире не было? — спросил Старр.

— Да, — ответила Мэри, продолжая смотреть на Кей. — К счастью, меня командировали в Мидленд на выходные. — Теперь ее глаза впились в порез на лбу у Кей. — Но вот что очень странно: в больнице я обратила внимание, что я внесена в список пострадавших как легкораненая.

Молчание нарушил Старр:

— Должно быть, вас с кем-то спутали. С моей тетей похожая история произошла.

Улыбка Мэри Темплтон была столь же любезной, сколь и язвительной.

— Да, наверное, в таком хаосе несложно перепутать жен.

Еще одна пауза.

— Лес, почему бы вам с вашим секционным офицером не подняться наверх? — разрядил ее коммодор. — Я последую за вами на своей скорости. Зал для совещаний на третьем этаже, рядом с моим кабинетом.

Кей отчетливо слышала цоканье своих каблуков по мраморному полу и чувствовала спиной сверлящий взгляд. По какой-то причине эта женщина представлялась ей старше. Определенно, у Майка есть любимый тип. «Сколько у него еще таких, вроде нас?» Ноги подкашивались. Добравшись до лестницы, Кей вцепилась в перила, чтобы не упасть. И поспешила наверх, за Старром, который мчался, перескакивая две ступеньки зараз, пока не остановился на площадке третьего этажа, чтобы дождаться ее.

На полпути по коридору виднелась открытая дверь. Слышались мужские голоса. Старр задержался у порога и посмотрел на Кей:

— Автомобильная авария, значит? Правда?

— Что вы имеете в виду, сэр?

— Ах, милая… — Он вздохнул и покачал головой. — Ты не первая и, боюсь, далеко не последняя. — Коммандер приобнял ее за талию и подтолкнул в комнату. — Дамы — вперед.

Ей теперь все казалось мутным, как в тумане.

Большой зал со стенными панелями, ковром и камином в дальнем конце. За столом полдюжины офицеров ВВС в мундирах, большинство с сигаретами; все они обернулись посмотреть, когда она вошла. Возле камина на стенде была расстелена огромная карта юго-востока Англии и Нидерландов, Большой Лондон испещрен красными булавками.

Кей заняла место в углу, как можно дальше от остальных, и положила перед собой папку с фотоснимками. Старра тут знали все. То и дело звучали реплики: «Привет, Лес!», «Как дела, старик?». Он обошел вокруг стола, пожимая руки. Ее не представил. Пару минут спустя из коридора донесся приближающийся стук костылей, и в комнату ввалился коммодор ВВС Темплтон в сопровождении молодого флайт-лейтенанта с папкой. Все встали.

— Благодарю. Садитесь. — Майк передал адъютанту костыли, взял папку и опустился, морщась от боли, в кресло во главе стола. — Прежде, чем мы приступим… Да, вчера утром на меня напала из-за угла ракета. Нет, ранен я не тяжело. И да, это дело стало вдруг чертовски личным.

По кругу собравшихся прокатился нервный смешок.

— Итак. — Коммодор открыл папку. — Госсекретарю сегодня был звонок от премьер-министра и из Министерства внутренних дел, а он в свою очередь позвонил мне и попросил объяснить ему кое-то, что он мог бы сообщить завтра кабинету относительно возросшей активности «Фау-два» в минувшие два дня. Мне необходимы факты, но прежде всего мне требуются какие-то предложения к действию. Совещание у нас неофициальное: ни фамилий, ни протоколов, никаких записей. А посему нет нужды прикрывать спину, свою или еще чью-то. Понятно? Отлично. Джим, почему бы вам не доложить, что мы имеем на данный момент?

Темплтон напряженно откинулся на спинку кресла и закурил. Сквозь завесу дыма он рассматривал сидящую у другого конца стола Кей. Девушка встретила его взгляд, и он отвел глаза. Один из офицеров встал и подошел к карте.

— Конечно, сэр. Думаю, нужно честно признать, что мы позволили ложному чувству безопасности убаюкать себя в октябре, когда парашютные десанты в Арнеме вынудили немцев временно эвакуировать пусковые установки «Фау-два» из окрестностей Гааги. Это вывело Лондон за пределы дальности ракет, и немцы могли стре-

лять только по Норфолку, почти не добиваясь эффекта. Увы, после провала операции «Маркет гарден» немцы в конце октября снова оккупировали полосу побережья вот здесь… — он указал на карту, — и в результате ноябрь стал худшим на данный момент месяцем. — Офицер раскрыл папку. — Нами зафиксировано в общей сложности двенадцать «Фау-два», упавших на Большой Лондон за первую неделю ноября. Количество увеличилось до тридцати пяти за вторую неделю, до тридцати семи за третью, а на этой мы ожидаем примерно сорок прилетов.

Просто чтобы вы представляли масштабы потерь за последние семь дней. В понедельник одним взрывом убито девять человек в Ист-Хеме; во вторник двадцать погибло в Уолтхемстоу, Эрите и Баттерси; двадцать четыре трупа в среду в Бетнал-Грин и еще шесть в Чизлхерсте пятьдесят минут спустя; двое погибших за четверг, девятнадцать за пятницу. К несчастью, вчерашний обстрел — худший за все время — унес сто шестьдесят жизней в Дептфорде и еще семь в других местах. О сегодняшних попаданиях мы еще собираем сведения, но уже известно о более чем десятке жертв.

Офицер с квадратной челюстью и густыми

черными бровями поднял руку:

— Прошу прощения, Джим, что перебиваю. Но если говорить откровенно и не боясь показаться циничным, то наша бомбардировочная авиация убивает за одну только ночь раз в десять больше немцев, чем вы сейчас назвали. В строго военном понимании ракеты являются чертовски досадной помехой, но они не способны стать решающим фактором в войне.

— Может, и так, — сказал Темплтон. — Но сейчас и в любой последующий день одна из этих ракет может развалить здание парламента, Букингемский дворец или Даунинг-стрит, десять, и мы не в силах помешать ей. Нельзя посоветовать людям улыбаться и жить дальше. Они не поймут.

— Да, — подхватил офицер у карты. — Две недели назад, вечером в воскресенье, ракета взорвалась над парламентом. Это вызвало панику на вокзале Виктория. Помимо жертв, есть и другая проблема, джентльмены, — лишение крова. По причине чрезвычайно высокой скорости ракета делает воронку в тридцать футов глубиной, а взрывная волна наносит значительный урон всем строениям по соседству.

— Мы хоть знаем, сколько повреждено домов

на данный момент?

— Примерно пять тысяч разрушены или подлежат сносу, сэр. В общей сложности ущерб получили сто пятьдесят тысяч строений.

По столу прокатился ропот. Докладчик вернулся на свое место.

— Неужели мы в самом деле не можем отыскать этих ублюдков? — спросил Темплтон. — Какова сейчас интенсивность разведывательных полетов?

— В последние сорок восемь часов погода была нелетная, сэр, — ответил один из офицеров. — Сегодня утром мы подняли четыре «спитфайра» с Колтишелла. — Он встал перед картой. — Побережье они пересекли вот здесь, у Эгмонта, повернули на юг и прошли берегом Нидерландов до Хук-ван-Холланда. К несчастью, их встретила облачность на высоте более трех тысяч футов. Даже когда самолеты снизились до двух с половиной тысяч, густой туман помешал разглядеть что-либо. По закону подлости едва они снова набрали двадцать тысяч, как заметили вырвавшуюся из облаков «Фау-два», но, понятное дело, — тут офицер развел руками, — не было никакой возможности установить, откуда она взлетела.

— Когда это случилось, можете сказать? — спросил Джим.

— Около половины одиннадцатого.

Джим сверился с бумагами:

— Видимо, это была та, что упала на Рейнхем.

— Раз немцы запускают по сорок ракет в неделю, должны же мы были засечь хотя бы одну из их чертовых стартовых площадок? Лес?

— Проблема не в недостатке рвения, сэр, — ответил Старр. — Я захватил с собой снимки местности, чтобы вы могли представить, с чем мы имеем дело.

Он кивнул Кей. Та встала и обошла стол, раздавая фотографии. Майк взял свою, не поглядев на девушку. Она вернулась на место — наблюдать, как он рассматривает снимок, хмуро вертя его и так и сяк. Ему бы надеть очки, но он никогда этого не делал. Не любил вспоминать о плохом зрении, поставившем крест на летной карьере.

— Это очень сложно, сэр, — сказал Старр.

— Еще бы! Сам вижу. Все сложно. И тем не менее это один из крупнейших провалов службы дешифрования аэрофотоснимков за всю войну.

Старр залился краской и зашамкал губами.

— Смею вас уверить, сэр, что мы работаем днем и ночью. — Он в отчаянии оглянулся. — Сек-

ционный офицер Кейтон-Уолш перепроверила данные: не упустили ли мы чего-нибудь. Кей, вы можете подтвердить присутствующим, что мы имеем дело с исключительно трудной задачей?

Кей мигом оказалась в центре всеобщего внимания. Она была застигнута врасплох и даже не успела испугаться.

— Да, сэр. Насколько мне известно, только в конце сентября, когда испытательный полигон «Фау-два» в польской Близне был освобожден русскими, мы выяснили, что для запуска ракеты требуется площадка всего лишь в двадцать квадратных футов. То есть размером в половину этого стола. Невозможно найти столь мелкую точку, спрятанную среди деревьев.

— Ага, — с иронией отозвался Майк, глядя на фотографию, а не на девушку, как если бы не решался обратиться прямо к ней. — Но для начала немцам требуется затащить ракеты в лес, правильно я понимаю?

— Правильно, сэр. Видимо, доставляют их железной дорогой по ночам. К тому времени, когда становится достаточно светло для разведывательных полетов, немцы успевают укрыть «Фау-два» среди деревьев.

Теперь Майк наконец посмотрел на нее. Он

слегка качнул головой, и в этом жесте она уловила несколько значений сразу: невольное восхищение хитростью врага, возмущение бесполезностью Медменхема… и предназначенное ей одной грустное удивление, что между ними происходит вот такая беседа. Он обратился к представителю командования бомбардировочной авиации:

— Нельзя ли просто сровнять леса с землей?

— Безусловно, мы думали об этом, сэр. Но есть два серьезных довода против. Во-первых, летать придется днем, а в том районе очень серьезная противовоздушная оборона. Наши потери окажутся неприемлемыми. Во-вторых, очень близко к Гааге. Если бомбить с восемнадцати тысяч футов, а это нижний допустимый порог, возможны серьезные потери среди мирного населения — и никаких гарантий, что нам удастся поразить пусковые установки.

Коммодор снова откинулся в кресле и приложил ладонь к забинтованной голове. Выглядел он бледнее, чем в начале совещания. Даже со своего места, через длинный стол, Кей видела, что Майк обливается потом.

Повисло молчание. Затем невысокий мужчина, сидевший напротив нее, поднял руку. Ему было

за пятьдесят — судя по знакам различия, винг-коммандер, — но вид он имел совсем не военный: толстые очки, усы щеткой и белая россыпь перхоти на воротнике. В мирные годы вполне мог быть каким-нибудь банковским клерком.

— Могу я высказать предложение, сэр?

Темплтон покосился в его сторону:

— Да, пожалуйста. Прошу извинить, но мы вроде не знакомы.

— Ноузли, сэр. Кларенс Ноузли. Войска ПВО, командование истребительной авиацией. Пункт сбора и обработки данных, не припоминаете? Мы встречались.

— Допустим. Продолжайте.

— С вашего позволения. — Коротышка встал и подошел к карте. — В прошлое воскресенье пункт сбора и обработки данных обустроил новую радарную базу на континенте. Мы разместили три передвижные радиолокационные станции орудийной наводки Джи-Эл-два и две новые, экспериментальные Джи-Эл-три в Бельгии, а конкретно близ города Мехелена. Это примерно в семидесяти милях от места запуска, настолько близко к линии фронта, насколько возможно. Район только что очищен от немцев. Благодаря близкому положению и ровной местности мы

получили превосходный пост для наблюдений за траекторией ракет. Эти новые радары оснащены катодно-лучевым пеленгатором, поэтому мы имеем возможность не только засекать ракеты, когда те поднимаются на высоту тридцати тысяч футов, но и следить за их полетом до выхода из зоны действия.

— И это может как-то помочь нам?

— Может, сэр. Когда мы начинали, была надежда, что «Фау-два» управляются радиосигналами и мы хотя бы получим шанс подавить управление ими. Немцы явно предусмотрели это. Они не применяют радионаведение. Мы полагаем, что ракета сугубо баллистическая. Иными словами, когда двигатель выключается, она продолжает полет по идеальной дуге, подобно отбитому в поле крикетному мячу. И это потенциальная уязвимость, которую мы можем использовать.

Ноузли смолк, явно непривычный к такому многословию. Коммодор ВВС сделал ободряющий жест:

— Ну же, продолжайте.

— Так вот, баллистическая дуга рассчитывается математически. Получив данные о траектории ракеты до момента, когда она стала баллистической, и определив точку ее падения, мы можем, в

теории, построить недостающую часть маршрута и рассчитать координаты места, из которого, так сказать, был запущен крикетный мяч.

Офицеры переглянулись. Темплтон подался вперед в кресле:

— Довольно любопытная идея. Вопрос в том, способны ли мы реализовать ее на практике.

— Разумеется, мы много думали об этом. В сущности, все сводится к гонке на время — надо не опоздать, сводя воедино объемы данных. Первый объем, получаемый с мобильных радаров, начинает обрабатываться сразу в Бельгии, через минуту или две после старта ракеты. Второй поступит из Стэнмора, как только радар ПВО укажет нам точку падения, то есть примерно через три минуты. А значит, для ускорения расчетов они должны выполняться как можно ближе к мобильным радарным установкам. — Ноузли обратился к представителю оперативного штаба истребительной авиации: — Сколько времени нужно «спитфайрам», чтобы подняться с Колтишелла и долететь до побережья Голландии? Минут двадцать пять?

— Примерно так.

— Значит, если самолеты взлетят сразу после старта ракеты, а данные о месте падения пере-

дадут в Бельгию сразу после взрыва, у нас будет двадцать минут, чтобы произвести расчеты, определить приблизительный район запуска и радировать координаты пилотам, пока те еще над Северным морем. Теоретически мы успеваем накрыть цель бомбами минут через тридцать пять или сорок после взлета «Фау-два», когда на месте запуска еще будут люди и техника.

Темплтон обернулся к помощнику:

— Всё записали?

— Да, сэр, — ответил флайт-лейтенант, продолжая черкать по бумаге.

— Какие у кого мысли? Идея реализуема?

С разной степенью энтузиазма офицеры выразили согласие.

— Это дает нам хоть какой-то шанс, — сказал Темплтон. — И в отсутствие других вариантов попробовать определенно стоит. Приступим завтра.

Ноузли встревожился:

— Не уверен, что мы можем так быстро начать, сэр.

— Почему? Вы сами сказали, что радарные установки уже развернуты. А триста третья эскадрилья в Колтишелле в нашем распоряжении. Пилоты с этим районом Голландии знакомы.

— Нам необходим персонал в Бельгии, который будет производить расчеты.

— Они что, такие сложные?

— Алгебра высшего порядка. Я отобрал нескольких девушек из пункта сбора и обработки данных и начал их готовить. Пока, стоит признать, результат неоднозначный.

— Сколько человек вам нужно?

— Чтобы организовать круглосуточное дежурство, необходимо минимум восемь.

— Да бросьте, винг-коммандер! У нас в стране сто восемьдесят тысяч в ЖВС! Неужели мы не найдем до завтра восемь девиц, знакомых с логарифмической линейкой?

Ноузли оказался упрямее, чем выглядел поначалу.

— Это ответственная работа, сэр. В условиях жесткого лимита времени связанная с риском для жизни пилотов, без права на ошибку.

— Мне все равно, как вы это устроите, — заявил Темплтон. — Но я сейчас пойду в мой кабинет, позвоню министру и сообщу, что у нас есть наконец реальный план и все, что требуется, — это отправить завтра самолетом в Бельгию восемь женщин из ВААФ. Это понятно?

Если Ноузли и хотел возразить, ему хватило

ума передумать.

— Да, сэр.

— Прекрасно. Детали я предоставляю обсудить вам, джентльмены. — Темплтон сделал знак лейтенанту, тот принес из угла комнаты костыли и помог начальнику подняться.

У него совершенно изможденный вид, думала Кей, пока он ковылял мимо нее, с направленным прямо перед собой взглядом, сжатыми от боли губами и влажным от пота лицом.

Спустя минуту после его ухода, когда за столом началась болтовня: «Ну, Кларенс, ты и влип!» и так далее, она поднялась. Не обратив внимания на оклик Старра: «Кей, ты куда?», девушка выскользнула из комнаты и прикрыла за собой дверь.

Она окинула взглядом длинный пустой коридор, гадая, какое направление выбрать. Вдруг дверь справа от нее открылась и появился тот самый флайт-лейтенант. Он коротко кивнул ей и пошел прочь. Кей дождалась, когда он скроется за углом, постучала и вошла, не дожидаясь ответа.

Майк сидел за столом спиной к окну, перед телефонным аппаратом, и пил из стакана нечто, внешне похожее на виски. На улице темнело. В комнате было сумрачно. Единственным источни-

ком света служила лампа в углу. Разглядеть его лицо не удавалось. Кей остановилась, не дойдя до стола. Он посмотрел на нее поверх очков и вздохнул:

— Это было чертовски погано. Выпьешь?

Она мотнула головой.

— Как себя чувствуешь?

— Не очень, но жить буду.

— Где Мэри?

— Вернулась в Блетчли.

— Так ты один? Где разместишься?

— Министерство снимет для меня номер в гостинице. — Он поставил стакан. — Знаешь что, Кей? Ты прости, но я не готов сейчас к этому разговору. Голова раскалывается, и на Даунинг-стрит нужно позвонить.

— Не переживай, я не сцену закатывать пришла. Всего лишь хочу попросить об услуге.

— О какой?

— После всего случившегося я не могу просто так сидеть в деревне и разглядывать фотографии. Мне нужно что-то делать.

— У тебя важная работа, Кей.

— Знаю. Но это не настоящая война, понимаешь? Я дружу с математикой и логарифмы считать умею. Скажи винг-коммандеру Старру,

чтобы включил меня в отряд для Бельгии.

Майк удивленно вскинул голову:

— Он не согласится.

— Согласится. Если ты прикажешь.

— Лес заявит, что ты слишком ценный сотрудник, нельзя тебя отпускать.

— Скажи, что это временно — пока в Англии не подготовят других девушек из вспомогательной службы. Пожалуйста, Майк, — это мой последний шанс на самом деле что-то изменить. К тому же, — добавила она, зная, что заходит с козырной карты, — тебе ведь будет легче, если я улечу из страны?

— Ну что ты! — ответил он, но Кей поняла, что соблазн велик, когда Майк добавил уже менее твердо: — Это не имеет никакого отношения к делу.

Не дав ей ответить, зазвонил телефон. В сумрачной тишине кабинета звук показался неестественно громким. Секунду Майк настороженно смотрел на аппарат, размял пальцы, потом поднял трубку и осторожно приложил к уху:

— Темплтон.

Какое-то время он слушал.

До Кей доносился высокий, торопливый говор из трубки. Майк кивнул:

— Очень хорошо. Спасибо, что дали знать. — И повесил трубку. — Это Стэнмор. Только что «Фау-два» взорвалась на северо-востоке Лондона. Общий счет — девять… — Он бросил на нее взгляд, потом посмотрел в окно. — Ладно, поговорю с Лесом. Может, и получится.

— Спасибо.

Когда она была уже у порога, Майк окликнул ее:

— Береги себя, Кей.

Девушка не обернулась.

«Я чужая ему, — подумала она. — Как и он — мне».

Снова зазвонил телефон.

— Темплтон. Добрый вечер, сэр…

Кей тихо затворила за собой дверь.

Глава 7

Проработав двадцать часов, Граф потерял счет времени. Его мир сжался до укрытий в траншеях и бронемашин управления пуском, до запаха высокооктанового топлива и сырой растительности, до ватной тишины леса, прерываемой оглушительным ревом ракетного старта. Иногда ему удавалось найти укромное местечко — в кабине пустого грузовика или, как сейчас, на куче ненужного брезента в углу палатки — и прикорнуть. Но спустя считаные минуты его снова трясли или призывали.

— Доктор Граф! На семьдесят второй площадке готовы к запуску!

— Который час?

— Без нескольких минут девять, доктор.

— Утра или вечера?

— Вечера.

— Вечера… Ну конечно.

Граф с трудом поднялся и заковылял за солдатом из палатки к поляне. Среди деревьев метались силуэты военных техников с налобными фонарями и переносками. Их работа не

уступала подвигам нибелунгов. Какая бурная деятельность! Темноту наполняли таинственные стуки и возгласы. Рокот автомобильных моторов дополнялся монотонным тарахтеньем генераторов. В одной из палаток с откинутым пологом двое техников склонились над находящейся в горизонтальном положении ракете, соединенной проводами с контрольным блоком. Чуть дальше лежала ракета без носового обтекателя. Двое солдат удаляли цилиндрическую фанерную крышку, защищавшую боеголовку. Две «Фау–2» не прошли диагностический тест, их теперь погрузят на тракторы, чтобы отправить в мастерскую в Схевенингене. Остальные, на выстроившихся вдоль дороги прицепах, ждали своей очереди на проверку. Мощные мобильные подъемные установки «Мейлерваген» сновали между полевым складом и стартовыми площадками, кромсая грунт. Как только ракету доставляли на площадку, подъезжали автоцистерны и заправщики, начинали закачку топлива, и как только проверка ракеты завершалась, «Мейлерваген» возвращался на полевой склад за следующей.

Граф забрался в коляску, вытянул ноги и схватился за поручень. Мотоциклист надвинул очки-консервы и качнул ногой стартер. Мото-

цикл попрыгал по кочкам и выехал на дорогу.

Семьдесят вторая площадка, одна из самых отдаленных от технического склада, находилась за ипподромом в Дойндихте, в лесу на окраине Вассенара, совсем рядом с морем. Мотоцикл вихрем промчался по шоссе, свернул налево и миновал КПП. Луч фары выхватывал из темноты чугунные ворота больших пустующих вилл. Затем дома стали встречаться реже. Мотоцикл проехал через поле и снова очутился среди деревьев. Лес выглядел более густым и диким, чем похожие на парк окрестности Схевенингена. Здесь, на свежем воздухе, Граф ощутил, как к нему возвращается энергия. Мотоцикл резко остановился.

Стоявшую на пусковом столе одинокую ракету было не так-то просто заметить. Коричневые и зеленые полосы камуфляжа размывали ее очертания среди хвойных деревьев. Граф пробежал лучом фонарика от хвостовых стабилизаторов до приборного отсека, по питающему кабелю к электрической мачте и снова вниз. Он не сомневался, что технические команды в своем лихорадочном стремлении запустить двенадцать ракет за день пренебрегают протоколом испытаний. Этот запуск оказался отложен из-за поломки очередного трансформатора. Деталь заменили, а

вот гарантий, что авионика сработает исправно, дать никто не мог. И Граф тут был бессилен. Он повернулся к бронемашине управления пуском и вскинул руку. В девять часов пять минут вечера, в десятый за это воскресенье раз, надрывный вой сирены, подобно зову охотничьего рога, огласил окрестные леса.

Инженер опустил луч фонарика к земле и стал пробираться к укрытию огневого взвода. Люди потеснились, чтобы дать ему место. Граф спрыгнул в траншею и снова посветил фонариком на «Фау–2», хотя и понимал, что это бессмысленно.

Легкий туман поднимался от подножия леса, нес запахи сырой земли и прелых листьев. В тумане обрисовалась человеческая фигура, словно плывущая через него.

— Подвиньтесь-ка, доктор! — раздался веселый возглас, и лейтенант Зайдель, командир второй батареи, грузно приземлился рядом.

— Вы как будто довольны, — проворчал Граф.

— Штурмшарфюрер Бивак доволен. От этого доволен полковник. А стало быть, и я. И вам тоже полагается быть довольным.

— Я никогда не бываю довольным перед запуском.

— Да и после тоже, насколько я успел заме-

тить.

Из громкоговорителя зазвучал обратный отсчет.

Сначала лес озарился ослепительным светом. Затем лицо обжег горячий ветер. Поднятые с земли ветки и листья понеслись над траншеей. Граф пригнулся и прикрыл голову; град обломков забарабанил по рукам и плечам. Он не слышал ничего, кроме рева двигателя; мыслей не было. Земля дрожала. Тональность шума повышалась. С душераздирающим воем ракета устремилась в небо. Люди, включая Графа, тотчас приподнялись посмотреть. Правила безопасности строго воспрещали высовываться до сигнала отбоя, но никто их не соблюдал. Граф бросил взгляд вдоль траншеи. Озаренные багровым пламенем лица выражали какой-то детский восторг. Внезапно свет померк, и лес погрузился в темноту, как раньше.

— Десять ушли, — промолвил Зайдель с глубоким удовлетворением. — Остались две.

— Полковник всерьез намерен отправить все двенадцать?

— Такое обещание он дал Биваку. — Зайдель посветил фонариком на часы. — Но до запуска следующей пройдет какое-то время. Батарея Штока еще не начала заправку. Знаете, а ведь это

настоящее достижение. Могли вы представить, что нам удастся послать столько птичек в Британию в один день?

— Начистоту, Зайдель? Я ни одной не собирался посылать.

Граф выбрался из траншеи, отряхнул плащ и зашагал через заросли к стартовой площадке. От запаха сгоревшего топлива мутило. Тут и там тлел подлесок, язычки оранжевого пламени взбирались по плющу. Граф затоптал их. Его охватило острое отвращение к себе. Он пересек поляну и пошел по тропе между деревьями. Отойдя достаточно далеко, остановился, закурил сигарету и поглядел на трясущиеся руки. Потребовалось несколько затяжек, чтобы никотин успокоил нервы. Инженер осмотрелся вокруг. Вечер выдался холодный и тихий, крепко пахло сосной, а лунного света хватало, чтобы очерчивать на фоне неба верхушки деревьев. За спиной у Графа взвод уже готовил стартовую площадку к транспортировке.

Граф вслушался в тишину. Откуда-то поблизости доносился тихий, как шепот, звук, неясный шорох. Повинуясь порыву, он пошел в ту сторону по тропе. Шорох звучал все громче, лес редел, и инженер обнаружил, что поднимается по склону

дюны, ноги тонут в мягком песке. Вскоре он добрался до вершины.

Доступ к пляжу преграждала колючая проволока. На ней висела табличка с черепом и перекрещенными костями. «ACHTUNG! MINEN!»[9] Отлив обнажил широкую, плоскую ленту песка. В мелких лужицах отражался лунный свет. Ряды металлических ежей, призванных мешать десантным судам противника, отбрасывали резкие тени. Из моря неясными белыми линиями накатывались барашки волн.

Граф уселся на поросшей травой дюне и снова закурил. Прошлое, столь долго и успешно сдерживаемое, нахлынуло на пляж, грозя затопить его.

«Последние десять лет жизни я провел на морском берегу, — думал он. — Вдыхая аромат сосен и чувствуя на губах соль, слушая крики чаек и вглядываясь в бескрайний простор неба».

Колонна из грузовых и легковых автомобилей выдвинулась из Куммерсдорфа перед рассветом. Это было в первый раз, в декабре 1934 года. Да, почти десять лет назад. Он помнил, как сидел в кабине головного грузовика, зажатый между водителем и фон Брауном. В кузове, упакованная

---

[9] Примечания: 9
«Осторожно! Мины!» *(нем.)*

в ящики, ехала пара маленьких ракет, всего лишь по сто шестьдесят сантиметров длиной. Официально они назывались «Агрегат–2», но команда им дала прозвище «Макс» и «Мориц», в честь двух несносных сорванцов из рассказов, которыми все зачитывались в детстве. Ракеты были слишком мощные, чтобы проводить первые летные испытания поблизости от города, поэтому их везли к побережью. Дивное было времечко! Даже среди зимы эта экспедиция казалась отпускным путешествием.

Прошло шесть месяцев с тех пор, как Граф присоединился к команде в Куммерсдорфе, и он пока ухитрялся оставаться в живых. В июле Курт Вамке, молодой физик, темой диссертации которого был выброс газов через цилиндрические сопла, решил проверить на практике свою теорию — отказаться от смеси спирта и жидкого кислорода и использовать в качестве топлива девяностопроцентный раствор перекиси водорода. В день испытаний Вамке позвонил коллегам, предупредил, что может произойти взрыв, и спросил, не могли бы они в этом случае прибыть на помощь. Потом они с Графом выкурили по сигарете в компании двух техников. Бледно-голубую перекись залили в бак прямо над реактивным двигателем,

она поступала туда через обыкновенный шланг. Ученые потушили окурки, открыли топливный краник, и Вамке поднес к соплу банку с горящим керосином.

О чем они только думали? Пламя взметнулось по шлангу и охватило бак. Граф единственный успел отреагировать, распластавшись за бетонной стеной. Обугленные тела трех товарищей не одну неделю стояли у него перед глазами, а смрад горящей плоти словно прилип к ноздрям. Фон Браун же при виде трупов и бровью не повел. Его заметно огорчил выход из строя испытательного стенда. Он всегда обладал способностью перешагивать через чужие трагедии. Качество, отличающее истинного лидера, решил Граф.

Но бедный Вамке теперь в прошлом, его — все, что осталось, — предали земле и больше не вспоминали. Уж точно не в тот день долгой поездки из Берлина в Эмден с «Максом» и «Морицем». Испытатели заночевали в порту, а утром сели на судно, идущее к расположенному в тридцати километрах от побережья Северного моря острову Боркум. При сильном ветре рейс получился жутким, Граф бо'льшую часть времени промаялся в каюте, мучимый рвотой. Нет нужды говорить, что фон Браун, как арийский сверхчеловек, был не только

прекрасным наездником, пилотом, одаренным скрипачом и прочая, но и прирожденным мореходом. Все плавание он провел на мостике. Кроме пары дюжин солдат, в экспедиции, насколько мог припомнить Граф, было пять инженеров: он сам, фон Браун, Вальтер Ридель (не путать с Клаусом Риделем), которого они прозвали Папой за покровительственные манеры, Хайни Грюнов, механик с Ракетного аэродрома, и Артур Рудольф, эксперт по реактивным двигателям с завода «Хейландт». Последний был гонщиком, он присутствовал при взрыве мотора в тот вечер, когда погиб Макс Валье. Рудольф единственный среди них был нацистом.

Они поселились в гостинице на берегу. Сидели в неудобных плетеных креслах на холодной, продуваемой солеными ветрами остекленной веранде, созерцая пейзаж — точно такой же расстилался перед Графом сейчас. Слушали, как завывает штормовой ветер над коньковой крышей, и ждали, когда он стихнет. Ждали, ждали, ждали. То был первый для Графа опыт зимы на североевропейском побережье, где можно считать себя счастливчиком, если световой день длится семь часов. Бо'льшую часть времени испытатели сидели дома и высматривали в окружающей

монотонной серости признаки перемены погоды. Играли в шахматы и бридж. Обсуждали космические полеты. Внимали теоретизированиям фон Брауна о двухступенчатой ракете: первая ступень выводит корабль на орбиту за пределами земной атмосферы, а вторая разгоняет его для полета на Луну или Марс. «Вакуум в космосе означает, что потребуется относительно небольшое количество энергии». И демонстрировал расчеты. Когда Вернер заявлял, что уже родился человек, который прогуляется по Луне, было понятно, что он имеет в виду себя. Наконец восемнадцатого декабря 1934 года, после недели ожидания, на ужине в канун Рождества фон Браун заявил, что завтра они запустят «Макс» при любой погоде. Если «Макс» подведет, у них есть в запасе «Мориц».

Утро девятнадцатого выдалось ясным и ветреным: нижняя поверхность облаков на 1200 метрах, ветер восточный, порывами до восьмидесяти километров в час. Из соображений секретности местному населению, состоящему из рыбаков и их семей, было велено сидеть по домам, закрыв ставни. За соблюдением приказа следили солдатские патрули. Инженеры перевезли «Макс» в дюны, установили пусковую мачту, подсоединили электрические кабели к контрольным

приборам, проверили гироскопы, заполнили баки спиртом, жидким кислородом и сжатым азотом. Граф отвечал за кинокамеру; ему стоило немалого труда убирать песок с линз. Дождались затишья, и фон Браун поджег керосин в банке, привязанной к метловищу, и поднес огонь к соплу. Когда реактивная струя вспыхнула, раздался чудовищный грохот и «Макс» рванулся вверх. Все выше и выше: приходилось задирать голову, чтобы наблюдать за ним, пока изрыгаемое пламя не превратилось в крошечную алую точку. Он поднялся, как позднее было подсчитано, на тысячу семьсот метров — самая большая высота, когда-либо достигнутая ракетой, — выработал все топливо и на глазах у зрителей тихо шлепнулся на песок примерно в километре от места запуска.

Инженеры орали и вопили, хлопали друг друга по спине и плясали на пляже, как дикари; неистовствовал даже Папа Ридель. В тот вечер они собрались на застекленной веранде и фон Браун провозгласил тост:

— Мне кажется, господа, или Луна действительно нынче вечером ближе, чем была утром? — Он повернулся к Графу и чокнулся с ним. — На Луну!

— На Луну!

Им было по двадцать два года.

Когда в наступившем 1935 году они вернулись в Куммерсдорф, Граф смонтировал фильм с испытанием на Боркуме, и фон Браун стал показывать его в Берлине. Вернер был словно создан для века, в котором им выпало жить. Аристократ, но отнюдь не сноб, человек галантный, но при этом безупречно разбирающийся в технических деталях, он был воплощением нового германского духа. Пророк будущего! Большой удачей обернулось то, что ракета взлетела почти на два километра как раз в то время, когда немецкая экономика, повинуясь воле фюрера, совершала беспрецедентный поворот в сторону милитаризации. Армия с ходу выделила полмиллиона марок, чего исследователям хватило на создание двух новых испытательных стендов. Люфтваффе предложили пять миллионов еще до завершения презентации. Когда главнокомандующий приехал в Куммерсдорф понаблюдать за стрельбами, он повернулся к фон Брауну и спросил напрямик:

— Сколько вам нужно денег?

Сколько было нужно фон Брауну? Что за вопрос! Столько, чтобы хватило построить ракетный

город, в точности как в фильме у Фрица Ланга. Требовалось нечто вроде Боркума, только побольше: место на побережье, вдали от любопытных глаз, где прошедшая особый отбор группа ученых и мечтателей, опираясь на неограниченные ресурсы, сможет беспрепятственно запускать ракеты на дистанции в сотни километров. Вот чего хотел фон Браун.

Один из допрашивавших Графа гестаповцев выглядел злее, чем его напарник. Возможно, это просто была рутинная игра в плохого и хорошего полицейского: у инженера возникло ощущение, что, веди дело только этот следователь, допросы включали бы зуботычины и удары дубинкой. Возможно, он потерял кого-то на Восточном фронте замерзшим насмерть зимой сорок первого — сорок второго или попавшим в плен из-за отсутствия необходимого снаряжения. Как-то раз этот человек вскочил и забарабанил кулаком по столу:

— Вы просто шайка предателей! Этот ваш Армейский исследовательский центр в Пенемюнде — не что иное, как крупнейшая афера в германской истории!

Граф ответил, что не имел никакого отношения к строительству в Пенемюнде. Этот вопрос

решался в куда более высоких сферах.

Гестаповец сверился с толстым досье.

— Тем не менее, если верить профессору фон Брауну, вы сопровождали его в первой поездке на остров.

— Вот именно что сопровождал. Не более того.

— Когда точно это было?

Граф сделал вид, что задумался. У них наверняка есть информация в папке. Вся эта история смахивала на фарс.

— Кажется, это было в тридцать пятом, сразу после Рождества.

На самом деле он все помнил очень ясно. Бо'льшую часть того года они потратили на конструирование и монтаж нового двигателя, выдававшего три тысячи фунтов тяги, для гораздо более крупной ракеты, семи метров в длину, названной «Агрегат–3». Поэтому на праздники Графа пригласили в поместье фон Браунов в Силезии, чтобы продолжать работу. С приходом Гитлера к власти барон лишился поста министра сельского хозяйства и удалился в эту уродливую и серую, похожую на казарму усадьбу, в равной степени возмущенный вульгарностью и жестокостью нацистов и втайне впечатленный достигнутыми ими результатами. Непреходящая

одержимость его гениального сына ракетами сбивала старика с толку. Это занятие казалось не вполне подходящим для дворянина. С Графом он держался с холодной вежливостью, как с человеком того сорта, с которым не хотел иметь ничего общего, — еще с одним проявлением века слишком революционного, чтобы старый барон мог принять его.

Как-то после ужина, сидя перед камином, Вернер обмолвился, что ищет спокойное местечко на малолюдном побережье для строительства своего ракетного города. Он нашел идеальную территорию на балтийском острове Рюген. Увы, организация «Сила через радость» опередила его и построила там лагерь отдыха для Трудового фронта.

— Но я знаю подходящее место, — заявила вдруг его мать, оторвавшись от вышивки. — Совсем рядом с Рюгеном. Твой дедушка каждую зиму охотился там на уток. Как оно называется, Магнус?

— Пенемюнде, — буркнул старый барон, вынув изо рта сигару.

Вот так Граф в первый раз услышал это название.

И началась вторая поездка на север, на этот раз только вдвоем, на новой машине фон Брауна. Они

остановились переночевать в Кармзове, близ Штеттина, в старинной усадьбе, принадлежащей семье матери Вернера, фон Квисторпов, гораздо богаче и знатнее, чем фон Брауны. На следующий день одолели примерно пятьдесят километров по равнинам Померании, после чего пересекли по мосту узкий пролив, отделяющий материк от острова Узедом. Минут десять или около того дорога петляла среди деревьев и болот, прошла по перешейку, где с обеих сторон поблескивала вода, привела их в уютную рыбацкую деревушку с домами в розовых, желтых и голубых тонах и наконец углубилась в лес на северной оконечности острова. Они оставили машину и проделали остаток пути пешком.

То утро запечатлелось в памяти Графа как визит в рай накануне изгнания: древние дубы и стофутовые шотландские сосны, дюны и торфяники, белые песчаные пляжи с камышовыми зарослями. Тишина, покой, вокруг ни одной человеческой души, только лебеди и утки, певчие птицы и бакланы и ручьи, где плещутся выдры, и на пустошах пасутся крупные померанские олени с короной из темных рогов, спокойные, непуганые. Потребовалось больше часа, чтобы пробраться вдоль берега до места впадения реки

Пене в лагуну Одера. Фон Браун, широкое лицо которого освещало зимнее солнце, а белые волосы трепал морской ветер, раскинул руки, обнимая мир.

— Ну разве не фантастика? — Он принялся жестикулировать, показывая, где что будет, мановением руки преобразуя ландшафт.

Ему уже виделись испытательные стенды в лесу и стартовые площадки на побережье, мастерские и лаборатории на заливных лугах, завод по производству ракет, химические цеха, производящие этиловый спирт и жидкий кислород, электростанция, аэродром, где конструкторы будут опробовать реактивные двигатели для люфтваффе, железнодорожная станция, модульные дома для персонала.

— Но тебе придется поселить здесь тысячи людей, — возразил Граф, не в силах удержаться от смеха. Идеи Вернера звучали так абсурдно, так похоже на детские мечты. — Кто, черт побери, заплатит за все это?

— О, они заплатят.

— Они?

— Наши господа в мундирах. Поверь, прямо сейчас в их руках столько денег на вооружение, что они не знают, куда их девать. Из сил выбива-

ются, стараясь потратить.

— Да брось! Сумма получится просто невероятная.

— Не переживай. Вот увидишь. Я пообещаю им такое оружие, что они не устоят.

По возвращении в Куммерсдорф фон Браун засел с Папой Риделем и начальником Департамента вооружений полковником Дорнбергером за чертежи самой совершенной баллистической ракеты, какую технологии на базе достигнутых ими разработок позволяли построить в металле. Граф всегда ладил с Дорнбергером. Это был добродушный ветеран-артиллерист лет сорока, достаточно умный и амбициозный, одержимый «Парижской пушкой», из которой немцы обстреливали французскую столицу во время Великой войны. Фон Браун играл на его слабостях, как скрипач-виртуоз: льстил, иногда подлаживался, поддерживая в старшем коллеге иллюзию, что тот здесь главный. Вместе они выработали спецификации для боепригодного оружия — такого, чтобы можно было безопасно перевозить по железной дороге куда потребуется. Требования к транспортировке ограничивали размер изделия пятнадцатью метрами. При этом оно должно доставлять боеголовку, заполненную тонной

взрывчатки или отравляющим газом, на расстояние до двухсот семидесяти пяти километров. Для достижения этих параметров, по расчетам Риделя, нужен был двигатель с тягой в двадцать пять тонн — в семнадцать раз мощнее того, что им удалось добиться прежде. Этот проект получил название «Агрегат–4».

Однажды утром в начале апреля Дорнбергер и фон Браун отправились в Берлин, в Министерство авиации, доложить о своих планах генералу люфтваффе Кессельрингу. Граф смотрел, как они уезжают, сидя рядом на заднем сиденье «мерседеса», с портфелями на коленях, похожие на парочку коммивояжеров. Как проходила встреча, он не узнал, но в обеденный час на Узедом поехал на скоростной машине штаб-офицер из люфтваффе, а к вечеру министр авиации позвонил Дорнбергеру и сообщил, что сделка состоялась: Пенемюнде выкуплен у муниципального совета за три четверти миллиона марок и люфтваффе берет на себя половину расходов на строительство.

Вся эта затея с самого начала содержала в себе элемент безумия. В Штеттине на допросах у Графа пару раз возникало желание просто поднять руки и признаться в своих подозрениях: фон Браун

не для того построил Пенемюнде, чтобы создать оружие, а оружие создал для того, чтобы построить Пенемюнде. Дерзость этого мероприятия, его рискованность ошеломляла.

Только на третий день Графу задали наконец вопрос, к которому подводили все это время:

— В воскресенье, семнадцатого октября тысяча девятьсот сорок третьего года, на пляже в Цинновице, на вечеринке в обществе профессора фон Брауна, доктора Гельмута Греттрупа и доктора Клауса Риделя, говорили ли вы, что война проиграна, что ракеты не спасут Германию и вашей целью с самого начала было построение космического корабля?

В течение следующих нескольких секунд, хотя горло сдавило, а сердце будто перестало качать кровь, мозг инженера лихорадочно перебирал варианты самого безопасного ответа. Каковы показания остальных? Если они расплывчатые, это одно, а если нет, то…

— Господа, не припомню, чтобы я говорил нечто подобное. Тут, наверное, какая-то ошибка…

«Послушай меня, Руди, я скажу абсолютную истину. Дорога на Луну проходит через Куммерсдорф».

«Нет, дорогой мой Вернер. При всей твоей гени-

альности дорога через Куммерсдорф привела нас не на Луну. Она привела нас вот сюда».

За спиной раздался звук. У Графа мышцы окоченели от холода. Он неловко поднялся и повернулся. Кто-то шел по тропе через лес. Между деревьями метался свет фонариков. Залаяла собака. Появился эсэсовский охранник с автоматом у плеча, за ним второй и, наконец, кинолог с большой немецкой овчаркой, рвущейся с поводка. Инженер поднял руки. Свет фонаря ударил прямо в лицо, ослепив. Граф попытался прикрыть ладонью глаза.

— Не двигаться! — рявкнула одна из скрытых в тени фигур.

— Я доктор Граф, у меня есть пропуск. — Он скривился и отвернул голову. — Нельзя ли не светить мне в глаза?

— Это штатский из Пенемюнде, штурмман, — сказал второй эсэсовец. — Вы что, его не узнали?

— Как же, узнал. Документы!

Граф устало сунул руку в карман:

— Раз узнали, зачем вам мои документы?

Вдалеке завыла сирена.

Инженер передал пропуск.

— Это запуск. Мне полагается быть там.

— Тогда что вы делаете здесь?

— Просто возьмите и проверьте, ладно? — Граф смотрел в сторону леса, а охранник тем временем занялся долгой процедурой: закинул за плечо автомат, переложил фонарь в другую руку и направил луч на пропуск. Чувствуя нетерпение Графа, он тянул время.

— Я задал вопрос, доктор: что вы делаете в запретной зоне?

Грохот первой стадии зажигания «Фау–2» огласил лес. Граф повернулся на звук. Эсэсовцы поступили аналогично. Трудно было судить, на каком расстоянии от них находится стартовая площадка. Полусфера света возникла среди мрака, озарив верхушки хвойных деревьев, колыхавшихся подобно морю. Затем стал медленно подниматься огненный столб. Он достиг в высоту метров пятидесяти и замер. В течение нескольких секунд стоял неподвижно, пульсируя красным и синим, а потом начал медленно смещаться вбок, все еще сохраняя вертикальное положение. Затем медленно наклонился и вскоре исчез. В лесу было светло как днем. Мгновение спустя раздался грохот — это взорвались топливные баки.

Никто не произнес ни слова, ни звука — по крайней мере, так запомнилось Графу, — а потом он очнулся от транса, промчался мимо эсэсовцев,

съехал вниз по песчаной тропе.

Он бежал среди деревьев несколько минут, пока не увидел впереди огненный шар. «Только не боеголовка! — молил он. — Только не боеголовка!» Слышались крики, метались силуэты. Хотелось прокричать, чтобы все уходили оттуда, но он был слишком далеко. Где-то за спиной, почти наступая ему на пятки, продирались через кусты эсэсовцы. Лаяла собака. Один из охранников дунул в свисток — поступок столь же бессмысленный, сколь и раздражающий. Граф был уже готов обернуться и высказать свое мнение, как вдруг деревья наклонились к нему и он врезался в то, что ему показалось стеной из земли. Грязь набилась в глаза и в рот. Почва ушла из-под ног, он повис в воздухе, махая руками. Потом с силой ударился обо что-то спиной.

Когда инженер снова открыл глаза, деревья вокруг были охвачены огнем. Ветер нес горящие листья и бумажки. Граф поднялся на колени, потом встал и пошел, шатаясь, среди поломанных взрывом деревьев к дымящейся воронке. Не успел он дойти, как мимо пробежала собака, гордо несущая что-то в пасти. Инженер не сразу понял, что это человеческая рука.

Глава 8

На территории усадьбы Дейнсфилд-Хаус, в комнатке в дальнем конце металлического полуцилиндра — хижины Ниссена, — воскресенье сменялось понедельником под аккомпанемент не более громкий, чем могут дать посапывание и похрапывание. Из четырех жильцов бодрствовала только Кей. Лежа на боку, она вглядывалась в фосфоресцирующий циферблат походных часов так сосредоточенно, что убедила себя, будто ее глаза способны улавливать бесконечно медленное движение часовой стрелки.

Помимо чуть слышно тикающих часов, на стуле, выполнявшем также роль прикроватной тумбочки, лежали бумаги, которым предстояло играть роль ее паспорта. Первая удостоверяла, что секционный офицер ЖВС А. В. Кейтон-Уолш, служащая в Центральном отделе дешифрования на базе ВВС Медменхем, временно прикомандирована к 33-му крылу Второй тактической авиагруппы; перевод запрошен винг-коммандером К. Р. Ноузли, согласован с ее непосредственным начальником винг-коммандером Л. П. Старром

и утвержден коммодором ВВС М. С. Темплтоном, кавалером Креста летных заслуг. К этому документу был скрепкой приколот второй: бледно отпечатанная копия приказа, предписывающего ей прибыть на базу ВВС Нортхолт в девять часов утра следующего дня. Отмеченные рядами точек пробелы для фамилии, звания и порядкового номера были заполнены неразборчивым торопливым почерком синими чернилами.

Ей оставалось только гадать, каких трудов стоило Майку оказать ей эту услугу. Немалых, если судить по тому, как Старр прошагал мимо нее, сидевшей в вестибюле Министерства авиации, и вышел, не предложив подбросить до Дейнсфилд-Хауса. Винг-коммандер Ноузли, целиком погруженный в свои мысли, тоже ее не замечал. Офицер с косматыми бровями из командования бомбардировочной авиации понимающе подмигнул. Наконец, когда флайт-лейтенант, выполнявший обязанности адъютанта Майка, спустился через полчаса и вручил ей бумаги со словами «Коммодор просил передать вам это», его манеры сочились холодным презрением, как у лакея, посланного господином заплатить шлюхе.

Пойдут слухи, подумала Кей. Старр об этом позаботится.

Очень хотелось уехать до того, как другие проснутся, но она боялась потревожить соседок сборами. Она перевернулась на спину и кое-как продремала ночь, время от времени слыша крики водоплавающих птиц с Темзы и уханье совы на большом вязе. Глянув раз в двадцатый на часы и увидев, что уже почти шесть, Кей решила наконец рискнуть. Она выбралась из-под одеяла и чиркнула спичкой. Звук показался резким, как выстрел из ружья. Кей зажгла свечу.

В кровать она легла уже полуодетой. Теперь понадобилась лишь пара минут, чтобы натянуть юбку и китель. Присев на край матраса, она скользнула облаченными в чулки ногами в ботинки.

Скрипнула половица. Кто-то пошевелился.

— Ты что делаешь? — раздался голос из колеблемого свечой мрака.

Это была Ширли Локк, кто же еще.

— В уборную иду, — прошептала Кей.

— А почему в одежде?

— Не забивай голову, спи.

Кей завязала шнурки, встала и надела фуражку. Саквояж уже стоял собранный. Она накинула плотную шинель, защелкнула крышку походных часов и сунула их в карман вместе с докумен-

тами.

— Сбегаешь?

— Не глупи.

Кей взяла свечу, подняла саквояж и завозилась с дверной ручкой.

— Когда вернешься?

— Точно не знаю. Давай спи. — Ей вдруг стало стыдно при мысли, что она вот так покидает подруг, с которыми провела два с лишним года. — Ты попрощаешься с нашими от моего имени? Передашь им привет?

— Кей…

Она закрыла дверь. Со свечой пробралась по коридору до противоположного торца хижины и вышла на утренний воздух. От порыва холодного ветра пламя затрепетало и погасло. Девушка бросила свечу и пошла по дорожке.

Затемнение соблюдалось в Медменхеме строжайше, хотя уже который год в небе над Марлоу не появлялись немецкие бомбардировщики. Большой дом был объят тьмой. Казалось невообразимым, что сейчас за плотными шторами работают сотни людей.

Она шла с саквояжем в руке по середине гравийной дорожки, между черными зарослями рододендронов, к КПП, сознавая некую нелепость

в том, что на войну отправляется таким вот образом. Пусть Кей и прослужила несколько лет в Женской вспомогательной службе ВВС, но ни разу не летала, даже не сидела в самолете. Она и за границей не бывала, если не считать школьной экскурсии в Париж в 1937 году. Но именно по этой причине девушка испытывала удивительный душевный подъем, как будто совершала побег из тюрьмы. В конце концов, что представляла собой ее жизнь до этого момента? Уединенная деревушка в Дорсете с домами из древнего золотистого известняка, крытый соломой коттедж, где она жила с матерью и младшей сестрой, монастырь Святой Девы с монахинями-наставницами, однополый колледж в Кембридже, а затем затворничество в Дейнсфилд-Хаусе.

К двадцати четырем годам у нее, если не считать Майка, был только один любовник: ровесник-летчик, с которым она познакомилась в ходе послеполетного опроса на базе ВВС в Бенсоне, когда работала в Первом этапе. Связь продлилась всего лишь месяц, затем его перевели в Шотландию. Оба они были девственниками. В некоторых смыслах он был даже моложе ее. Но парень описывал одиночные разведывательные полеты: неотапливаемый «спитфайр», два

свитера, летный комбинезон, две пары носков и перчаток. Рассказывал, как самолет забирается через тропопаузу над Северным морем в темную синеву стратосферы, где царит мороз до минус семидесяти, где плексиглас кабины покрывается ледяным узором, а на сосульках внутри отражается солнце. И как страшно, что кислородная система подведет и ты потеряешь сознание. И как ты взводишь камеру, а потом кружишь в разреженном воздухе над Берлином на высоте восьми миль (так высоко, что видно побережье Балтики и заметно искривление поверхности земли). Иными словами, говорил о жизненном опыте, какой ей сложно было представить. Кей тоскливо сравнивала эту полную приключений жизнь со своими серыми буднями.

У главных ворот стоял автофургон «бедфорд» с работающим мотором и печкой, включенной на полную мощность. Мужчина за рулем прихлебывал из термоса.

— Вы меня ждете? — спросила Кей.

Накануне вечером капрал на КПП, ознакомившись с приказом о ее переводе, пообещал что-нибудь придумать насчет транспорта. Рано утром в Хай-Уайкомб, в штаб бомбардировочной авиации, должен отправиться с поручением во-

дитель, а дальше его путь лежит в Министерство авиации. «Он подбросит вас до Норхолта вовремя, мэм, не беспокойтесь».

— Да, мэм. Доброе утречко. Запрыгивайте.

Шофер был кокни средних лет, весельчак. Лица не разглядеть толком. Он подвинулся на сиденье, освобождая место для Кей.

— Чайку?

— Было бы здорово.

Он наполнил чашку. Кей преодолела ханжеское желание протереть край. На чай жидкость походила мало. Она было тошнотворной от сахарина и сухого молока. Но девушка была благодарна за угощение, и когда водитель предложил сигарету, тоже не отказалась, хотя на самом деле не курила. Кей сидела, держа саквояж на коленях, и, стараясь не закашляться, смотрела сквозь ветровое стекло на пустую дорогу, а водитель, с треском переключая передачи, гнал фургон через лес. Кокни трещал без умолку, она делала вид, что слушает. «Это верно, — поддакивала Кей. — Так и есть». Все равно что поездка в лондонском такси. Она опустила стекло и выбросила окурок. Десять минут спустя машина въехала в фальшивую букингемширскую деревушку, под которую замаскировался штаб бомбардировочной авиации.

Здесь были и усадебные постройки из фанеры, и вполне убедительно выглядевший церковный шпиль.

— Я мигом, — заверил шофер.

Кей ждала, пока он передаст ящик с фотографиями. В сумраке виднелись смутные очертания дома, где прошлым летом она обсуждала с плановиками тему Пенемюнде. На основе проведенного ею анализа фотографий была построена масштабная модель: электростанция и завод по производству жидкого кислорода в западной части острова, главный пусковой полигон, экспериментальные мастерские и цеха в восточной. Плановиков особенно интересовал рабочий городок с его школой, домом собраний и казармами. Когда она поинтересовалась причиной, серьезный молодой человек, чем-то похожий на священника, ответил, что бомбы упадут в ранний час, когда ученые и техники будут спать, чтобы потери врага были максимальными. «Уничтожение персонала для нас не менее важно, чем уничтожение производственных мощностей».

Налет был назначен на ночь полнолуния в августе. Медменхем оповестили за час до вылета. Шестьсот тяжелых бомбардировщиков, более четырех тысяч человек в экипажах, две тысячи

тонн взрывчатки. Никому из пилотов не сообщили истинную причину атаки на цель, о которой никто из них прежде не слышал. Кей сидела на берегу Темзы, пока солнце сменялось луной, и воображала, как «ланкастеры» летят в плотном строю над Северным морем. Майк сказал потом, что не вернулось сорок самолетов. Когда подразделение Дороти Гаррод получило снимки, сделанные воздушными разведчиками на следующий день после рейда, оно обнаружило, что многие производственные площадки остались целыми. А вот лишенные крыш дома, которые Кей рассматривала через увеличитель, напоминали руины Помпеев.

Выполнив поручение, водитель вернулся. Чтобы не поощрять его к разговорам, Кей закрыла глаза, будто уснула, но через несколько минут это перестало быть притворством, и проснулась она, только когда фургон резко затормозил и послышались голоса. Пасмурный день занимался, словно нехотя, над пустыми окрестными полями. За высокой сетчатой оградой проглядывали в сером свете авиационные ангары и диспетчерская вышка. Из-за них, с Западной авеню, доносился гул машин, едущих в Лондон. Водитель опустил стекло и заговорил с полицейским ВВС, держа-

щим папку. Полицейский заглянул в кабину и попросил у Кей документы. Она протянула бумаги. Он прочитал их и зашуршал листами блокнота. Все это заняло много времени — слишком много, — и зародилось опасение, что в последнюю минуту бездушная бюрократическая машина Министерства авиации отбраковала ее.

— Все в порядке, мэм. — Полицейский вернул бумаги. — Я вас провожу.

— Спасибо, что подбросили, — сказала девушка шоферу. — И за чай. И за сигарету.

Она вылезла из машины и прошла следом за полицейским через калитку на территорию авиабазы. Прежде ей не доводилось бывать в Нортхолте, но он был очень похож на Бенсон: тот же ветер, постоянно гуляющий на просторе, тот же сладковатый и всюду проникающий запах бензина, та же безликость казенных приземистых построек, то же ощущение временного, ставшего постоянным.

Тот же оглушительный рокот взлетающих и садящихся «спитфайров».

После болтливого водителя-кокни полицейский, к счастью, оказался молчуном. Он провел Кей вокруг административного квартала, мимо цветочных клумб, отгороженных побеленным

бордюром от гаревой дорожки, через узкую дверь и дальше по темному коридору в комнату ожидания с деревянными стульями у голых стен и окном в металлической раме рядом с выходящей на бетонку дверью. Техники заправляли большой двухмоторный самолет. Девушка узнала его — видела на картах распознавания в Медменхеме: «дакота». В отдалении стояли, построившись в линейку, около дюжины «спитфайров».

Кей стояла у окна, наблюдая за приготовлениями. Появился штабной «Моррис–8», окрашенный в сдержанные серо-голубые цвета Королевских ВВС, проехал по краю бетонки и остановился перед самолетом. Из задней дверцы вылез похожий на банковского служащего винг-коммандер Ноузли. Он поглядел на «дакоту» и нервно оправил китель. С другой стороны из машины вышла высокая, худая женщина средних лет в форме ЖВС. Две полоски на рукаве — флайт-офицер, на один чин старше Кей. Водитель принялся выгружать из багажника дощатые ящики и пару продолговатых рулонов, похожих на свернутые карты. За «моррисом» со скрипом тормозов остановился автобус. Из него вывалилась краснощекая сержант ВААФ, а за ней с полдюжины товарок, оживленных девиц лет двадцати, с чемоданами. Потом

стали выходить секционные офицеры, их Кей насчитала семь. Она с беспокойством разглядывала этих людей. Ей всегда бывало трудно налаживать отношения в компаниях, особенно в тех, что еще не сформировались. Что-то в развеселом поведении вновь прибывших напомнило ей школьную команду по лакроссу на выездном матче.

Она взяла свой саквояж и вышла на бетонку. Никто не удостоил ее вниманием. Девушки из ЖВС уже садились в самолет. Худая женщина с погонами флайт-офицера руководила группой обслуги, грузившей ящики в хвостовой отсек. Ноузли стоял спиной к Кей и разговаривал с пилотом. Она подождала, пока беседа закончится.

— Винг-коммандер, сэр!

Ноузли обернулся и недоуменно воззрился на нее через толстые линзы.

Кей взяла под козырек:

— Секционный офицер Кейтон-Уолш, сэр.

— Ах да. — Выражение его лица изменилось. — Вы были в Министерстве авиации. — Он отдал честь и обратился к флайт-офицеру: — Сайсли! Это наш новобранец.

Женщина, раздосадованная тем, что ее прервали, подошла ближе. Ее брови сдвинулись. Кей снова козырнула. У офицера было суровое, умное

лицо — сразу видно человека без чувства юмора.

— Флайт-офицер Ситуэлл — наш научный наблюдатель, — сообщил Ноузли. — А это секционный офицер Кейтон-Уолш из Медменхема.

Женщина окинула ее скептическим взглядом:

— Медменхем? Со счетной линейкой, стало быть, знакомы?

— Так точно, мэм.

— Таблицы логарифмов?

— Да.

— В математике соображаете?

— Немного, мэм.

— Про Эйлера слышали?

— Нет, мэм. — Девушка сразу пожалела о вылетевшем ответе.

— Якоби? Лежандр?[10]

Кей помотала головой.

— Теорема баллистической кривой?

— Нет.

— Да вы ничего не знаете! — Ситуэлл вздохнула. — Ладно, вряд ли вы намного хуже остальных. Поднимайтесь на борт.

— Да, мэм. Спасибо. — Кей приложила ладонь

---

[10] Примечания: 10

Леонард Эйлер (1707–1783), *Адриен Мари Лежандр* (1752–1833), *Карл Густав Якоби* (1804–1851) — выдающиеся ученые, основатели высшей математики.

к фуражке.

Дверь располагалась сразу за крылом. Чувствуя себя слегка униженной, Кей поднялась по трапу и, пригнув голову, нырнула в сумрачный, людный салон. Десять мест по каждому борту, лицом друг к другу. Почти все сиденья заняты девушками из ЖВС. Была еще пара офицеров сухопутных войск. Сквозь квадратные иллюминаторы проникал бледный утренний свет. Багаж пассажиры ставили в ноги. Кей осторожно пробиралась серединой прохода, пока не заметила пустое местечко ближе к носу.

— Не возражаете?

— Нет, мэм.

Сержант из ВААФ неохотно подвинулась, ровно настолько, чтобы Кей смогла протиснуться на сиденье, и подчеркнуто отвернулась. Кей оглядела соседок с приветливой улыбкой. Все они, офицеры и сержанты, избегали встречаться с ней взглядом. Она явно не пришлась ко двору, даже еще до знакомства. Ну и черт с ними, подумалось ей. И с той сушеной воблой, что ими командует.

Кей вытянула половинки ремня безопасности из-под девушек, сидевших обочь нее, и защелкнула замок.

В салон, пригибаясь, поднялась флайт-офицер

Ситуэлл. За ней следовал винг-коммандер. Оба заняли места в хвосте. Техник убрал трап и закрыл дверь. Закашляли, оживая, моторы, пропеллеры замолотили воздух. Гул вскоре перешел в рев, самолет вздрогнул и начал выруливать со стоянки на взлетную полосу.

Было слишком шумно, чтобы разговаривать. Все смотрели прямо перед собой. Кей ощутимо нервничала. Процент неудачных завершений подобных полетов был высок. Всегда существовала вероятность, даже на этом этапе войны, встретиться с бродячим истребителем люфтваффе. Девушка из ВААФ напротив шевелила губами; Кей поняла, что она молится, и, смутившись, повернулась к иллюминатору. Страх сдавливал грудь, и Кей попыталась сосредоточиться на взлете. Так вот как это происходит: пауза в конце разбега, внезапный рывок, от которого тебя качнуло, а в следующий миг под крылом уже мелькают дома и деревья. Затем полет словно замедлился, земля пошла вниз, и желудок вместе с ней. Беря курс на восток, «дакота» тряслась и дребезжала. Взгляд выхватил поток машин на Вестерн-авеню, красные кровли, и как-то слишком быстро начались облака, закрыв видимость.

Похоже, самолет поднимался более круто, чем

хватало мощности двигателям. Салон содрогался и трещал. Молившаяся девушка заплакала. Кей вцепилась в сиденье. Впечатление было такое, будто они находятся в пытающейся всплыть подводной лодке.

После того, что показалось вечностью, но длилось, наверное, лишь две или три минуты, самолет вырвался из толщи облаков, и салон заполнился солнечным светом. «Дакота» выровнялась. Ярдах в трехстах Кей увидела «спитфайр», он летел тем же курсом и на той же высоте. Через иллюминатор в противоположном борту она разглядела второй истребитель. Значит, транспортнику дали сопровождение. Или на борту кто-то важный, кого она не узнала, или это забота об отряде ЖВС.

Когда все увидели «спитфайры», напряжение спало. Девушка напротив перестала плакать. Кей расстегнула ремень, наклонилась и подала соседке найденный в кармане платок. Та благодарно посмотрела на нее:

— Спасибо, мэм. — Она вытерла глаза и протянула платок обратно.

— Оставьте себе. — Кей махнула рукой. — Кстати, меня зовут Кей Кейтон-Уолш.

— Ада Рэмшоу, мэм.

— Где служили раньше?

— Центр сбора и обработки данных, Стэнмор. Вам известно, мэм, куда нас везут?

— В Бельгию, как я поняла.

«Дакоту» тряхнуло, Кей подпрыгнула на сиденье. Она снова застегнула ремень. Следующие пятнадцать минут их болтало, как на ярмарочной карусели. Сидевшего через пару девушек справа от нее солдата стошнило на багаж, и запах быстро распространился по салону. Кей замутило. Она зажала ладонью нос и снова уставилась в иллюминатор. Облака расстилались внизу, точно пенящееся море. Пересечено уже побережье Англии или нет? Перед умственным взором возникла карта в Медменхеме. Прямой маршрут в Бельгию пролегает чуть севернее Дувра, через Северное море к Остенде. Сколько это получается? Миль полтораста? Какая у «дакоты» крейсерская скорость? Двести миль в час или около того? Полет не займет много времени.

Минут через пятнадцать давление в ушах подсказало, что они снижаются. Взгляд привлекло какое-то движение. Нечто похожее на тонкий белый фонтан поднималось с ошеломительной скоростью на большом отдалении и под углом сорок пять градусов. По мере подъема тянущийся за

неизвестным объектом белый шлейф ширился, а в нескольких местах он расплывался, подхваченный перекрестными ветрами, и превращался в закрученное спиралью узкое облако. Кей смотрела несколько секунд как загипнотизированная, потом стала тормошить за плечо сидевшую слева недружелюбную особу:

— Поглядите! Это то, что я думаю?

Сержант повернулась и проследила за ее взглядом.

— Господи! Это же чертова ракета! Девочки, там «Фау-два»!

Все пассажиры по левому борту «дакоты» припали к иллюминаторам. Сидевшие справа сорвались с мест и стали проталкиваться, чтобы увидеть. Самолет качнуло, женщины повалились друг на друга. Открылась дверь пилотской кабины.

— По местам, чтоб вас! — раздался мужской голос. — Расцентровали самолет!

Когда все вернулись на свои сиденья, Кей изогнулась и вывернула шею, чтобы взглянуть еще раз, но летевшая в Лондон «Фау–2» уже скрылась из виду.

Глава 9

Граф стоял в узкой траншее в лесу под Схевенингеном, внимательно глядя в небо. Прошло больше минуты с того момента, как «Фау–2» скрылась в облаках. Во время запуска реактивная струя вела себя нормально, маневр наклона до сорока семи градусов на четвертой секунде полета тоже был выполнен безупречно. Тем не менее инженер продолжал держать полевой бинокль направленным в ту сторону, откуда доносился низкий гул. Вокруг солдаты из огневого взвода все еще сидели на корточках, зажав уши ладонями: после вчерашней катастрофы никто не хотел рисковать. Наконец Граф опустил бинокль.

— Ушла, — объявил он, стараясь скрыть облегчение. — Опасности нет.

Солдаты потихоньку распрямлялись. По наблюдениям Графа, в полк попадали два типа людей. Парни постарше, закаленные ветераны Восточного фронта, повидали столько смертей, что командировку в оккупированную Голландию считали честно заслуженным отпуском. Чего им больше всего хотелось, так это пережить войну.

Юнцы, только что из учебки, идеологически были настроены на борьбу, но и, как правило, пугливы. Если судить по обилию красных глаз и болезненно-бледных лиц у представителей обеих групп, немало денатурированного было слито ночью из топливных резервуаров и выпито в казармах. Граф не брался судить, как относятся к нему ракетчики: впечатлены его уверенностью, считают любителем покрасоваться или просто недолюбливают, как одного из ученых, снабдивших их таким ненадежным и опасным оружием. Возможно и то, и другое, и третье.

Он выбрался из траншеи. После грохота ракетного старта уши заложило, словно в них напихали ваты. Инженер не сразу понял, что его зовут. Сперва не удавалось увидеть кто. Потом он заметил голову лейтенанта Зайделя, торчащую из люка машины управления пуском. Командир батареи махал рукой:

— Граф!

— Что?

Офицер поднес сложенные рупором ладони ко рту и прокричал нечто неразборчивое. Граф развел руками:

— Не слышу.

Зайдель указывал пальцем на землю под нога-

ми инженера. Похоже, просил не уходить. Голова лейтенанта скрылась.

Граф переминался с ноги на ногу и дул на ладони. Очередное ноябрьское утро, на этот раз без дождя, слава богу, зато морозное. Лес покрыт инеем, только на месте запуска тот растаял. Инженер посмотрел туда и отвел взгляд. Перед глазами до сих пор лежало то, что осталось от семьдесят шестой площадки: воронка шестиметрового диаметра, прогоревшая насквозь машина управления, человеческие останки и обрывки обмундирования, свисающие с изломанных еловых ветвей уродливыми рождественскими игрушками. Двенадцать человек — половина огневого взвода — погибли или пропали без вести. Граф оставался на месте катастрофы, пока не унесли последних раненых. Вернувшись наконец в гостиничный номер, долго не мог уснуть, а когда уснул, ему приснился Вамке в Куммерсдорфе, в белом лабораторном халате, с сигаретой в зубах. Вот Вамке с улыбкой поворачивается, чтобы поднести банку с горящим керосином к струе перекиси водорода. И вот Граф бежит в панике среди деревьев, а взорвавшийся испытательный стенд с обугленными телами и кошмарная сцена в лесу сливаются в единое целое.

Он проснулся и обнаружил, что пальцы сведены судорогой — с такой силой они вцепились в одеяло.

Зайдель шел к нему через кусты, крутя руками, чтобы размять мышцы, затекшие в тесной кабине бронетранспортера.

— Доброе утро, Граф. — Лейтенант не практиковал такой чепухи, как нацистское приветствие. — Поспали?

— Немного. А вы?

— Я? Я всегда хорошо сплю. Вы в курсе, что старина Шток умер сегодня утром?

— Этого я не знал. Когда его уносили, он еще дышал. — Картина всплыла в памяти, и Граф на мгновение закрыл глаза.

— Ну так теперь он мертв, бедолага. Отмучился. Его батарею переформируют. Хубер созывает совещание в штабе. Вам предложено присутствовать.

— Предложено?

— Приказано, если так понятнее.

— Для чего?

— Видимо, желают выяснить, что пошло не так.

— Что пошло не так? — повторил Граф. — Все пошло не так, начиная с его настойчивого жела-

ния запустить двенадцать ракет за один день!

— В таком случае, дорогой Граф, вы будете иметь удовольствие сообщить ему об этом. А прямо сейчас он хочет, чтобы мы осмотрели место катастрофы на предмет улик. Пойдемте, я вас подвезу.

Едва они отъехали от места старта, Граф вытащил пачку сигарет и предложил сигарету Зайделю. Тот сразу согласился. Они остановились, Граф дал прикурить. Табак был дрянной, эрзац — все равно что опилки курить. Инженер сделал затяжку и сосредоточил взгляд на тлеющем кончике. Снова посещать сцену трагедии не очень-то хотелось.

— Какого рода улики мы, по мнению полковника, должны там найти?

Зайдель сочувственно посмотрел на него:

— Никакого. Ему предстоит докладывать Каммлеру, и он просто хочет прикрыть свою задницу.

Каммлер был генералом СС, ответственным за ракетные удары, — психом, по общему мнению.

Граф невольно рассмеялся:

— Ну и циник вы, Зайдель!

— Это профессиональное — я до войны был адвокатом.

Пять минут спустя они сидели в маленьком

«кюбельвагене» Зайделя, с брезентовой крышей и жесткими, как табуретка, сиденьями, и, подпрыгивая на кочках, катили в сторону Вассенара. Короткий отрезок плоских серых дюн вскоре сменился лесом. В отличие от дебрей близ Схевенингена, здешняя местность пестрела нарядными домами. Богатых владельцев выселили года два назад, создавая трехкилометровую зону безопасности вдоль побережья. Зайдель сбросил скорость и свернул налево, к морю. Они остановились у поста, показали документы и поехали дальше. По обе стороны за высокими чугунными воротами виднелись гравийные дорожки, прятавшиеся накануне ночью во тьме.

Путь лежал через заросшие лужайки, по ворохам неубранных листьев, к виллам с крутыми крышами. Иные были огромными, как дворцы. Граф заметил, что все выглядят заброшенными, кроме одного, где у крыльца был припаркован штабной автомобиль.

— Что тут? — поинтересовался он.

Зайдель притормозил и посмотрел через плечо Графа на открытые ворота.

— Бордель.

— Что?! Вы шутите? Я думал, бордель в Схевенингене.

— Не суйтесь туда, ни в коем случае! Рассадник сифилиса для нижних чинов. А этот — офицерский.

Лейтенант снова нажал на газ. За последним домом начиналась полоса открытой местности, похожая на довоенное поле для гольфа, а затем дорога перешла в тропу, петляющую среди охотничьих угодий. Здесь ощущалось то, что Граф запомнил с прошлой ночи, — дикость. Показался знак «Запретная зона! Стреляем без предупреждения!». Шлагбаум поперек дороги был поднят, часовые отсутствовали.

Оказавшись в окружении деревьев, Граф ожидал увидеть признаки активности: работу спасательных команд, расчистку, — но стартовая площадка оказалась безлюдной. В ее центре стояли опаленные деревья, с голыми, без хвои, ветками. Грунт был перепахан, торчали корни. Горелые пни выглядели так, будто побывали под артобстрелом. Зрелище напомнило ему фотографии с Западного фронта Первой мировой. Зайдель остановил машину на дороге и заглушил двигатель. Тишина была полная, не нарушаемая обычным воробьиным чириканьем или глухим воркованьем вяхирей.

Они вышли из машины и направились к стар-

товой площадке. При каждом шаге в воздух поднималось облачко пепла. Едко пахло гарью и отработанным топливом. Повсюду валялись обломки «Фау–2»: почерневшие клочья фюзеляжа, фрагменты трубок, двигателя, топливных баков, турбонасоса, сопел. Осколок стреловидного стабилизатора вонзился в ствол дерева. Сам пусковой стол оплавился и покоробился. Бронированная громада машины управления пуском, опрокинутая взрывом боеголовки и сгоревшая затем в пожаре, смахивала на гигантского жука-оленя, перевернутого на спину.

— Господи! — проговорил Зайдель. — Что тут произошло? Вы видели?

— Только издалека, — ответил Граф. — Мне повезло.

Он старался фокусировать взгляд на крупных объектах, избегая мелких. Воображение подсказывало, какие жуткие картины можно увидеть, если вглядываться более тщательно.

— Ракета едва-едва поднялась над деревьями, а потом как будто потеряла тягу. При падении топливные баки взорвались, а миг спустя сдетонировала боеголовка. Вон там, я покажу.

Когда они подошли к краю воронки, Граф сунул руку в карман, другой зажал нос и рот. И

уставился на мешанину из земли, корней и металлических обломков. Кое-где от все еще не погасшего под землей огня поднимался дым.

Зайдель покачал головой:

— Ну и кошмарную же штуковину, Граф, вы с парнями создали.

— Знаю. К сожалению, нам не хватило времени, чтобы сделать ее более надежной.

Сколько неудачных запусков было в Пенемюнде? Он сбился со счета. Но там наблюдатели, как правило, находились на безопасной километровой дистанции и у ракет не было боеголовок. Мог загореться двигатель, и тогда ракета, даже взлетевшая, опрокидывалась. Сходили с ума гироскопы, и она кувыркалась в воздухе, как цирковая булава. Иногда «Фау–2» выравнивалась и исчезала над Балтикой, направляясь бог знает куда. Бывало, вдалеке в небе алой хризантемой расцветал взрыв. Или аппарат выписывал петлю и падал на лес или в море. А мог пролететь несколько десятков метров вверх строго по прямой, даже если при этом стыдливо клонился набок. Или лопалась обшивка и топливо вырывалось огненными струями, прежде чем происходила детонация. Иные ракеты валились, как девица в обморок. А подчас они даже не отрывались от

стартового стола, взрывались, уничтожая вместе с собой испытательный стенд. О да, Граф был знатоком по части неудачных запусков.

— Ну? — спросил Зайдель. — Есть соображения?

Граф пожал плечами:

— Вам сколько назвать? Некачественный сварной шов. Замерзший клапан. Сбой двигателя. Короткое замыкание в одном из отсеков. А может, виноват резкий порыв ветра или перо стабилизатора зацепилось за ветку. Но скорее всего, подвел радиоконтроль и команда не смогла своевременно выключить двигатель.

В более разумное время или в более здравомыслящей стране проект был бы закрыт или по крайней мере приостановлен до устранения технических проблем. Но фон Браун, надеясь привлечь финансирование, раздавал слишком щедрые обещания; им верили, и благодаря его неукротимому оптимизму Пенемюнде стремительно разрастался. На второй год войны, вдобавок к испытательным стендам, конторам, мастерским и аэродинамическим трубам, возник огромный цех для массового производства ракет. Первый из трех запланированных. На его территории свободно разместились бы два футбольных

поля. Одно лишь его строительство потребовало тысяч рабочих рук. Для инженеров и их семей вырос целый город, со школой и кинотеатром. Даже проложили современный С-бан[11], как в Берлине, чтобы перевозить персонал. И все это ради ракеты, которой еще только предстояло взлететь.

— Давайте вы пойдете в ту сторону, а я в эту, — предложил Зайдель. — Так мы сможем поскорее свалить отсюда и сказать, что осмотрели все место аварии.

Он углубился в лес. Граф еще несколько секунд вглядывался в дымящуюся яму. Все равно что в кратер вулкана смотреть, подумалось ему. Рукотворный Везувий. Он повернулся и стал бродить среди почерневших деревьев. Нашел одну неповрежденную деталь. Она была длиной с его предплечье и имела форму лопасти весла — блестящая, как металл, но на удивление легкая. Один из графитовых рулей, управлявших реактивной струей. Его применение означало технологический прорыв. Инженер повертел деталь в руках, глядя на нее с любовью. Прежде чем додуматься до графита, конструкторы подставляли под ре-

---

[11] Примечания: 11

С-бан (*нем.* S-Bahn) — городская железная дорога в Германии.

активную струю лопасти из сплава вольфрама и молибдена — тупиковый вариант.

Граф хорошо помнил день, когда ракета совершила наконец идеальный полет. Это было в октябре 1942 года. Суббота, четыре часа дня. Прозрачно-синее балтийское небо. Предыдущие два пробных полета — в июне и августе — закончились унизительным провалом на глазах у толпы важных персон. Не было бы преувеличением сказать: сорвись и третий испытательный полет, вся программа могла быть свернута.

Он вместе с фон Брауном и группой инженеров и армейских офицеров стоял на крыше сборочного цеха, в двух километрах от стартовой площадки, и смотрел в бинокль на ракету, сверкающую на фоне моря в лучах не по сезону жаркого солнца. По телевизионному кабелю велась трансляция на монитор. Громкоговорители разносили над всем Пенемюнде обратный отсчет. За пуском наблюдали тысячи людей. Был странный временной лаг между тем, что они видели сквозь туманную дымку в полевые бинокли, и тем, что показывал мигающий черно-белый экран. Яркая вспышка зажигания, затем докатившийся глухой грохот. Томительное ожидание — и ракета приходит в движение.

Доплеровское искажение сигнала в громкоговорителях достигло пика, когда ракета пошла на взлет. Бесстрастный голос отсчитывал каждую секунду продвижения. На четвертой секунде она наклонилась, на двадцать пятой преодолела звуковой барьер, и Граф затаил дыхание. Однако ракета не распалась на части под давлением воздуха, как предсказывали многие специалисты по аэродинамике. На сороковой секунде в синем небе появился белый хвост, и на миг показалось, что вот-вот произойдет взрыв. Но это был всего лишь инверсионный след, уже разносимый ветром. Ракета продолжала полет: крошечная яркая точка на белом древке копья из пара. Когда она умчалась в космическую высь, доплеровский сигнал ослабел.

Как только смысл произошедшего стал ясен, вокруг грянули радостные крики и аплодисменты. Фон Браун повернулся к Графу, сдавил локоть. Глаза у него были синие, как балтийское небо, неестественно расширенные, блестящие от влаги. Глаза провидца. Глаза фанатика.

— Мы это сделали!

Тем вечером Дорнбергер устроил для ведущих конструкторов праздничный ужин. Все сильно напились. Дорнбергер произнес напыщенную

речь, которую потом распечатал и раздал им заодно с меню — очень предусмотрительно, поскольку никто не помнил, что он говорил. У Графа сохранился экземпляр. Текст он выучил наизусть.

«Изложенные ниже моменты имеют определяющее значение в истории техники. Мы вторглись нашей ракетой в космос и впервые — обратите на это внимание — воспользовались им как мостом, соединяющим две точки на земной поверхности. Мы доказали на практике возможность применения реактивного двигателя для космических полетов. Бескрайние внеземные пространства добавились к суше, морю и воздуху в качестве будущих путей межконтинентальных сообщений. Этот день, третье октября 1942 года, открывает новую эру транспорта — эру космических путешествий».

Эта речь показала, насколько сильно Дорнбергер — серьезный, амбициозный артиллерист, мечтавший поначалу только о создании улучшенной версии «Парижской пушки», подпал под влияние фон Брауна. Даже Гитлер поддался. Фон Браун и Дорнбергер полетели в Восточную Пруссию, в ставку фюрера, захватив с собой тридцатипятимиллиметровую кинопленку с

фильмом об испытаниях, папку с чертежами и ящик с деревянными моделями: самой ракеты, пусковых машин и бункера, который военные предложили построить на побережье Ла-Манша. Именно так они в то время представляли себе применение ракет против англичан. Дело было вскоре после сталинградской катастрофы, и Гитлер метался в поисках чего угодно, достаточно мощного и революционного, чтобы переломить ход войны в пользу Германии. В такой ситуации несколько тысяч новых самолетов или танков не составляли существенной разницы. Пробил час ракет.

— Ты сильно волновался? — спросил потом Граф фон Брауна.

— Ничуть! Мы приземлились посреди обширного лесного массива, нас отвезли в его резиденцию — невероятные меры безопасности, ты никогда таких не видел. Зоны внутри зон. И посреди этого кинотеатр, очень комфортабельный, с рядами сидений. Мы расставили модели на столе, ленту зарядили в проектор и стали ждать его прихода. Ждем и ждем, час за часом. Наконец кто-то выкрикнул: «Фюрер!», и он вошел вместе с Кейтелем, Йодлем, Шпеером и толпой адъютантов. Должен сказать, выглядел он весьма скверно:

сгорбленный, бледный как полотно, левая рука будто собственной жизнью живет — когда сел, вынужден был держать ее за кисть другой рукой, чтобы не тряслась. Гитлер расположился в первом ряду, между Кейтелем и Шпеером, а я встал перед экраном и сказал: «Мой фюрер, с вашего позволения мы доложим вам о прогрессе в работе над „Ваффен прюфен — одиннадцать!“ Затем я щелкнул пальцами, лампы погасли и начался фильм. Я давал пояснения к каждому эпизоду и видел, как он сдвигается на сиденье все вперед и вперед. И когда ракета взлетела, глаза у него округлились, а челюсть отвисла.

Фильм кончился, загорелся свет. Он сидел довольно долго, глядя на пустой экран, — размышлял. Никто не решался нарушить тишину. Потом фюрер встал и сказал, дословно: «Господа, благодарю вас. Будь у нас такие ракеты в тридцать девятом, этой войны не случилось бы. Никто не посмел бы сопротивляться нам. Отныне Европа и весь мир слишком малы, чтобы вести войну. Человечество ничего не сможет противопоставить этому оружию». Затем он прямо на месте сделал меня профессором.

— Поздравляю. И что теперь?

— Теперь? — Впервые фон Браун как-то сник. —

Теперь он хочет, чтобы мы построили десять тысяч таких ракет.

— Граф! — раздался где-то среди деревьев крик Зайделя. — Вы закончили? Можем уезжать?

— Иду!

Рулевая лопасть была изготовлена виртуозно, настоящий предмет искусства. Граф провел пальцами по гладкой поверхности, ощущая выточенные желобки, помогавшие распределять поток сгорающих газов. На коже осталась липкая черная копоть, образовавшаяся при взрыве. Во внезапном приступе брезгливости инженер повернулся спиной к кратеру и зашвырнул находку в обугленные кусты.

Человек, пригнувшись к земле, наблюдал за ним.

Граф слишком перепугался, чтобы сдвинуться с места. Человек тоже не шевелился: субтильный, низкорослый, он находился в трех шагах, частично скрытый деревом. Из-под темно-синей кепки рабочего на инженера с мертвенно-бледного лица смотрела пара глаз.

Прошло несколько секунд, прежде чем мозг Графа переварил все эти детали. Кто-то выживший из огневого взвода, случайно забытый здесь в шоковом состоянии? А может, вообще призрак?

Но он же не верит в призраков. Волосы на затылке встали дыбом. Инженер сделал полшага вперед, и призрак исчез: дернувшись за деревом, он развернулся и побежал. Ну, значит, не призрак.

— Зайдель! Тут кто-то есть! — выкрикнул Граф и бросился в погоню.

Неизвестный оказался проворным, но ему не хватало сил пробираться через кусты, и Граф, устремившись напролом, вскоре достаточно приблизился, чтобы схватить его за куртку. В первый раз он промахнулся, но потом уцепился за воротник и дернул, повалил на землю и уселся сверху, прижав коленями руки пойманного, как в детской игре. И понял, что корчащийся под ним и есть ребенок — подросток с маленьким острым личиком. Но, сорвав с его головы кепку и увидев копну густых светлых волос, сообразил, что сидит на девушке лет восемнадцати-двадцати. Граф протянул руку, чтобы откинуть прядь и получше рассмотреть лицо. Девчонка извернулась и укусила его за большой палец. Инженер выругался и отдернул руку.

— Граф! Вы где? — Судя по звуку, Зайдель был еще довольно далеко.

Услышав голос еще одного человека, пленница задергалась в тщетной попытке вырваться, по-

том сдалась и затихла. Она смотрела Графу прямо в глаза, со страхом и отчаянным вызовом, как пойманный в капкан зверь.

— Граф! — снова раздался возглас лейтенанта, уже ближе. — Вы живы? Я бегу!

Он выстрелил из пистолета. Треск раскатился по лесу.

Граф оглянулся через плечо на этот звук, где стреляли, потом опустил глаза на девушку. Как поступить? Если дождаться Зайделя, тот обязан будет передать ее эсэсовцам. Это наверняка расстрел. А она еще почти ребенок. Нет, так не годится. Инженер перенес вес на одну ногу, потом на другую, встал и осторожно переступил через нее. Она не пошевелилась. Может, спятила? Или он ее покалечил? Граф мотнул головой и прошипел:

— Уходи!

Девушка вскочила и, не сказав ни слова, скрылась среди деревьев.

— Граф!

— Все в порядке! Стойте на месте, я иду!

Он побежал обратно через кусты. Лейтенант стоял у края воронки: пистолет на изготовку, лицо встревоженное.

— Что, черт возьми, происходит? Вы почему

кричали? — Зайдель глядел поверх плеча Графа, словно ожидая увидеть кого-то идущего за ним.

— Там никого нет — мне просто показалось. Извините. Это место действует на нервы.

— Я слышал, вы бежали.

— Гонялся за тенью.

Зайдель разглядывал его. Только сейчас Граф сообразил, что пальто облеплено спереди листвой и грязью. Он отряхнулся. Ладонь слегка кровоточила после укуса. Похоже, требовалось какое-то объяснение.

— Я упал.

— Упали? — По тону и вскинутой брови было понятно, что командир батареи не поверил. Но, чуть помедлив, лейтенант сунул пистолет в кобуру. — Нам пора идти.

Глава 10

«Дакота» быстро снижалась, и волны турбулентности трясли ее с такой силой, что Кей замечала, как изгибается фюзеляж. Не требовалось богатого воображения, чтобы представить, как самолет разваливается на части. За последние пять минут еще двое пассажиров извергли из себя завтрак. В неотапливаемом салоне запах был липким, повсеместным и заразительным: ей самой с трудом удавалось подавлять рвотные позывы, когда транспортник проваливался в воздушную яму и ремень безопасности врезался в живот.

Она заставляла себя смотреть через иллюминатор напротив на грязно-белую пелену облаков. Дождевая вода струилась по стеклу, будто оно обливалось потом. Кей вцепилась в металлический каркас сиденья. С последним головокружительным рывком, напомнившим ей поездку на скоростном лифте, «дакота» вынырнула из толщи облаков. Цвет за иллюминатором резко поменялся с белого на серый. Кей повернулась и посмотрела в ближний иллюминатор. Само-

лет низко летел над городом. Девушка видела улицы и дома с красными крышами; вдалеке несколько высоких церковных шпилей, а еще дальше широкая судоходная река с причалами и портовыми кранами, похожими на большие ключи с длинной шейкой и маленькой головкой. Этот ландшафт был памятен ей по снимкам, изученным в Медменхеме, поэтому, когда сидевшая рядом сержант спросила, где они, у Кей имелся ответ:

— Гент.

Кей ожидала, что они приземлятся на аэродроме вроде Нортхолта, и, пока самолет снижался, высматривала что-то подобное и только в последний момент поняла: садится они будут просто на поле. Под крылом пугающе близко проносились деревья, и Кей приготовилась к столкновению. Самолет коснулся земли, подскочил, затем коснулся еще дважды, после чего стремительно покатился по неровному грунту. Но вот он резко затормозил, и пассажиров бросило вперед. Двигатели смолкли.

— Проклятье! — процедил один из армейских офицеров. — Это было чертовски паршиво.

Кей рассмеялась вместе с остальными.

Никогда еще она не радовалась прибытию

в место назначения так, как в это ноябрьское утро, когда, с саквояжем в руке, прошла через весь фюзеляж и спустилась из вонючего салона на сырую траву. Военный аэродром был оборудован очень скромно: несколько больших палаток, заправщик, два грузовика, штабная машина и полдюжины джипов; у одного в заднем отсеке пулемет на турели. Но именно эта примитивность завораживала. Кей прошлась немного, глубоко дыша свежим воздухом и вдавливая каблуки в размякший грунт. Так вот она, Бельгия, — страна, находившаяся во вражеской оккупации еще каких-то три месяца назад. Вот ради чего все это затевалось. Вот настоящая война. То обстоятельство, что остальные женщины из ЖВС подчеркнуто не замечали Кей, ничуть ее не удручало.

Одна из секционных офицеров хлопнула в ладоши, привлекая внимание:

— Эй, слушайте меня. Как видите, транспорт нас ждет. Сержанты едут в грузовике. — (Объявление было встречено парой добродушных стонов.) — Простите, девочки. Офицеры — вам предстоит путешествовать на джипах.

Кей подхватила саквояж. Офицеры разделились на тройки: два на заднем сиденье и один

впереди рядом с водителем. Ей не хотелось ехать с винг-коммандером или флайт-офицером Ситуэлл, поэтому она затесалась в хвост очереди, ожидая тех, кто сжалится над ней. Наконец от остальных отделились две девушки и подошли: одна высокая блондинка, пухлая и симпатичная, с широким открытым лицом, другая худощавая, пониже ростом, темноволосая.

Блондинка протянула руку:

— Привет. Меня зовут Джоан Томас.

— Кей Кейтон-Уолш.

— А это Луи Робинсон.

Когда закончилась процедура знакомства, Джоан спросила:

— Спереди или сзади?

— Как хотите.

— Давай мы сядем сзади, а ты впереди?

Обе соседки забрались со своими чемоданами в джип. Кей села впереди. Места было мало — пришлось повернуть в сторону колени и прижать саквояж к груди.

— Дамы. — Шофер дружелюбно кивнул.

— Для вас — офицеры, рядовой.

— Извините, мэм.

Джип с пулеметной турелью проехал мимо них и занял место во главе колонны.

— У нас вооруженный эскорт? — спросила Кей.

— Тут кое-где еще немцы шмыгают, — объяснил водитель, запуская двигатель. — Так что глядите в оба.

Колонна тронулась. Кей видела бледные лица пары сержантов, выглядывавших из сумрака крытого брезентом грузовика. Она им не завидовала. Впрочем, и в джипе было ненамного удобнее. Над головой тонкий брезентовый тент, окна отсутствуют. Девушка запахнула полы шинели, спасая колени от холода. Джип протрясся по аэродрому, выехал на проселок, потом свернул налево, на шоссе.

Задние сиденья располагались выше передних. Джоан наклонилась и прокричала в ухо:

— Так откуда ты, Кей?

Чтобы ответить, пришлось запрокинуть голову.

— Медменхем. А вы из Стэнмора, как я понимаю?

— Да, верно. Центр сбора и обработки данных.

— Я себя здесь чувствую слегка чужой.

— О, не говори так! Мы народ очень даже свойский. Правда, Лу?

Лу буркнула что-то в ответ.

— Рада это слышать, — сказала Кей. — Спа-

сибо.

— Всегда пожалуйста. — Джоан с довольным видом откинулась на сиденье.

В зеркале заднего вида Кей видела, что девушки держатся за руки. «Так-так», — подумала она и вернула внимание на дорогу.

По обе стороны расстилалась Фландрская равнина, голая, не защищенная лесополосами, как принято в Англии. Они ехали мимо разбросанных ферм и амбаров, мимо большой пустой теплицы, большинство стекол в которой было выбито, вдоль череды безлистных тополей, торчащих из земли, как зубья поломанной расчески. Шоссе пустовало, если не считать какого-нибудь старика на расхлябанном велосипеде. В зимних полях никто не работал, не пасся скот. Простор неба только сильнее подчеркивал депрессивность ландшафта. С горизонта наплывали слоистые черно-белые облака. Заморосил дождь.

Первый городок, в который они въехали, казался совершенно безлюдным. У церкви, рядом с пышным, из позеленевшей бронзы мемориальным ансамблем в память о 1918 годе, стояла группка детей, протягивающих руки, как за подаянием. Мимо, не тормозя, проносились военные автомобили. Оптимизм осени, когда освобожден-

ные гражданские забрасывали британские танки цветами, похоже, давно угас. Разбитые бомбами и снарядами дома стояли без крыш под серым небом. Витрины магазинов были пусты.

«Господи, — подумала Кей потрясенно. — Люди тут голодают».

Примерно час они ехали на восток. Повсюду виднелись приметы войны: на обочинах стояли танки на транспортерах, стволы зенитных орудий торчали над брустверами из мешков с песком, каменный мост с щербинами от пуль охранялся войсками. В каком-то прихотливом порядке встречались выгоревшие дома. Одно поле было усеяно идеально круглыми воронками, наполненными дождевой водой. Неужели здесь до сих пор встречаются немцы? Это казалось маловероятным — фронт откатился много недель назад. Может, шофер просто травит байки, чтобы попугать девушек?

Около полудня она заметила указатель на Мехелен, и немного спустя колонна въехала в городское предместье, громыхая по узким мощеным улочкам среди домов. В паре окон на верхних этажах были вывешены бельгийские флаги с черной, желтой и красной полосами. Впереди над кровлями возвышались два шпиля,

принадлежащие, видимо, большой церкви.

Грузовик с тянущимся за ним шлейфом из джипов свернул с улицы на низкий мост, переброшенный через широкий канал. В отдалении, на просторном лугу, спускающемся к воде, стояли за забором из колючей проволоки два больших оливково-зеленых фургона с тарелками радаров и радиоантеннами на крыше. Тарелки были направлены в противоположную от приближающихся машин сторону — на Гаагу, предположила Кей. Она повернулась, чтобы поделиться своим предположением, но Джоан и Луи уже заметили радары.

— Джи-Эл-три, — с видом знатока заявила Луи. — Последняя модификация.

На съезде с моста желтый дорожный указатель сообщал, что дорога налево ведет к Антверпену и Синт-Никласу, а направо — на Хейст-оп-ден-Берг, Левен, Брюссель. То, что Кей ошибочно приняла за церковь, оказалось укрепленными средневековыми воротами. Воротные башни, явно уже много позже, увенчали уродливыми шпилями-близнецами, крытыми черной черепицей. Колонна обогнула сооружение, проследовала по широкой живописной улице мимо больших домов с плоскими фасадами и вывесками магази-

нов, и остановилась.

— Мы приехали? — не без удивления спросила Луи с заднего сиденья.

Шофер кивнул:

— Да, мэм. Штаб Тридцать третьего авиакрыла.

Кей представляла, что штаб должен располагаться в каком-нибудь большом поместье вроде Дейнсфилда. Вместо этого перед ними стоял провинциальный дом девятнадцатого века с террасами и кованым балконом — внушительный, но непримечательный. Она выбралась из джипа и сдвинула вперед сиденье, чтобы вышли остальные пассажиры. Ей бросилось в глаза, что грузовик исчез.

— А что с сержантами?

— Их прямо в казармы повезли, — ответил водитель. — Штаб только для офицеров.

Джоан указала на табличку над дверью, где жирными немецкими буквами было начертано: «SOLDATENHEIM»[12].

— Уж это, пожалуй, могли бы и снять! — Она нервно хохотнула.

Девушки из ЖВС начали собираться на мосто-

---

[12] Примечания: 12

«Зольдатенхайм» — термин, которым немцы во время Второй мировой войны обозначали дома развлечений для солдат на оккупированной территории.

вой со своими вещами. Дождь усилился. Мимо прогрохотал старомодный, кремового цвета трамвай: полупустой, лица в окнах с любопытством смотрят на военных. Винг-коммандер Ноузли, уперев руки в бока, разглядывал трехэтажное здание. Пушок на его верхней губе слегка шевелился — как усики у мыши, подумалось Кей. Вид у офицера был унылый, совсем как в Министерстве авиации накануне вечером, — вид человека, пообещавшего больше, чем в силах исполнить, и искренне желающего оказаться сейчас в Северном Лондоне.

Он подошел к парадной двери и позвонил. Ее почти тотчас открыл сержант ВВС.

— Добро пожаловать в Мехелен, сэр. — Сержант отдал честь. — Мы вас ждем.

Кей пропустила других вперед. В полутемном вестибюле сержант сказал:

— Можете оставить вещи под лестницей, мэм. Заберете позже. На втором этаже чай и бутерброды.

Повсюду в глаза бросались следы присутствия прежних хозяев: эстампы с баварскими озерами на стенах вдоль лестницы, на площадке второго этажа выполненные готическим шрифтом

указатели: *Raucherraum, Esszimmer, Bibliothek*[13]. Информационная доска пестрела объявлениями и инструкциями на немецком языке. Сержант перехватил взгляд Кей.

— Не обессудьте, мэм, — проговорил он, срывая бумажки. — Все как-то руки не доходят.

В большом холле с видом на улицу мужчина в форме ВВС разливал чай. На столе у подоконника стояла консервная банка с концентрированным молоком и пара тарелок сэндвичей с рыбным и мясным паштетом. Вкус у тех и у других был одинаковый. Кей с чашкой и блюдцем подошла к окну. На противоположной стороне улицы она увидела армейский грузовик, припаркованный у похожего на банк здания.

— Кей, иди сюда, — окликнула ее Джоан. — Ни к чему жаться по углам, пора познакомиться с остальными.

Она взяла Кей под руку и вывела на середину комнаты. Разговоры стихли, пять пар глаз нацелились на новенькую.

— Это Джойс Хенди… Барбара Колвилл… Глэдис Хеппл… Молли Астор… Флора Дьюар…

Пожимая руки, Кей проговаривала про себя

---

[13] Примечания: 13
Курительная, столовая, библиотека *(нем.).*

имена, старалась связать их с лицами. Все девушки были ее возраста и типа: хорошо образованные англичанки из среднего класса, только у Флоры угадывался шотландский акцент.

— Так это ты из Медменхема? — спросила Барбара.

— Она самая.

— Ты, должно быть, какая-то особенная.

— Это почему же?

— Нам пришлось убрать из списка Эвелин, чтобы взять тебя.

Так вот в чем причина их недружелюбия. Ей не приходило в голову, что кого-то могли вычеркнуть ради нее.

— Жаль слышать об этом. Я не знала.

— Бедняжка жутко расстроилась, — грустно проговорила Флора с абердинским акцентом. — Ей сообщили, что она остается, только когда пришло время садиться в автобус.

— О господи! Вот же не повезло!

— Кей, так ты математик? — поинтересовалась Джойс.

— Нет.

— Тогда, наверное, рассчитывала курс подлетающих вражеских самолетов?

— Увы, не приходилось.

— Значит, твой случай всего лишь показывает, как хорошо иметь друзей в высоких сферах, — заключила Барбара, и по ее губам пробежала кривая, как трещина по стеклу, улыбка.

Барбара была возмутительно красивая, со скулами как у фотомодели.

«Друзей в высоких сферах»… Намек витал в воздухе. Девушки знали — или, по крайней мере, до них дошли слухи. Нужно стоять на своем, подумала Кей, или пиши пропало.

— Знаешь, Барбара, — ты ведь Барбара, верно? — это назначение выглядело так заманчиво: сэндвичи с рыбной пастой в Бельгии, среди зимы. Естественно, я решила подергать за ниточки, чтобы его добиться.

Несколько девушек засмеялись. Молли закатила глаза и негромко произнесла:

— Они были воистину ужасны.

Барбара насупилась:

— Уверена, наши хозяева старались как могли. Не у всех такой взыскательный вкус.

Вошла флайт-офицер Ситуэлл:

— Ну что, процесс знакомства идет?

— Да, мэм, — ответила Кей, продолжая смотреть на Барбару. — Полным ходом.

— Жаль прерывать, но есть работа. Оставьте

вещи где лежат и следуйте за мной.

Девушки поставили чашки на стол. Ситуэлл повела своих подопечных прочь из комнаты, вниз по лестнице, на тротуар и далее через широкую улицу. Они шли цепочкой. Как выводок серых гусей, пришло Кей на ум. Немногочисленные прохожие останавливались и глядели им вслед. Одна пожилая женщина улыбнулась Кей, та улыбнулась в ответ.

Банк, как и дом напротив, был из девятнадцатого века, с фасадом из тяжелого серого камня. На входе стоял часовой. Девушки прошли за летным офицером в фойе и выстроились на полированном паркете перед стойкой кассира. Воздух был затхлый и пыльный. Похоже, этот дом пустовал много лет.

— Закройте дверь. — Флайт-офицер Ситуэлл дождалась, когда исполнится распоряжение. — Итак, впредь каждый раз, приходя сюда, вы будете предъявлять пропуск, так что постарайтесь его не забывать.

Командир подняла секцию стойки из красного дерева и толкнула низкую дверцу. Одно из окон в задней стене было открыто, в него уходил пучок электрических кабелей, проложенных вдоль плинтуса. В отдалении виднелись фурго-

ны мобильных радарных установок. Девушки последовали за Ситуэлл между рядами пустых столов, спустились по лестнице в хранилище. Дверь в большой сейф, обрамленная депозитными ячейками, была открыта. Под низким потолком в тусклом свете хлопотали сержанты: сдвигали столы, организуя центральное рабочее пространство, расставляли лампы «Энглпойз», раскатывали по местам кресла, развешивали карты, устанавливали грифельную доску, раскладывали корзины для бумаг, миллиметровую бумагу, линейки, таблицы логарифмов. Винг-коммандер Ноузли сидел в углу за столом, перед тремя телефонами. Солдаты из Королевского корпуса связи прокладывали кабели вокруг его ног.

— Леди, соберитесь в кружок, — распорядилась флайт-офицер Ситуэлл. Когда все расположились на местах, она продолжила: — Вот здесь вам предстоит работать. Мы будем получать донесения напрямую из центра сбора и обработки данных Одиннадцатой авиагруппы. Установки Джи-Элтри, расставленные отсюда до Ла-Манша, входят в состав недавно сформированного мобильного отряда дальнего обнаружения. МОДО сто пять известит нас, как только будет замечен запуск «Фау–2». Наблюдательный пост, на котором дежу-

рят два офицера, обозначит первые координаты траектории, в точности как мы делаем в Англии. В дополнение к информации от радара будут использоваться резервные данные, поступающие от параболических акустических зеркал, но это следует рассматривать как вторичный, а не как первичный источник. При возникновении сомнений опираемся на показания радара.

Как только Стэнмор даст координаты точки падения, вам надлежит экстраполировать параболическую кривую до точки запуска. Каждый офицер будет работать самостоятельно, после чего сверит свои расчеты с соседкой. В случае расхождений проверяем еще раз, с участием моим или винг-коммандера Ноузли, до тех пор, пока не получим верный результат. Группа Б, в составе двух сержантов, преобразует данные в координаты на карте, которые также будут перепроверены перед тем, как их передадут по радио командованию истребительной авиации.

Наша задача — произвести вычисления в течение шести минут после получения всех данных. Это оптимальное время, за которое наши истребители способны выйти на цель, прежде чем враг успеет полностью демонтировать пусковые установки. Дорога' каждая секунда. Вопросы есть?

Ее угловатый профиль поворачивался, как пулемет на турели, обводя кружок офицеров ВААФ.

Луи Робинсон подняла руку:

— Когда приступаем, мэм?

— В восемь ноль-ноль завтра утром. А пока изучаем, как работает система. Вы будете поделены на четыре смены по два офицера. Каждая пара дежурит шесть часов. По понятным причинам наша авиация способна наносить удар только днем, поэтому приоритет отдается первым двум сменам, но, если попадете в ночные, не отчаивайтесь: по разведданным голландского Сопротивления, немцы возвращаются на стартовые площадки и используют их снова, поэтому вычисленные ночью цели пригодятся для дальнейших атак.

— Где мы будем размещаться в свободное от службы время? — задала вопрос Барбара.

— Боюсь, в штаб-квартире спальных мест нет, хотя вы получите возможность проводить там часы отдыха и столоваться. К тому же по соображениям безопасности вас предпочтительно рассредоточить, а не держать в одном месте. Решен вопрос с вашим расселением по отдельным семьям в городе, в пределах пешей доступности от штаба. Не стану лишний раз говорить о том, что выполняемая вами работа является в высшей

степени секретной. Никому — подчеркиваю, никому не говорите о причинах вашего нахождения в Мехелене. Не забывайте, немцы простояли тут четыре с лишним года, а ушли несколько месяцев назад. Не стоит бездумно полагаться на лояльность местного населения. Будьте бдительны с чужаками, как бы дружелюбно они ни держались, и соблюдайте особую осторожность, пока перемещаетесь между местом работы и вашим жильем. Винг-коммандер, вы хотите что-то добавить?

Ноузли разговаривал по одному из телефонов.

— Алло? Алло? Вы меня слышите? — Он потряс трубкой, сердито глядя на нее. Потом посмотрел на женщин из ВААФ. — Проклятая штуковина! — Офицер с силой опустил трубку на аппарат и вышел из-за стола.

Карты, за погрузкой которых Кей наблюдала в Нортхолте, теперь были прикреплены к большим пробковым доскам, что висели на стене рядом с сейфом. На одной был Лондон и юго-восточный край Англии. Вторая показывала побережье от Остенде до Амстердама, захватывая на юге материковые территории вплоть до Брюсселя. Третья отображала юго-восток Англии и Северное море до голландского берега. Четвертая, круп-

номасштабная, знакомая Кей по Медменхему, заключала в себе Голландию, от Хук-ван-Холланда до Катвейк-он-Зе.

Ноузли взял коробочку с цветными булавками:

— Итак, мы находимся здесь. — Он воткнул красную булавку в Мехелен. — А примерно отсюда взлетают «Фау-два». — Винг-коммандер отметил булавкой Гаагу. — Это приблизительно семьдесят миль. Как видите, мы всего лишь в семнадцати милях к югу от порта Антверпен — единственного, кроме Лондона, города, подвергшегося обстрелу «Фау-два». Обоим досталось примерно равное количество ракет. Пока что наши усилия концентрируются на обстрелах Лондона, но перед нами стоит задача через неделю или две расширить зону, включив в нее пусковые установки, работающие по Антверпену.

Хотя улицы выглядят достаточно мирно, не забывайте, что мы на поле боя. Поэтому и сидим под землей в банковском хранилище; поэтому вас и рассредоточивают по городу в свободное от дежурства время. Это новый вид войны — войны будущего, осмелюсь заявить, — и мы, ведя ее, стараемся осваивать новые методы. Первая ракета упадет на Лондон через пять минут. У вас всего

шесть минут, чтобы остановить вторую. Я хочу, чтобы вы показали все, на что способны. От вас зависит жизнь многих людей. Все ясно? — Он неловко кивнул, как будто смущенный собственной театральностью. — Отлично. Выполняйте.

Офицер с заметным облегчением вернулся к своему столу и молчащим телефонам.

— Итак, внимание, — произнесла Ситуэлл. — Занимайте места.

Кей уселась на один из восьми стульев вокруг сдвинутых воедино столов. На каждом рабочем месте были аккуратно разложены логарифмическая линейка, справочник с таблицами логарифмов, миллиметровая бумага, блокнот и два карандаша. Ситуэлл быстро писала мелом на грифельной доске. Потом отошла, показав написанное:

$y = ax^2 + bx + c$

— Начнем с азов. — Флайт-офицер обвела сидящих взглядом и остановила его на Кей. — Новенькая, что это такое?

У Кей пересохло во рту. Она рискнула высказать догадку:

— Формула расчета параболической кривой, мэм.

— Ну хоть на этом спасибо, — сказала женщи-

на. — Впрочем, нужно быть совсем уж тупой, чтобы не знать эту формулу, учитывая, чем нам здесь предстоит заниматься. — Она снова принялась писать, и движения были такими сильными и резкими, что на пол сыпались крошки мела. — Посмотрим, сумеете ли вы определить… Если уравнение имеет такой вид, — ее рука указала на доску:

$f(x) = 2x^2 + 8x$, —

то каково значение *a*, *b* и *c*?

Ситуэлл снова посмотрела прямо на Кей. Садистский блеск в ее глазах напомнил девушке о сестре Анджеле, монахине, преподававшей ей алгебру в школе и бившую ее линейкой по руке за неправильные ответы. На несколько долгих секунд разум затуманила паника, но затем на выручку пришли годы, проведенные с сестрой Анджелой, и дни и ночи в кабинете Третьего этапа.

— Я сказала бы, что *a* равно двум… *b* равняется восьми… а *c* равняется… — Она поколебалась, потом робко выдавила: — Нулю?

— Мои поздравления. — Флайт-офицер поглядела на нее с долей разочарования. — Вы прошли вступительный экзамен. — Она стерла с доски. — А теперь, леди, позанимаемся немного серьезной

тригонометрией.

Они работали всю вторую половину дня. В течение часа девушки выполняли базовые алгебраические расчеты для построения параболической кривой. Затем флайт-офицер Ситуэлл взяла секундомер и заявила, что им предстоит выполнить тренировочное задание. Она написала мелом вымышленные высоту и скорость полета, как бы взятые с радара, выждала пять минут и ввела координаты места падения ракеты.

— Начали! — Флайт-офицер нажала кнопку секундомера.

Алгоритм вычислений требовал построить кривую с учетом высоты и расстояния, найти ее высшую точку, рассчитать позицию запуска посредством перевода дистанции в мили, а затем наложить исходную точку дуги на крупномасштабную карту и определить координаты. Все это требовало концентрации такого уровня, что у Кей голова шла кругом. Логарифмическая линейка скользила между вспотевших пальцев.

— Шесть минут! — рявкнула флайт-офицер. — Вы уже должны были закончить. — Спустя еще немного: — Десять минут! Ну же, леди! Если вы не пошевелитесь, вонючие германцы успеют улизнуть из леса и будут потягивать пиво у себя

в столовой!

Ситуэлл обошла девушек, пройдя так близко от Кей, что та услышала быстрое тиканье часов. Наконец очкастая Джойс Хенди вскинула руку:

— Готово, мэм!

Флайт-офицер прекратила отсчет.

— Двенадцать минут восемь секунд — бесполезно! — Она склонилась, проверяя расчеты Джойс.

Все девушки распрямились.

Ситуэлл обратилась разом ко всем:

— Не останавливайтесь, дурехи! Считайте, пока не закончите.

Сердито щелкнув кнопкой, она запустила секундомер. Кей снова склонила голову.

В последующие минуты девушки одна за другой заканчивали и поднимали руку. Кей была четвертой. Отдав Ситуэлл лист, она устало откинулась на спинку стула. Барбара, как отметила она не без удовольствия, оказалась последней. Флайт-офицер сверила ответы.

— Что ж, в итоге вы хотя бы решили задачу. — Ее тон смягчился. — Неплохо. Но медленно, слишком медленно! Помните, пилоты будут рисковать своей жизнью, полагаясь на ваши расчеты. Представьте, что в кабине сидит ваш брат или возлюбленный. Ради бога, не посылайте

их на бесполезную гибель только потому, что вы не справились вовремя. — Она порвала листы и бросила в мусорную корзину. — Ладно, еще попытка.

В этот раз получилось лучше: десять с половиной минут. А в следующий Кей закончила первой, за восемь минут и две секунды.

Дважды Ситуэлл предоставляла девушкам условные координаты и давала побарахтаться в поисках решения, прежде чем остановить.

— Если данные явно ошибочные, ради бога, сообщайте об этом немедленно, чтобы мы успели связаться со Стэнмором и ППНО и попросили их проверить.

К этому моменту Кей с удивлением обнаружила, что ей нравится. Было какое-то наслаждение в напряженной работе ума, в том, как линии и точки возникают на карте из набора случайных, казалось бы, цифр. А еще была свобода в возможности не думать ни о чем другом. Она утратила ощущение времени и пространства и чуть ли не расстроилась, когда флайт-офицер объявила, что тренировка закончена и лучший результат — шесть минут пятнадцать секунд.

— Ступайте на перерыв, леди, а я пока посовещаюсь с винг-коммандером.

Кей отодвинула стул и встала. Шея и плечи болели от напряжения. Девушка покрутила головой. Какая-то приятно-ноющая боль ощущалась в том особенном участке мозга, что в ответе за умственные усилия. Она не испытывала ее после сдачи выпускных экзаменов в Кембридже.

— Отличная работа, Кей, — сказала Джоан. — Не против глотнуть дыма?

— Уж точно не против глотнуть свежего воздуха.

— Ну так пойдем.

— А можно?

— Почему нет? Давай спросим? — Джоан подошла к Ситуэлл, разговаривавшей с винг-коммандером. — Мэм, не возражаете, если мы выйдем на улицу на пару минут?

— Ладно, только недалеко.

Девушки поднялись по лестнице. Пока они находились в подвале, световой день кончился. Моросил дождь. В туманном сиянии уличных фонарей крошечные капли клубились, как дым. Через дорогу в штабе светилось несколько окон. Джоан закурила. Кей стала посреди мостовой и сняла фуражку, давая влаге охлаждать лоб. Неясным бормотанием доносились голоса других девушек, последовавших за ними. Она зевнула и

запоздало прикрыла рот ладонью.

— Прости, даже не представляла, что способна так устать.

— Я это называю головной болью конца смены. — Огонек на конце сигареты вспыхнул — Джоан затянулась. — Чем ты занималась до войны, Кей, если не сочтешь этот вопрос нескромным?

— Училась. Меня призвали прямо из университета. А ты?

— Работала в биржевой компании в Сити.

— А когда поступила в ВААФ?

— В сороковом. Как раз перед началом битвы за Британию. И подумать не могла, что окажусь здесь.

Кей слишком вымоталась, чтобы болтать. Она пригладила мокрые волосы и надела фуражку. Мысли крутились вокруг немецких солдат, орудовавших в каких-то семидесяти милях. В Медменхеме так и не удалось выявить механизм запуска «Фау–2». В июле пересмотрели все старые снимки Пенемюнде в поисках подсказки. Сразу за одной из гигантских эллиптических насыпей лежал отрезок берега в форме веера, совершенно голый. Предположили, что это и есть стартовая площадка. Кей долго-долго разглядывала его,

прежде чем в голову пришел очевидный факт. Она указала на него Старру:

— Взгляните сюда, сэр.

Он склонился над Кей, положил руку ей на плечо.

— И что тут такого?

— Здесь нет железнодорожной ветки.

— Ну и?..

— Это означает, что немцы могут подвозить ракеты по обычной дороге. А значит, им не требуется для запуска какой-то специальный бункер — вполне подойдет площадка из старого бетона или асфальта.

Самое сложное в нахождении места зачастую в том, что оно у тебя прямо перед глазами.

Подошла еще одна девушка:

— Не угостишь сигареткой, Джоан? С возвратом. — Это была Барбара. Она посмотрела на Кей. — Похоже, ты схватываешь прямо на лету.

— Сама удивляюсь. Наверное, это потому, что в Медменхеме нам приходится плотно иметь дело с математикой.

Барбара зажала сигарету между зубами и проговорила:

— Извини, что вела себя как сука.

— Все в порядке.

Сзади к ним приблизилась Флора Дьюар:

— Флайт-офицер Ситуэлл хочет, чтобы мы немедленно вернулись.

— Чертова Ситуэлл. — Барбара отдала неприкуренную сигарету.

Девушки спустились в хранилище и заняли прежние места за центральным столом. Кей обменялась с некоторыми из соседок кивками. Джойс, Глэдис, Молли… Светлая сторона войны в том, что люди быстро делаются друзьями. Так было с первого дня ее базового обучения. Женщины, с которыми в обычных условиях ты не провела бы и пяти минут, становятся как родные. Совместные тяготы сближают. У нее уже зародилось чувство, что они знакомы не один год.

Флайт-офицер Ситуэлл начисто вытирала доску. Покончив с последними меловыми символами, она повернулась лицом к подчиненным:

— Мы применим шаблон, которым пользовались в Англии. И разобьем вас на следующие пары. — Она взяла со стола лист бумаги. — Секционные офицеры Колвилл и Кейтон-Уолш дежурят в первую смену, заступают завтра в восемь ноль-ноль.

Кей бросила взгляд на Барбару, но та смотрела прямо перед собой.

— Секционные офицеры Робинсон и Дьюар — вторая смена, с четырнадцати ноль-ноль, — продолжила начальница. — Секционные офицеры Хеппл и Астор — третья, с двадцати ноль-ноль. Боюсь, это означает, что секционным офицерам Хенди и Томас выпадает кладбищенская вахта: с двух ноль-ноль до восьми. Если есть вопросы, можете задержаться. В противном случае возвращайтесь в штаб. Там ждет транспорт, чтобы развезти вас по квартирам. Каждой выдадут небольшой паек, вы отдадите его хозяйке, у которой будете на постое. Прошу, не забывайте, что многие гражданские в Бельгии на грани голода. Спору нет, вы тоже не переедаете, но будьте тактичны и питайтесь умеренно. Настоятельно рекомендую взять с собой линейки и таблицы логарифмов. И упражняйтесь — до тех пор, пока не научитесь делать необходимые вычисления даже во сне. Увидимся завтра.

Вечер во Фландрии выдался темным, сырым и тихим. Кей сидела на переднем сиденье джипа, саквояж и небольшая коробка с пайком стояли сзади. Ей сообщили имя: доктор Мартен Вермюлен, и адрес, но больше никаких подробностей. Стоило отъехать от штаба, как стало ясно, что водитель не знает дороги. У него имелась ма-

ленькая, начерченная от руки карта. И часто приходилось останавливаться. Кей спешивалась и разглядывала указатели с незнакомыми названиями улиц. Они пересекли пустую площадь и мост. В черной воде отражался тусклый фонарь. Кое-где в домах на широких безлюдных улицах проглядывали сквозь толстые шторы светильники.

Путь лежал через старинный центр города — только это девушке и удалось определить. Высокие здания с плоскими фронтонами, с узорчатой кладкой и нарядными окнами навевали смутные воспоминания о фламандской живописи. Кей не удивила бы встреча с ночным сторожем, бредущим со свечным фонарем в руке.

Покружив немного и дважды проехав мимо одной и той же церкви, они свернули на мощеную аллею, по сторонам которой тянулись высокие кирпичные стены с тяжелыми дверями из старых досок. За стенами вздымались силуэты домов. Водитель затормозил, посветил фонариком на карту, потом на номер дома и объявил, что приехали.

— Вы уверены?

— Так здесь указано, мэм.

Они выбрались из джипа. Шофер суетился,

бормоча, что ему еще развозить по городу других офицеров ВААФ. Он вытащил саквояж и коробку с пайком, поставил на мокрую мостовую, пожелал всего хорошего и уехал. Кей огляделась. Она понятия не имела, где находится, и уж тем более не представляла себе, как удастся найти дорогу в банк завтра утром. В первый раз на девушку накатила паника, которую она тут же подавила. Какая бы ни грозила опасность, ее едва ли можно сравнить с полетом над Берлином на высоте восьми миль, без сопровождения истребителей. Кей повернула металлическое кольцо на калитке, взяла саквояж, зажала коробку под мышкой и толкнула дверь плечом. Петли заскрипели и неохотно поддались.

Через превращенный дождями в грязь садик к парадной двери вела мощенная истертым камнем дорожка. Кей позвонила и отошла немного, чтобы осмотреть высокий дом. В окне второго этажа появилась полоска желтого света и тотчас исчезла, когда штору задернули. Спустя минуту за дверью послышался шорох шагов, скрежет отодвигаемого засова, щелчок замка. Дверь чуть приотворилась. Поверх удерживающей ее цепочки показалась половина лица пожилого мужчины.

— Доктор Вермюлен?

– *Ja?*[14]

— Я секционный офицер Анджелика Кейтон-Уолш из Королевских военно-воздушных сил.

Единственный видный ей ревматический глаз округлился, показав желтоватый белок. Мужчина произнес что-то сердитое по-фламандски.

— Простите, я не понимаю, — сказала Кейт.

– *Je ne parle pas anglais!*[15]

– *Peut-on parler français?*[16]

Мужчина неохотно кивнул:

– *Oui*[17].

Второй раз за день Кей добрым словом помянула монахинь-наставниц из монастыря Святой Девы.

– *Je suis l'officier de section Angelica Caton-Walsh de la force aérienne britannique. Vous m'attendez?*[18]

---

[14] Примечания: 14
Да? *(флам.)*

[15] Примечания: 15
Я не говорю по-английски! *(фр.)*

[16] Примечания: 16
Может быть, немного по-французски? *(фр.)*

[17] Примечания: 17
Да *(фр.)*.

[18] Примечания: 18
Я секционный офицер Анджелика Кейтон-Уолш из английских военно-воздушных сил. Вы меня ждете? *(фр.)*

Мужчина внимательно посмотрел на ее лицо, на коробку с продуктами, потом снова на девушку.

– *J'ai dit à l'officier anglais: non!*[19]

— Ну сказал и сказал, — пробормотала Кей себе под нос. Стоя под дождем, она потеряла терпение и указала на небо. — *Je suis désolé,* — твердо заявила она, — *mais je suis ici!*[20]

Бельгиец еще какое-то время недовольно смотрел на нее, потом вздохнул, снял цепочку и распахнул дверь.

Прихожая напомнила дом бабушки: выложенный черной и белой плиткой пол с потертым ковром, прочная деревянная мебель, обеденный гонг, металлическое распятие, изображения святых, развешанные по стенам вышивки с религиозными текстами, тиканье массивных напольных часов и смутно уловимый запах… Запах не то чтобы смерти, но чего-то затхлого, древнего, из другой эпохи. Тут было холоднее, чем в джипе. Кей поставила саквояж, но коробку с пайком из рук не выпустила.

Доктор Вермюлен закрыл дверь, запер на за-

---

[19] Примечания: 19
Я же сказал английскому офицеру: нет! *(фр.)*

[20] Примечания: 20
Мне жаль… но я здесь! *(фр.)*

мок и задвинул засов. Он был лет шестидесяти с небольшим, худой и лысый, с желтыми пятнами на коже рук и головы. Бутылочного цвета кардиган был велик для покатых плеч.

— Амандина! — позвал он, подойдя к лестнице.

Дощатые ступеньки снова заскрипели — по ним стала спускаться женщина. Она, должно быть, слушала, стоя на площадке, и была одета так, словно собиралась на улицу: теплые ботинки и темное пальто. Седые волосы подстрижены как под горшок. Ее глаза внимательно разглядывали Кей через очки в проволочной оправе. Вермюлен сказал ей что-то по-фламандски, затем повернулся к гостье и пожал плечами:

– *Ma femme*[21].

Кей протянула хозяйке коробку с едой.

— Это для вас, — произнесла она по-французски. — Извините, что навязываюсь.

Женщина приняла коробку и заглянула в нее. Потом посмотрела на девушку с несколько смягчившимся выражением и ответила тоже по-французски:

— Вам лучше пройти в тепло.

Кей последовала за ней мимо тикающих часов.

---

[21] Примечания: 21
Моя жена *(фр.)*.

Тапочки доктора Вермюлена шлепали по выложенному плиткой полу.

В кухне стоял большой буфет с бело-голубым фарфором. Перед чугунным очагом — два деревянных стула с высокими спинками, на них громоздились подушки и одеяла. На столе лежала стопка старых книг в тканевых переплетах и несколько пар шерстяных носков, нуждающихся в починке. Госпожа Вермюлен сдвинула принадлежности для штопки в сторону и водрузила на освободившееся место коробку. Затем принялась выкладывать содержимое, разглядывая его с восторгом на лице. Две красные банки говяжьей тушенки «Фрей Бентос». Банка армейского жаркого с овощами. Пачка чая. Три ломтика бекона, завернутые в промасленную бумагу. Банка сгущенки. Небольшая буханка хлеба. Коробочка с яйцами. Плитка шоколада.

Женщина бережно раскладывала продукты, словно это были сокровища из клада. Она открыла коробочку и молча показала мужу три маленьких белых яйца.

— Тут немного, — сказала Кей. — Вы уж извините.

– *Vous êtes très gentil*[22], — промолвил доктор Вермюлен. А потом вдруг продолжил по-английски: — Простите. Мы сказали, что не хотим принимать вас. У моей жены… как это называется? — Он постучал себя по груди. — *Angine.*

— Стенокардия?

– *Oui,* стенокардия — ну разумеется, это же латынь. И мой сын тоже не совсем здоров. Но вы уже здесь, а потому мы постараемся устроить вас как можно лучше. Быть может, это не продлится долго. — Он сделал приглашающий жест. — Снимайте шинель, присаживайтесь. Погрейтесь.

Кей сняла шинель и передала доктору, потом пристроилась на краешке стула и протянула руки к огню. Так все-таки он говорит по-английски, и, судя по произношению, неплохо. Стало интересно, зачем ему понадобилось притворяться.

Позади раздался громкий стук. Она обернулась и вскрикнула от удивления. За дверью черного хода стоял мужчина, прижавшись перекошенным лицом к покрытому морозным рисунком стеклу.

— Не пугайтесь, — сказал Вермюлен. — Это всего лишь мой сын.

---

[22] Примечания: 22
Вы очень добры *(фр.).*

Он отпер дверь. Хромая, вошел молодой человек с маленьким мешком. Плюхнул его на стол, сразу повернулся к Кей и сдернул с головы кепку, обнажив густые и темные волосы, коротко постриженные по бокам, но длинные на макушке.

— Это Арно, — представил сына доктор и тихо сказал ему что-то по-фламандски.

Парень поклонился, взял руку Кей и поцеловал. Он был примерно ее возраста, лет двадцати пяти, очень бледный, но симпатичный. Лицо мокрое от дождя. Черты заострились от голода, подумалось Кей. Глаза у Арно были темные и очень живые.

— Рад познакомиться с вами, — произнес он по-английски с сильным акцентом. Потом порылся в мешке, достал четыре картофелины, покрытые липкой грязью, подмигнул, улыбнулся и заявил с гордостью: — *Voilà!*[23]

Кей улыбнулась в ответ. Украл в чужом огороде, догадалась она.

Перспектива сытного ужина привела Вермюленов в почти веселое настроение. Арно снял мокрую куртку, уселся и принялся стягивать сапоги. Госпожа Вермюлен помыла картофель в раковине, положила в кастрюлю и поставила на

---

[23] Примечания: 23
Пожалуйста! *(фр.)*

плиту. Потом вскрыла банку с мясным жарким и вывалила во вторую кастрюлю. Доктор вышел через другую дверь в холодную, темную комнату и вернулся с бутылкой «адвоката». Он разлил ликер по крошечным рюмкам и раздал всем. После чего предложил тост: *«À l'amitié!»*[24] Кей по очереди чокнулась с хозяевами. Сладкий, тягучий напиток навел ее на мысли о заварном креме и о Рождестве, отчего на минутку взгрустнулось.

Они сидели вокруг плиты и смотрели, как варится картошка.

— Перед уходом нацисты забрали весь наш урожай картофеля, — с горечью промолвил Вермюлен. — Как будто в Германии он не растет!

Госпожа Вермюлен подала картофель и жаркое. Доктор налил еще по наперстку адвоката. Ели бельгийцы жадно и молча, Арно опустил голову к самой тарелке. Когда он закончил, мать отдала ему остаток своей порции, и сын с волчьим аппетитом проглотил добавку. Пару раз Кей бросала тоскливые взгляды на остальные принесенные ею продукты, но Вермюлены явно решили приберечь их для другого раза. При таком темпе потребления хватит на неделю. Кей отругала себя

---

[24] Примечания: 24
За дружбу! *(фр.)*

за одну эту мысль — у нее есть возможность подкрепиться завтра в офицерской столовой. Когда все поели, госпожа Вермюлен помыла тарелки и выдала каждому по дольке твердого и горького английского армейского шоколада.

— Можно спросить, что вас привело в Мехелен, мадемуазель? — спросил Арно по-французски.

— Боюсь, я не вправе это разглашать.

— Но вы работаете где-то поблизости?

— Если честно, я сама не знаю, где это место. Мне завтра в восемь утра нужно прибыть на службу, а я не уверена, смогу ли найти дорогу.

— О, так мы можем нарисовать карту! Как называется улица, скажете? — Молодой человек ухмыльнулся. — Или это тоже секрет?

— Вроде это улица Конингин-Астридлан.

— Ну конечно мы ее знаем! Главная дорога на юг. Там у бошей был штаб.

— Теперь там наш штаб.

Принесли лист бумаги, нашли карандаш. Трое Вермюленов уселись, сдвинув головы, и, время от времени споря между собой по-фламандски, начертили нечто вроде схемы пути.

Кей изучила аккуратно выписанные названия улиц. Маршрут был обозначен стрелками.

— Это далеко?

Арно пожал плечами:

— Минут пятнадцать ходьбы, не больше.

— Спасибо. — Девушка свернула карту и сунула в карман. — Раз уж мне завтра рано подниматься, думаю, теперь самое время пойти спать.

— Разумеется, — сказал доктор. — Давайте покажу вашу комнату.

Наклоняясь, чтобы взять шинель, она чувствовала на себе взгляд Арно.

— Доброй ночи, — попрощалась Кей.

— Доброй ночи. Хорошо вам выспаться.

В коридоре Вермюлен настоял, что понесет ее саквояж. Кей смотрела на высокие потолки, религиозные реликвии, массивные деревянные двери. Обстановка выглядела слишком официальной для жилого дома.

— Вы принимаете здесь пациентов?

Он рассмеялся:

– *Je ne suis pas ce type de docteur!*[25] — Вермюлен открыл смежную дверь и зажег свет.

Кей прошла за ним. Это была большая комната, напомнившая ей Кембридж: кабинет-библиотека с книжными стеллажами от пола до потолка; тома громоздились также на полу и на столе.

---

[25] Примечания: 25
Я не такого рода доктор *(фр.)*.

Плотные черные бархатные шторы, покрытые пылью, были тщательно закрыты. Стоял застарелый запах табачного дыма.

— До войны я преподавал в Антверпенском университете. Я доктор философии, от которой в наши дни мало проку.

— Напротив. Уверена, философия нужна нам как никогда.

— Это правда! — Он улыбнулся ей — впервые искренне за этот вечер.

Улыбка совершенно переменила его лицо. Доктор не так стар, как показалось сначала, поняла Кей.

На столе стояло несколько семейных фотографий в серебряных рамках, датированных прошлым веком: солидные, благополучные, хорошо одетые бюргеры. Двое парней позировали на пляже, держа футбольный мяч. Кей взяла этот снимок. В старшем она по густой темной шевелюре сразу узнала Арно. Ему было лет восемнадцать. Второй был года на два моложе. Сходство бросалось в глаза — даже щурились на ярком солнце они одинаково.

— У вас есть еще сын?

Кей сразу пожалела о своем любопытстве. Улыбка сошла с лица доктора. Он забрал фото-

графию.

— Это Гийом. Он погиб на войне.

— Мои соболезнования.

— Спасибо. — Вермюлен положил фотографию лицевой стороной вниз и указал на дверь. — Пойдемте?

Следуя за его сгорбленной спиной, она поднялась на площадку второго этажа. С нее лестница поуже вела еще выше, но вместо того, чтобы взбираться по ней, хозяин повел гостью по темному коридору. В дальнем его конце открыл дверь и включил верхний свет. Комната была большая и пустая, с ковром, кроватью на латунных ножках, тумбочкой, комодом с выдвижными ящиками, простым деревянным стулом, секретером и шкафом. Окно закрывали тяжелые бархатные шторы, такие же, как в кабинете. Над кроватью висело распятие. Из люстры с розовым абажуром лился тусклый свет. Ощущение было такое, словно в этой комнате никто не жил, да и вовсе не бывал уже много лет.

— Ванная там. — Вермюлен поставил саквояж и махнул в другой конец коридора. — Не обессудьте, горячей воды нет. Но Амандина согреет в чайнике в кухне, если нужно.

— Честное слово, это лишнее. Мне так жаль,

что доставляю вам неудобства.

Доктор замялся, потом выдавил слабую улыбку:

– *Alors — bonne nuit*[26].

— Спокойной ночи. Благодарю вас.

Она слушала, как шлепанье его тапок удаляется по коридору и затем по лестнице. Потом закрыла дверь и оглядела комнату. Здесь хотя бы сухо, не как в хижине Ниссена, и уединенно. Но Кей много бы отдала сейчас, чтобы оказаться в Англии и посплетничать с подругами после смены.

Глупая мысль! Девушка тряхнула головой, отгоняя ее. Простителен любой грех, кроме жалости к себе.

Она поставила саквояж на кровать и стала раскладывать небогатый скарб военного человека по отделениям комода и шкафа. Белую хлопковую ночную сорочку положила на покрывало. Сдвижную линейку и таблицу логарифмов — на секретер. У нее не было штатской одежды, книг и фотографий, напоминающих о доме. Кей завела походные часы и установила будильник на половину седьмого, затем раздвинула шторы и приникла к стеклу, заслонив глаза ладонями от

[26] Примечания: 26
В таком случае доброй ночи *(фр.)*.

света. Но не увидела ничего, кроме тьмы.

Она села за стол и открыла справочник логарифмов. Флайт-офицер Ситуэлл продиктовала ряд вводных («Домашняя работа, леди»), чтобы упражняться в свободное от службы время. С полчаса Кей корпела над логарифмической линейкой, пока глаза не слишком устали и могли различать крошечные метки. Вдалеке зазвонил церковный колокол. Она сосчитала удары: девять часов.

Девушка сняла фуражку и вытащила из волос заколки, сняла и повесила китель. Взяла сумочку с банными принадлежностями и отправилась в ванную, нашарила среди косметики кусок мыла, закатала рукава, вымыла руки и лицо, утерлась маленьким, тонким полотенцем — на ее родине такие использовались как кухонные. Почистила зубы.

Вернувшись в комнату, сняла галстук, рубашку и юбку, скинула ботинки и скатала по ногам плотные чулки. От холода кожа стала гусиной. Кей отстегнула подтяжки. Потянувшись к застежке бюстгальтера, остановилась, вспомнив, как Арно целовал ей руку и как смотрел, когда думал, что ей не видно. Может, лечь в нижнем белье или даже придвинуть стул к двери? Но

девушка тут же отогнала страхи. Парень явно калека, с ним можно справиться. Она сняла лифчик и форменные женские трусы, с эластиком на поясе и бедрах, получившие прозвище «убийцы страсти». Их вид всегда вызывал у Майка стон. Ей страшно захотелось, чтобы Майк был сейчас рядом, лежал в кровати, смотрел на нее, ждал. Кей снова тряхнула головой. Нет смысла о нем думать. Девушка натянула через голову сорочку, откинула одеяло и положила тощую подушку поверх другой. Потом подошла к двери, выключила свет и проворно юркнула в постель.

От давно не проветривавшихся простыней пахло сыростью, как от старого дождевика. Кей натянула одеяло до подбородка. В старинном доме было тихо. Ничего не видно, ничего не слышно. В голове роились алгебраические вычисления. Возникла тревожная мысль, что они не дадут расслабиться, но уже через пару минут Кей погрузилась в сон. Ей снилось, как ракета верхом на белом столпе из цифр и символов взлетает вдали на фоне бледно-голубого неба.

Глава 11

— Шах, — объявил Зайдель.

Он выпустил из пальцев слона и с довольной улыбкой откинулся на стуле. Граф склонился над столом, изучая доску. Его ноги были широко расставлены, предплечья опирались на них чуть выше колен. Кончики пальцев нервно постукивали друг о друга.

— Так, что у нас здесь?

Обычно победителем в их регулярных поединках выходил он, но в этот вечер никак не мог сосредоточиться и допустил ряд промахов. Ферзь был потерян, а король с маленьким отрядом слабосильных защитников оказался в осаде у ладей и слонов.

— Сдаетесь? — спросил лейтенант.

— Ни в коем случае. — (Зайдель подставлял белому королю своего слона, но такая жертва добыла бы ему мат в три хода.) — Надежда есть всегда. — Граф передвинул своего короля за линию пешек.

— Вы ведь понимаете, что просто продлеваете агонию? — Но, склонившись вновь над доской,

лейтенант сложил на груди руки и нахмурился — не упустил ли он чего?

Граф выпрямил спину. Офицерская столовая располагалась на втором этаже отеля «Шмитт», на небольшой веранде, обращенной к набережной. В темноте за задернутыми шторами море было невидимым, но шумным. Атмосфера царила унылая. Иногда по вечерам полковник Хубер играл на пианино, его любимыми произведениями были «Дуэт жандармов»[27] и отрывки из «Веселой вдовы»[28]. Но сегодня он тихо сидел в обществе лейтенанта Кляйна и еще двух офицеров.

Граммофон молчал, всеми забытый. Кресло у окна, в котором лейтенант Шток любил читать вестерны, в знак уважения пустовало. В углу оберштурмбанфюрер Дрекслер, с сигарой в зубах, развлекал пару эсэсовцев, приехавших из штаба в Гааге. Штурмшарфюрер Бивак сидел с ними. Время от времени он бросал взгляды в сторону Графа. На дознании он задал вопрос, почему инженера не было на месте запуска, когда ракета взорвалась.

---

[27] Примечания: 27

«Дуэт жандармов» — комический дуэт из оперетты Жака Оффенбаха «Женевьева Брабантская».

[28] Примечания: 28

«Веселая вдова» — оперетта Франца Легара.

— А что? Вы бы предпочли, чтобы меня испепелило?

— Нет, конечно. Мне всего лишь интересно, почему патруль СС сообщил, что во время несчастного случая вы находились в запретной зоне на берегу моря, достаточно далеко от позиции.

— Ясное дело: передавал сигналы английской подводной лодке.

Когда Зайделю не удалось подавить смешок, Бивак накинулся на него:

— Не вижу ничего веселого, лейтенант!

— Полностью согласен. Шток был моим другом. Я не нуждаюсь в ваших напоминаниях.

— Прекратите, господа! — приказал Хубер. И пояснил Биваку: — Доктор Граф прислан из Пенемюнде в качестве технического специалиста, поскольку ракета требует многочисленных модификаций. От него не требуется присутствовать при каждом запуске, да это и физически нереально.

— Я не намекаю, что доктор Граф виноват, просто хочу сказать: будь он там, мог бы заметить неисправность в ракете. Ведь неисправность была, не так ли? Существует ли вероятность саботажа?

— Крайне низкая, — ответил Хубер. — Пожалуй,

саботаж вообще невозможен. Но безопасность — это епархия СС.

Все взгляды обратились к начальнику эсэсовцев. Дрекслер был гораздо выше офицера Национал-социалистического руководства по званию, и все знали, что за его лощеной внешностью скрывается вспыльчивый темперамент. Но Граф подметил, насколько сдержанно он себя ведет.

— Меры безопасности очень строгие. Ракеты бдительно охраняются с того момента, как покидают завод — все время, пока их везут из Нордхаузена по железной дороге. А когда прибывают сюда, постоянно находятся в поле зрения технической службы. Действительно, в самом начале кампании имели место случаи саботажа по вине иностранных рабочих на заводе, но мы приняли жесткие меры и с тех пор о проблемах не слышно.

«Жесткие меры», — мысленно хмыкнул Граф. Он предпочитал не думать, что скрывается за этими словами. Хотелось закричать: «Послушайте, господа, вы все спятили, что ли? Эта ракета — самая передовая технология, которую когда-либо видел мир, и никто из его создателей не ожидал, что изделия будут выпускаться серийно по штуке за каждые девяносто минут».

Вместо этого он сказал:

— Ракета проверяется и перепроверяется технической группой после того, как ее снимают с грузовой платформы. Поэтому если штурмшарфюрер Бивак полагает, что в полку имеются саботажники…

— Я такого не говорил!

— Значит, взрыв следует считать результатом технической неисправности. Или выражусь так: серии технических неисправностей, наложившихся друг на друга. Мы с лейтенантом Зайделем побывали на месте аварии, но не обнаружили никаких вещественных следов, способных указать на причину происшедшего. А значит, нам остается лишь одно: готовить старты согласно принятой нами процедуре и стараться, чтобы наше естественное стремление запускать каждый день как можно больше «Фау–2» не отражалось на этом процессе негативно.

Хубер покраснел и бросил на Графа сердитый взгляд, но ничего не сказал.

— Шах, — снова произнес Зайдель.

Граф посмотрел на доску. Он думал про девушку. Что она делала в Вассенарском лесу? Он не сожалел, что отпустил ее. Попадись она эсэсовцам… Они сейчас в таком настроении, что

расстрел оказался бы самой гуманной казнью. Инженер коснулся пальцем короля. Можно сделать еще ход. Наверное, если продержаться подольше, найдется какая-нибудь лазейка. Зайдель игрок не из сильных. Но не стоит его раздражать. Граф повалил фигуру:

— Сдаюсь.

— Ну наконец-то! — Зайдель сгреб фигуры, словно опасался, что Граф передумает. — Еще партию?

— Увы, нет. Слишком устал.

— Может, тогда выпьем? — Лейтенант махнул ординарцу. — Два коньяка.

— Коньяка нет, обер-лейтенант.

— А что есть?

— Кюрасао.

Зайдель наморщил нос:

— Ладно, все лучше, чем ничего.

Когда ординарец ушел, Граф повернулся к лейтенанту:

— Тот бордель, мимо которого мы проезжали утром…

— Что такое? — Зайдель заканчивал укладывать шахматы в доску.

— Что за девочки там?

— А, всякие. Есть голландки, есть француженки…

ки. Несколько полек. Вполне выше среднего. Он в ведении сухопутных войск.

— Откуда они берут женщин?

— По большей части из лагерей. Есть профессионалки с довоенных времен. А что?

— Жестокая судьба.

— Каждый выживает как может. — Зайдель пожал плечами.

— Вы там бывали?

— Пару раз.

Ординарец вернулся с двумя бокалами ярко-голубой жидкости.

— На вид как медный купорос, — заметил Граф.

— Да и на запах тоже. — Зайдель сделал глоток. — Но на поверку не так уж плохо. Попробуйте. — Он подождал, пока Граф пригубит. — Ну как?

— Бензин с апельсиновой ноткой. — Тем не менее инженер выпил ликер залпом. Он покрутил пустой бокал в пальцах и поставил на стол. — Может, заглянем?

— Куда?

— В бордель.

Зайдель расхохотался:

— Мой дорогой Граф, вы не перестаете меня

удивлять! Вы серьезно?

— Да не то чтобы… — Граф смутился. — Забудьте.

— Только не теперь, когда вы заронили эту идею мне в голову. — Зайдель допил кюрасао. — Почему нет? Хотя бы выберемся из этого морга.

Когда они шагали к двери, Граф чувствовал взгляды остающихся в столовой.

— Доброй ночи, господа! — пожелал вслед Хубер.

Инженер и лейтенант спустились по лестнице, прошли мимо черно-белых фотографий со сценами из довоенных отпусков и оказались на безлюдной набережной. Ветер был напоен запахами соли и водорослей. Где-то трепало тент. Стальной трос гулко бился о металлический столб. Громада «Палас-отеля» с его башенками и сводчатой крышей походила на севший на мель океанский лайнер. Защитная бетонная стена с колючей проволокой поверху закрывала вид на пляж.

«Кюбельваген» Зайделя стоял в одиночестве на пустом переднем дворе. Лейтенант включил затемненные фары, запустил двигатель и выписал на мокром асфальте разворотную петлю. Граф высунул ладонь из окна и ощутил влагу.

— В Пенемюнде наверняка ведь были женщины? — спросил Зайдель.

— Конечно. Не одна сотня.

— Ну и?.. Какие: молодые, старые?

— В основном молодые. Секретарши, лаборантки. Несколько математиков. Старшим инженерам разрешалось привозить жен и детей.

Зайдель помолчал с минуту.

— Не против, если я задам вопрос? Вы женаты?

— Нет. А вы?

— Да. А что? — Он искоса посмотрел на Графа. — Думаете, это имеет значение, если я еду в бордель?

— Для меня — нет.

Зайдель хохотнул:

— Раз там жили сотни женщин, то даже вы, Граф, могли найти себе одну, правда же?

— Я нашел.

— Продолжайте.

— Ее звали Карин. Она погибла при бомбежке.

— Ох… Простите.

Граф высунулся из окна и подставил лицо ветру. За месяц с лишним, проведенный в Голландии, он впервые упомянул ее имя.

Попытка Королевских ВВС уничтожить Пенемюнде, получившая кодовое наименование

«Операция „Гидра“», проходила в почти идеальных условиях (безоблачное небо и полная луна) в ночь с семнадцатого на восемнадцатое августа 1943 года. В одиннадцать часов вечера восемь «москито» сбросили ориентирно-сигнальные бомбы и два десятка фугасок на Берлин, заставив немцев поверить, что главной целью удара является столица. Люфтваффе подняли на перехват сто пятьдесят истребителей. Пока те обыскивали пустое небо, а восемьдесят девять зенитных батарей выпускали свыше одиннадцати тысяч снарядов по воображаемым самолетам, в двухстах километрах к северу сразу после полуночи шестьсот тяжелых бомбардировщиков пересекли береговую линию.

Население Пенемюнде в ту ночь приближалось к двадцати тысячам: ученые и инженеры с семьями, механики, клерки, секретари, машинистки, охранники, повара, учителя, рабочие и подневольные иностранцы, в основном французы и русские. Вечер перед налетом, во вторник, выдался тихим и душным. Рабов заперли в деревянных бараках за электростанцией. Немцы прогуливались среди благоухающих сосен и сидели на песке. На пляже, с которого было видно сборочный ракетный цех, играли в волейбол.

Граф после заплыва отдыхал на спине, ногами к заходящему солнцу, поддерживаемый соленой водой. Чтобы не тонуть, требовалось лишь изредка подгребать руками. Верхние слои были теплыми после долгого лета, но он ощущал под собой холодную глубину. Он позволял течению увлекать себя на восток; набегающие волны изгибали его тело под свою форму. Инженер дрейфовал, сколько хватило смелости, затем перевернулся и энергично поплыл против течения к берегу, где Карин, чью хрупкую фигурку его память запечатлела в ореоле заката, ждала с полотенцем.

Они познакомились весной. Карин только что устроилась на должность личной помощницы доктора Вальтера Тиля, заместителя фон Брауна и непосредственного начальника Графа. В ее обязанности входило все: от организации встреч раздражительного шефа до присмотра за его двумя детьми. Все ее любили: она была красивая, обладала даром разливать вокруг себя спокойствие. Когда Граф предложил ей встречаться и она согласилась, его это удивило. Карин мечтала после войны работать воспитательницей в детском саду. Ей было двадцать три. Граф решил жениться на ней, намеревался спросить ее согла-

сия — это могло бы случиться уже в тот вечер. Карин нервировало, что он слишком далеко заплывает, и беспокойство вызвало несвойственный ей приступ плохого настроения.

Он вышел из моря запыхавшийся. Она молча сунула ему полотенце, отвернулась и пошла собирать разложенные для пикника вещи. Обернувшись полотенцем, он снял мокрые трусы и надел брюки. Попрыгал на одной ноге, потом на другой. Короткий поцелуй в ее теплую щеку, последний вкус морской соли на губах — и она ушла, направившись к старой довоенной гостинице, где поселилось большинство незамужних женщин.

Раздосадованный и смущенный, Граф побрел по лесной дороге в душных сумерках, через охраняемую калитку к общежитию при экспериментальной мастерской. Его холостяцкая квартира, одна из дюжины отведенных ведущим конструкторам, включая фон Брауна, располагалась на третьем этаже здания номер пять, рядом с главной конторой. Граф принял холодный душ в надежде поостыть, разложил трусы на подоконнике в ванной и улегся голышом в кровать, накрывшись только простыней.

Он ждал, что рано или поздно вражеский ави-

аналет произойдет. В то лето несколько раз, подняв глаза к небу, Граф замечал тонкую полоску пара — как царапина от ногтя на чистейшем кобальтово-синем стекле. Догадывался, что британцы ведут фотосъемку. И тем не менее, когда сирена воздушной тревоги нарушила сон, первой мыслью было остаться в постели — слушать монотонный гул моторов, пока вражеские армады летят по «Берлинской аллее», чтобы отбомбиться по столице.

Он ждал отбоя. Минуты шли. И вдруг затрещали зенитки. Инженер сорвался с койки и подскочил к окну. Полная луна сияла ярко, в ее серебристом свете от зданий протянулись густые тени. За мастерскими и лабораториями, точно низки стекляруса, сияли трассы скорострельных орудий. Причудливые конфигурации цветов — красного, зеленого, желтого — расчертили небо, как рождественские гирлянды. На парашютах медленно спускались осветительные бомбы. На крышах стрекотали пулеметы. Было ощущение, что все это происходит на юге острова. Граф смотрел какое-то время, потом спохватился: надо бы пойти в убежище. Инженер надевал ботинки, когда мощный взрыв выбил окно, перед которым он стоял минутой ранее.

Граф пробежал по коридору общежития и спустился по лестнице. Парадная дверь лежала поперек ступеней, сорванная с петель взрывной волной. Дверь поднималась и опускалась, словно пила, когда он шагнул через нее в кипящий розовый туман. Сцена казалась нереальной, как из сновидения. Там и тут из поврежденных зданий поднимались в небо розовые и красные клубы горящих химикалий. Полная луна украдкой выглядывала сквозь прорехи в тумане. Граф видел россыпь звезд; узкие лучи прожекторов, как дуэльные шпаги, скрещивались в небе. Бомбардировщики оставались невидимыми, зато слышался низкий и громкий гул мощных моторов, прерываемый оглушительными разрывами, от которых дрожала земля. Метались в дикой панике темные силуэты. Наверное, с минуту Граф стоял, парализованный увиденным — словно был всего лишь зрителем некоего фантастического *son et lumière*[29]. И лишь когда сильный жар пробудил в нем страх перед взрывом, он очнулся и, быстро прошагав по улице, свернул за угол, к ближайшему бомбоубежищу.

За ведущими вниз ступеньками, в бетонном

---

[29] Примечания: 29
Светозвуковой спектакль *(фр.)*.

помещении с низким потолком, жались к стенам десятка полтора людей. Укрытие построили недавно; сильно пахло известью. Лампа над головой качалась при каждом разрыве. Электричество мигало. Он узнал лица нескольких инженеров. Никто не разговаривал. Люди глядели в пол. Промежутки между разрывами уже удлинялись, и после пятиминутного затишья Граф решил выйти и разыскать Карин.

В ярком свете луны было видно, что здания администрации разрушены, так же как и конструкторский отдел и столовая, но аэродинамическая труба и телеметрические лаборатории не пострадали. Инженер миновал КПП и зашагал по дороге. Она была покрыта чистым белым песком, как если бы над островом пронесся шторм. Над головой все еще гудели самолеты. Мелкие обломки обшивки, осколки бомб и пули валялись, точно градины, на дороге и среди деревьев. «Ланкастер» с горящим двигателем пролетел совсем низко и исчез где-то над морем. Один склад ракет в производственном секторе был объят пламенем. Но самые серьезные разрушения, судя по всему, пришлись на жилой сектор. Многие дома и лагерь для военнопленных были в огне. Несколько сот узников в полосатых пижамах сидели в поле

близ дороги, положив руки на голову, под охраной эсэсовцев с автоматами.

Дойдя до квартала, где размещалась Карин, он понял, что она наверняка погибла. Большая гостиница стояла без окон, без крыши, полностью выпотрошенная. Вдоль мостовой рядком лежали трупы, некоторые сильно обгоревшие. Он заставил себя посмотреть на лица, но никого не узнал. Может, она все-таки жива? Вокруг бродили люди.

— Вы не видели Карин Хан? Кто-нибудь видел Карин Хан?

Граф стоял, уперев руки в бока, и пытался сообразить, что она могла делать, когда начали падать бомбы, куда могла пойти. Потом двинулся обратно к жилому кварталу.

— Я ищу доктора Тиля. Кто знает, цела ли семья доктора Тиля?

Он нашел их спустя десять минут лежащими в вестибюле школы. Как выяснилось позже, в их дом было прямое попадание. На месте вырытой в земле щели, где прятались жильцы, зияла воронка. Люди оказались заживо похоронены в рыхлом песке. Без очков Тиль был не похож на себя, но, в отличие от трупов в женском лагере, хотя бы выглядел спокойным и неискалеченным. Так же,

как Марта Тиль и их дети, Зигрид и Зигфрид. Так же, как лежащая чуть поодаль, немного повернув вбок голову в столь хорошо знакомом ему жесте удивления, Карин.

Машина остановилась у КПП перед въездом на улицу Вассенар, не заглушив двигателя. Эсэсовец посветил фонариком в лица, потом в удостоверения. Вернув документы, подмигнул:

— Желаю приятного вечера.

Другой караульный поднял шлагбаум.

Граф уже сожалел о затее и готов был отказаться от нее. Но Зайдель походил на взявшую след гончую. Он сидел на краю сиденья, наклонившись над рулевым колесом, и напряженно всматривался в неразмеченную мощеную дорогу. Подъезжая к очередному дому, лейтенант притормаживал и быстро оглядывал его.

— При затемнении так легко ошибиться, — приговаривал он.

Тянущиеся чередой дома за воротами и разросшимися живыми изгородями казались похожими друг на друга: безмолвные, темные, пустые. На самом деле они не были одинаковыми — некоторые построены в деревенском стиле, некоторые в современном; встречались пышные, настоящий Версаль в миниатюре. Тут сосредоточен

огромный капитал, подумал Граф. Деньги вкладывались сюда десятилетиями, если не веками.

— Удивительно, что эти дома не разграблены, — заметил он.

— Не надейтесь. У одного из моих людей нашли спрятанного под матрасом Вермеера. Долбаного Вермеера, ей-богу! Парня отправили в штрафной батальон, на Восточный фронт.

— Разве это не смертный приговор?

— Практически одно и то же. Дисциплина, мой дорогой Граф. Дисциплина! Армия строго следит за сохранностью местной собственности, менее строго — за сохранностью местного населения. Ага, прибыли!

Он повернул руль, и они съехали на гравийную дорожку. Дом, насколько мог разглядеть Граф в приглушенном свете фар, был построен в девятнадцатом веке: квадратный, трехэтажный, во французском стиле, со ставнями и высокой крышей. Возле парадного стояла пара штабных машин. У входа намело кучи палой листвы. Окна были затемнены, и когда Зайдель выключил двигатель, воцарилась мертвая тишина.

— Вы уверены, что это то место?

— Конечно. Еще не передумали?

— С чего бы?

Граф поднялся за лейтенантом на крыльцо. Зайдель позвонил и, не дожидаясь ответа, толкнул тяжелую дверь. Они вошли в просторный вестибюль, залитый тусклым светом ламп в красных абажурах. Прямо перед ними лежала лестница. По обеим стенам коридора имелись двери. Где-то тихо играла музыка. Граф спохватился: а достаточно ли при нем денег?

— Сколько это стоит, кстати?

— Сотня. И чаевые для девушки. Или девушек.

Одна из дверей отворилась, вышла женщина: лет за сорок, полная, темноволосая. Усыпанные веснушками груди распирали низкий вырез бархатного платья. Граф галантно снял шляпу. Женщина узнала Зайделя или сделала вид — и протянула руки:

— Лейтенант! Рада видеть вас снова! Поцелуйчик для мадам Ильзы.

Ее немецкий был густо приправлен восточноевропейским акцентом, но какой именно страны, Граф не смог определить. Она подставила лицо Зайделю, тот чмокнул в каждую щеку, как будто имел дело со своей тетей.

— А это у нас кто?

— Мой друг, доктор.

— Доктор! Позвольте ваш плащ, — обратилась

она к Графу.

Он расстегнул плащ и отдал его вместе со шляпой. Зайдель вручил ей фуражку. Женщина аккуратно повесила вещи на вешалку. Там, как заметил Граф, висели еще пять фуражек: три зеленые вермахтовские и две черные эсэсовские. И кожаное пальто.

— Ну же, проходите!

Она проводила посетителей через дверь в бар. Густая пелена сигаретного дыма неподвижно висела в красноватом полумраке. Из граммофона звучала сентиментальная песенка Мими Тома. Четверо или пятеро мужчин вальяжно восседали в удобных креслах, вытянув ноги в сапогах и расстегнув кители, и курили. Пара девушек пристроилась на подлокотниках их кресел. Эсэсовец на диване, похоже, отключился, обняв двух женщин и уронив голову на грудь. Женщины перешептывались поверх его затылка. У стойки бара сгрудились девицы. Официантка, голая по пояс, держала поднос с пустыми стаканами. Ильза увлекла новых гостей в темный угол, где стояли два развернутых друг к другу кресла, и поманила официантку.

— Что будете пить?

— Коньяк у вас есть? — спросил Зайдель.

— Ну разумеется, у нас есть коньяк. — Вопрос, казалось, оскорбил ее.

— Вот видите, — обратился лейтенант к инженеру. — Мы правильно сделали, что приехали.

— Коньяк, — распорядилась Ильза.

Официантка удалилась.

— Успели осмотреться? Нашли кого-нибудь по вкусу?

Граф обвел взглядом комнату. Разглядеть девушек за стойкой не получалось.

— Та рыженькая, Марта, еще здесь? — осведомился Зайдель.

— Проверю, свободна ли она, — ответила Ильза и обратилась к Графу: — А что предпочитает ваш друг?

Инженер, напрягая глаза, смотрел в сторону бара.

— Мне блондинку. Молодую. Относительно миниатюрную.

— А вы педант, Граф. — Зайдель рассмеялся. — Еще размер обуви укажите!

Мадам понимающе кивнула:

— Кажется, у меня есть идеально подходящая девушка.

Она пошла к бару. Зайдель достал пачку сигарет, угостил Графа. Подали коньяк. Граф выпил

залпом и подставил бокал для новой порции. Они откинулись в креслах. Лейтенант закрыл глаза, отбивая указательным пальцем ритм музыки. Он начал подпевать Мими Тома: «Спи, милый, усни, пусть тебе снится сказочный сон…»

Ильза вернулась с высокой молодой женщиной, обладательницей волнистых, медного цвета волос, сделавшей вид, что рада встрече с Зайделем. За ней следовала девушка в облегающем красном сатиновом платье без рукавов; рядом с товаркой она выглядела миниатюрной, как куколка. Алая помада и густая тушь преобразили ее почти до неузнаваемости. Стоило ей увидеть Графа, как профессиональная улыбка сошла с лица. Она резко остановилась и чуть откачнулась на высоких каблуках. Марта уселась Зайделю на колени и обняла за шею. Ильза положила блондинке руку на плечи и направила, как мать, представляющая гостям свое дитя.

— Это Фемке.

Граф встал.

— Смотри, какой он вежливый, милочка, — прошептала мадам ей на ухо. — Настоящий джентльмен! Видишь, как он на тебя смотрит? Уж поверь, ты ему нравишься. Почему бы тебе не проводить его наверх?

Девушка колебалась. Ильза с силой подтолкнула ее:

— Ну же, милочка.

Медленно, неохотно, глядя поверх плеча Графа, Фемке протянула руку. Он взял ее — в холодных тонких пальчиках не было силы — и пошел из бара в пустой вестибюль. Как только они скрылись от остальных, девушка рывком высвободила руку и повернулась к нему, прижавшись спиной к стене.

— В чем дело? — тихо спросила она по-немецки. — Вы из гестапо?

— Нет.

— Вы одеты как они.

— Ничего подобного.

— Где ваш мундир?

— У меня нет мундира. Я инженер.

— Если не из гестапо, то что вам нужно? — Она говорила почти раздраженно, как будто он отвлекал ее от важных дел.

— Вы меня спрашиваете? — Он показал отметину от ее зубов на своем большом пальце. — Как думаете, что мне нужно? Хочу поговорить.

Она открыла рот, чтобы ответить. Наверху хлопнула дверь. Оба подняли глаза. На лестнице раздались тяжелые шаги. Спускался мужчина.

Показалась пара высоких сапог, затем черные брюки, затем весь офицер СС, застегивающий на объемистом животе китель. Сойдя с лестницы, он остановился и оглядел свое отражение в зеркале, пригладил волосы. Повернулся, увидел пару, дружелюбно кивнул Графу и направился мимо, в бар. Фемке не шевелилась, ждала, когда он скроется. Потом бросила взгляд на инженера и начала подниматься по ступенькам. Дойдя до середины марша, перегнулась через перила:

— Ну?

Граф поравнялся с девушкой, и та пошла перед ним дальше: тонкая, прямая, почти асексуальная фигура в красном платье, старательно балансирующая на высоких черных каблуках. Вдоль лестницы висели портреты восемнадцатого века. Преуспевающие бюргеры смотрели с осуждением. На площадке стоял стол с римским бюстом. Фемке обогнула его и поднялась по другой, узкой лестнице на третий этаж. Она распахнула дверь и отошла в сторону, пропуская Графа. В комнате горели свечи, навевая соблазн. Девушка включила верхний свет, разрушив эффект, потом закрыла дверь и привалилась к ней спиной. Ее слегка трясло. Заметив, что гость это видит, девушка обхватила себя руками, чтобы замаскировать

дрожь.

— Ну, что дальше? Трахаться будем или как?

Она выглядела такой юной, такой крошечной и яростной, что его разбирал смех.

— Нет, не переживайте. Без обид, но я не хочу.

Он вдруг почувствовал себя страшно уставшим и изрядно пьяным. Пересек комнату и присел на край постели. Из соседней комнаты доносился скрип пружин и ритмичный стук изголовья кровати о стену. Вскрикнула женщина. Он закинул ноги на матрас и вытянулся во весь рост. Матрас был намного мягче, чем на его койке в Схевенингене. Комната кружилась перед глазами. Инженер снова смежил веки. Слышно было, как девушка ходит вокруг. Когда он открыл глаза, та стояла над ним, прижав кухонный нож к его горлу.

— Если хотите на меня донести, я запросто могу вас прикончить — по крайней мере, захвачу с собой одного проклятого боша.

— Если бы я хотел на вас донести, то давно бы уже это сделал. Уберите нож. — Он опять закрыл глаза. Ощущение было как тогда в Пенемюнде перед авианалетом: отрешенность от мира, словно течение несло его над холодной пучиной. Спустя какое-то время послышались удаляющиеся

шаги, потом звуки выдвигаемого и задвигаемого ящика.

— Сколько вам лет?

— Восемнадцать, — прозвучало после паузы.

— Что вы делали в лесу сегодня утром?

— Ночью услышала взрыв. Хотелось посмотреть при свете дня.

— Ну и?..

— Мне было любопытно. Солдаты ушли.

Граф открыл глаза и приподнялся на локте. Она стояла, прислонившись спиной к туалетному столику, и смотрела на него.

— Фемке, да? Это голландское имя? — (Ответа не последовало.) — Нужно иметь очень сильный интерес, чтобы пойти на риск расстрела. Вы не кажетесь настолько глупой, так что я не готов вам поверить.

Девушка сердито уставилась в пол.

Инженер вяло перекатился и спустил ноги на ковер. Оглядел комнату. Она походила на капсулу времени из другого мира. Маленькое кресло в розовом чехле. Розовые шторы. Обои с пуделями в розовых ленточках — собачки прыгают, играют, стоят на задних лапах. Он подошел к шкафу, открыл его и ощупал ее вещи. Там висел миниатюрный жакет, внизу аккуратным рядком

выстроились туфли, сапоги для верховой езды, балетные тапочки. Граф закрыл шкаф, направился к комоду и стал выдвигать ящики: блузки, чулки, белье. Оставив ящики открытыми, опустился на колени и заглянул под кровать. Ничего. Он встал. Указал на туалетный столик:

— Отойдите, пожалуйста.

Девушка колебалась. Граф положил руки на худые плечи и бережно отвел ее в сторону. Она наблюдала, как он выдвигает ящик. Кроме ножа и пачки изготовленных по заказу вермахта презервативов «Вулкан Санекс», обнаружился аккуратный газетный сверток с полудюжиной обломков двигателя «Фау–2»: каждый размером не больше ее кулачка и обожжен. Он узнал части турбинного насоса, охладительного сопла камеры сгорания, предохранительного клапана бака со спиртом…

— На кой черт вам это все понадобилось?

— Мне было интересно.

— Ой, да ладно! Скажите правду!

Она пожала плечами:

— Подумала, смогу продать их кому-нибудь.

— Кому? Англичанам? Да они каждый день собирают этот хлам на улицах Лондона.

— А кто говорил про англичан?

— Вы ведь из Сопротивления, верно?

Девушка отвела глаза, не говоря ни слова.

— Вам поручают слушать болтовню подвыпивших офицеров-ракетчиков? Разговоры в постели? Передавать своим, что услышали?

Слабый стук кровати участился. На этот раз женщина взвизгнула. Стук внезапно прекратился.

«Милостивый боже! — подумал Граф. — Что с нами стало?»

Он принялся рассовывать обломки по карманам:

— Я их заберу. Если вас с ними схватят, это расстрел, без вариантов.

— Вам-то какое дело?

Граф закрыл ящик. Руки были испачканы сажей, карманы оттопырены.

— Что вы хотите знать? — спросил он резко. — Я могу рассказать кое-что действительно полезное, если хотите. Эти ракеты ненадежны — на сегодняшний день у нас один сбой на десять запусков. Но настоящая проблема — нехватка жидкого кислорода. Наш главный завод во Франции захвачен. В Германии семь заводов, они производят двести тонн в день, этого хватает на двадцать пять боевых запусков. Передайте вашим британским

друзьям: если они хотят прекратить обстрелы, пусть не пытаются бомбить стартовые позиции, а сосредоточат усилия на заводах по производству жидкого кислорода и железных дорогах.

— Вы чокнутый или как? — Фемке хмуро смотрела на него.

Граф направился к двери, но она преградила путь:

— Если уйдете слишком рано, это вызовет подозрения.

— Хорошо.

Граф снова улегся на кровать, девушка села в кресло. Несколько минут оба молчали. К его удивлению, первой заговорила она:

— Мы думали, что Германия проиграла войну. Но появились ракеты, и все началось сначала. Что это означает? Вы снова побеждаете?

— Нет, мы терпим поражение.

— И когда же конец?

— Скоро. Может, в следующем году. Вы давно в Вассенаре?

— Три месяца.

— А раньше где были?

— В лагере. За кражу.

— Откуда родом?

— Гронинге.

— Это на севере?

Фемке кивнула.

— Может, вернетесь туда? Я найму машину. Спрячетесь в багажнике. — Еще не договорив, Граф понял, что идея нелепа.

Девушка покачала головой:

— Слишком далеко.

В соседней комнате послышалось движение. Открылась и с силой захлопнулась дверь. Раздался топот удаляющихся по коридору мужских ног.

— Мне нужно посмотреть, все ли с ней в порядке. А вам теперь можно уходить.

На пороге Граф достал бумажник и отсчитал двести марок.

Фемке замотала головой:

— Ильзе заплатите.

— Нет, это вам.

— Я ничего не сделала. — Девушка открыла дверь.

— Ну ладно… — Инженер постоял в нерешительности. — Тогда удачи.

Он вернул деньги в кошелек и стал спускаться по лестнице.

Глава 12

К чести будильника, подаренного матерью в день, когда Кей вступила в ряды ВААФ, тому всегда удавалось разбудить ее, как бы ни был крепок сон. У него был громкий, пронзительный звонок, будто дрель вставили в ухо.

Девушка пошарила рукой по незнакомой поверхности, нашла будильник и нажала кнопку. В наступившей благословенной тишине поднесла люминесцентный циферблат к лицу. Половина седьмого.

Кей снова откинулась на жидкую подушку. В комнате было совершенно темно. Она не сразу вспомнила, что находится не в Англии перед началом смены, а в Бельгии, почти на передовой. Девушка выбралась из-под одеяла и ощупью нашла на стене выключатель. Яркий свет заставил ее прищуриться. Она набросила поверх ночной сорочки шинель и взяла банную сумочку. Осторожно открыла дверь, прислушалась. В доме было тихо. Кей на цыпочках стала пробираться по холодному как лед полу коридора к ванной.

Она слишком боялась опоздать, чтобы тянуть

с обычным утренним ритуалом. К тому же было очень холодно. Кей ополоснула студеной водой лицо, почистила зубы и так яростно прошлась по волосам гребнем, что показалось, будто на коже выступила кровь. Вернувшись в комнату, она принялась онемевшими пальцами застегивать задубевшую, как от крахмала, одежду и завязывать галстук. Закончив одеваться, Кей заправила постель и изучила карту в свете лампы. Маршрут казался сложным еще накануне вечером, когда его чертили Вермюлены, а теперь и вовсе не поддавался расшифровке. Как найти дорогу через затемненные улицы, если у нее даже фонарика нет?

Кей шла по коридору, вытянув перед собой руки, словно лунатик. На ее счастье, тонкий лучик пробивался снизу сквозь лестницу — он помог спуститься по ступенькам. А оказавшись внизу, она заметила полоску света между кухонной дверью и косяком.

Грелся чайник. У плиты стоял Арно, в той же уличной одежде, что накануне. Когда Кей вошла, он распрямился и улыбнулся:

– *Bonjour, mademoiselle. Voudriez-vous du thé que*

vous nous avez donné?[30]

Ей кое-как удалось выудить из скудного запаса французских слов ответ:

— Спасибо, но, боюсь, у меня нет времени для чая. Можете указать мне верное направление по этой улице?

— Даже больше — я сам вас провожу.

Девушка замялась. В Медменхеме их учили не показывать посторонним место своей службы. Но Кей не видела в этом предложении никакого вреда, да и сомневалась, что сумеет добраться без посторонней помощи.

— Вы уверены?

— Настаиваю. Здесь комендантский час, но нас никто не остановит благодаря вашему мундиру. Так что времени для чая у нас более чем достаточно.

— И все же я бы предпочла отправиться прямо сейчас. Если не возражаете.

— Как угодно. — Арно пожал плечами, снял чайник с плиты и отпер дверь черного хода.

Вымощенная кирпичом дорожка, скользкая от инея, тянулась вдоль стены дома. Светила луна, кое-где проглядывали звезды — света хватало,

---

[30] Примечания: 30

Добрый день, мадемуазель. Не желаете ли чая, который мы приготовили? *(фр.)*

чтобы обрисовать контуры садовой ограды и облачков пара, вырывающихся у Кей изо рта. Арно, прихрамывая, зашел вперед и открыл калитку. За ней слабо поблескивала мостовая. Он запер калитку и указал налево:

— Нам туда.

Объятый темнотой, безмолвный, средневековый Мехелен был чужим — в том смысле, какой ей трудно было определить. Воздух пах как-то иначе, чем в Англии, непривычными были извилистые улицы и высокие дома с террасами. Кей старалась запоминать дорогу, чтобы впредь добираться самостоятельно. Налево, направо, налево… Зигзагами они продвигались по спящему городу.

— Вы всегда встаете так рано? — спросила она не столько из интереса, сколько из ощущения, что невежливо было бы не поддержать разговор.

— Да, частенько.

— Работаете?

— Разумеется.

— Где?

— О, в разных местах. Иногда на мебельной фабрике. Иногда в пивоварне, когда есть солод и хмель. Иногда баржи разгружаю. Рабочих рук мало. Большинство молодых людей угнали на ра-

боту в Германию. Меня спасла моя нога. — Арно посмотрел на девушку. — *Ma bénédiction est ma malédiction.* — Он повторил это на английском, как будто гордился поэтичностью фразы. — Мое благословение суть мое проклятье.

— Где вы получили инвалидность, не будет невежливо спросить?

— Ничуть. У меня в детстве был полиомиелит. Калека с рождения, так говорят.

— Не повезло. Сожалею. — У Кей снова возникло подозрение, что она ведет себя бестактно. И все равно не смогла удержаться: — Печально было узнать про вашего брата.

— К чему грустить? Нет нужды расстраиваться из-за того, в чем вы не виноваты.

Они вышли на широкую улицу с магазинами по обе стороны. Мужчина открывал ставни на окнах пекарни. Слышался дрожжевой запах свежего хлеба. Арно погладил себя по животу:

— У меня от этого аппетит просыпается.

— Часто голодны?

— Всегда!

В конце улицы стояло большое здание с колоннами и сводчатой стеклянной крышей, напомнившее Кей большие железнодорожные вокзалы Викторианской эпохи.

— Срежем тут, так будет быстрее, — сказал Арно.

Огромное пустое пространство слабо освещали лунные лучи, проходящие через стеклянную кровлю. На чугунных балках всполошились голуби, и у Кей екнуло сердце. Она порадовалась, что не одна здесь.

— Что это за место?

— Продуктовый рынок. Конечно, когда есть продукты.

Они вышли с другого конца строения, и парень небрежно заметил:

— На прошлой неделе я видел у канала фургоны с радарами.

— Неужели? — Кей сразу насторожилась.

— Вы там работаете? На радарах?

— Я же сказала вчера: мне запрещено это обсуждать.

— Простите. Не думал, что это так секретно. Вот видите — теперь мой черед извиняться.

Он проговорил это с обидой и ускорил шаг; больная нога выписывала яростную амплитуду, могучие плечи качались из стороны в сторону. Девушка старательно держалась позади, чтобы избежать дальнейших разговоров. Лишь когда они подошли к мосту через реку и впереди зама-

ячили шпили-близнецы, сказала:

— Спасибо, Арно, все отлично. Теперь я сама дойду.

Он остановился у воды:

— Уверены? Вам нужно пройти до Брюссель-порта, а потом свернуть направо. Штаб бошей на этой стороне дороги.

— Я помню.

— Когда вы заканчиваете? Если хотите, я могу встретить вас и проводить обратно.

— Нет нужды. Мне кажется, я теперь сама найду путь.

— Ну хорошо. — Арно протянул руку, и Кей приняла ее.

Он, как в прошлый раз, поцеловал тыльную сторону ее кисти.

– *Au revoir*, — сказала Кей. — *Et merci*[31].

Она пошла дальше, но спустя полминуты оглянулась. В медленно отступающей тьме парень все еще смотрел на нее с моста. Девушка вскинула руку. Арно помахал в ответ, повернулся и исчез среди улиц. Кей ускорила шаг, обогнула старинные городские ворота и вышла на большую дорогу. Мимо проехал армейский грузовик,

---

[31] Примечания: 31
До свидания. И спасибо *(фр.)*.

над задним бортом виднелись головы и плечи солдат. Один из них восхищенно присвистнул. Кей втянула голову.

До здания банка было пять минут ходьбы, но, добравшись, она обнаружила, что дверь закрыта. Кей перешла через дорогу к штабу, где горели огни, и постучала. Не дождавшись отклика, вошла. Соблазнительно пахло жареным беконом. Наверху в столовой двое лейтенантов из разведслужбы наливали чай из бака. Рядом на тарелке высилась горка сэндвичей с беконом.

— Чая? — Лейтенант настоял, чтобы Кей приняла из его рук чашку.

Другой подал бутерброд.

— Вы из команды вычислителей?

— Верно.

— Сэнди Ломакс.

— Билл Даффилд.

— Кей Кейтон-Уолш.

Примостив чашки на тарелках, они обменялись неловкими рукопожатиями.

— Почему бы вам не присоединиться к нам? — сказал Билл, обладатель йоркширского акцента.

Они заняли дальний от входа столик. Видимо, прибыла колонна — комната стала наполняться зевающими, трущими глаза офицерами. Винг-

коммандер Ноузли просунул в дверь голову, высматривая кого-то, и исчез.

— Когда приехали? — спросила Кей.

— В шрету. Проштите… — Сэнди прикрыл рот ладонью и прожевал. — В среду. А вы?

— Вчера.

Девушка подержала сэндвич обеими руками, предвкушая удовольствие, потом вонзила в него зубы. И впрямь показалось, что ничего вкуснее она в жизни не едала. Салфеток не было; Кей постаралась незаметно стереть с подбородка жир тыльной стороной кисти.

Билл наблюдал за ней.

— Проголодались?

— Жутко.

— Ни при каких обстоятельствах не прикасайтесь к местной еде.

— Почему?

— Похоже, тут удобряют почву человеческими испражнениями — простите за грубость. Несколько человек уже подхватили какую-то гадость, почти не слезают с толчка. Ешьте консервы. И не пейте из-под крана, только из бутылок. В некоторых городах немцы отравили воду.

— Ладно. — Кей доела сэндвич и покосилась на раздаточное блюдо — не будет ли наглостью

сходить за вторым? Но разговор удерживал ее на месте.

Дверь с шумом распахнулась, и в зал ворвалась Барбара Колвилл:

— Ой, слава богу! Я уже думала, что опоздала! Доброе утро всем! Пахнет аппетитно. — Она бросила на столик логарифмическую линейку с таблицами и направилась к баку с чаем.

Кей с упавшим сердцем посмотрела на линейку. Сэнди предложил ей сигарету, но она помотала головой:

— Нет, спасибо.

Лейтенанты закурили.

Вернулась Барбара с сэндвичем и чаем и уселась напротив Кей, продолжавшей смотреть на линейку.

— Что это с тобой? — спросила Барбара.

— Какая я дура! Так боялась опоздать, что оставила их в квартире.

— А, не переживай! Запасных тут в избытке. — Барбара откусила от бутерброда. — Как тебе берлога?

— Спартанская. А твоя?

— Мне, выходит, жуть как повезло. Живу у вдовы, вообразившей себя моей матушкой. Она для меня овощной пирог испекла.

— Надеюсь, вы его не ели, — сказал Билл.

— Это почему?

— До Билла дошли кое-какие слухи насчет местной еды. — Кей представила лейтенантов Барбаре.

Пока Билл повторял тошнотворные предупреждения, а Барбара изображала положенный случаю ужас, Кей потягивала чай и кляла себя за расхлябанность. Представляла, как Дороти Гаррод шепчет ей на ухо, точно в первые дни в Дейнсфилд-Хаусе: «Сконцентрируйся, дорогая. Сконцентрируйся!»

Барбара взяла у Сэнди сигарету и наклонилась к горящей спичке. Кей заметила, как она прикоснулась к его руке. Барбара откинулась на спинку стула и выпустила дым через ноздри. Открылась дверь, и вошла флайт-офицер Ситуэлл в сопровождении майора с кавалерийскими усами. Трое курильщиков мигом затушили окурки в пепельнице. Все встали и отдали честь.

— Ну хорошо, — произнес майор. — Пора начинать шоу.

Ситуэлл неодобрительно посмотрела на дымящуюся пепельницу, потом на Кей и Барбару:

— Доброе утро, леди.

— Мэм.

— Приступайте по готовности.

Все шестеро вышли из столовой и спустились на улицу. Светало. Появились немногочисленные пешеходы, идущие на работу. В банке напротив теперь горели окна. Часовой занял пост у дверей штаба.

Они предъявили пропуска и вошли. Две группы разделились, пожелав друг другу удачи. Лейтенанты вслед за майором пересекли вестибюль по направлению к черному ходу, через который, надо полагать, можно было попасть на лужайку за банком, где стояли фургоны с радарами. Следуя за Ситуэлл, Кей и Барбара свернули направо, прошли через стойку и спустились в подвал. Ноузли сидел за столом и говорил по телефону. Рядом с ним расположился капрал-связист. В другом конце зала трое сержантов из ВААФ уже стояли у досок. Кей и Барбара заняли свои прежние места в центре. Кей с облегчением выдохнула, увидев, что для них уже положили линейки, логарифмические таблицы, карандаши и блокноты. Она сняла шинель и повесила на спинку стула.

Ситуэлл встала перед грифельной доской. Старомодные вокзальные часы за ней показывали без двух минут восемь.

— Все, что нам теперь нужно, — это «Фау-

два», — объявила флайт-офицер. — Пока ждем, тренируемся. Давайте посмотрим, сколь много вы успели забыть.

Она повернулась и быстро зачеркала мелом по доске.

С течением утра в подвале становилось все оживленнее. Входили и выходили сержанты из Женской вспомогательной службы. Мотоциклисты доставляли донесения. Полковник из разведки, в безукоризненном мундире, с выправкой гвардейца, побеседовал с Ноузли, потом прошелся по залу. Проверил карты, телефоны, посмотрел на часы, посидел в углу пять минут и наконец вышел. Ноузли присел на край центрального стола, понаблюдал, как Кей и Барбара орудуют линейками, шуршат листами логарифмических таблиц и заполняют столбцами вычислений один лист за другим. Ситуэлл засекала время по секундомеру. Семь минут двадцать секунд — плохо. Шесть минут пятнадцать секунд — лучше. Пять минут сорок две секунды — это уже на что-то похоже. Винг-коммандер раскурил трубку, над картами поплыли ядовитые облачка синеватого дыма. Его нога нервно стучала о ножку стола.

За несколько минут до десяти Ситуэлл объяви-

ла перерыв.

— Уборная наверху. Если кому нужно, идите, но по одной. Не задерживаться, из здания не выходить.

— Пойдешь? — спросила Барбара.

— Мне не к спеху. Иди первой.

Барбара побежала по ступенькам. Кей встала, потянулась, повращала головой. В комнате было очень тихо, слышалось только тиканье часов. Вид у Ноузли был задумчивый.

— Что-то тянут они сегодня, — сказал он. — Обычно к этому времени уже бывали запуски.

— В запусках не наблюдается расписания, сэр?

— Никакого. Иногда между ними проходит три или четыре часа. Иногда взлетают две ракеты, практически одновременно.

Он пососал мундштук трубки и осмотрел чашечку. Кей сообразила: офицер болтает, чтобы разрядить нервы, заполнить паузу.

— Не понимаю, есть ли в их действиях тактический умысел. Возможно, немцы сталкиваются с кучей технических проблем и стреляют просто по готовности. — (Табак закончился, трубка издала свистящий звук.) — Хотелось бы мне посмотреть на запуск.

— Вы серьезно?

— О да. Адское, должно быть, зрелище. А вам разве не хочется?

— Я как-то не задумывалась об этом.

— Странно. Вероятно, это чисто мужская психология. Фрейдизм и все такое.

Зазвонил телефон. Оба резко обернулись. Капрал-связист снял трубку, секунду слушал, потом прикрыл микрофон ладонью и выпалил:

— Есть запуск!

Затрещал электрический звонок. Прямо как в школе, подумалось Кей. Все бросились к своим местам. Сердце забилось чаще. Барбара сбежала по лестнице и плюхнулась на стул, скорчив Кей гримасу через стол:

— Чертовски типичная ситуация — все важное происходит именно тогда, когда у меня трусы спущены до колен.

— Тихо! — рявкнула Ситуэлл.

Кей замерла с занесенным над блокнотом карандашом. Шли секунды. Капрал напряженно слушал. Он вскинул руку, как стартер с флажком перед началом заезда на скачках:

— Контакт: азимут два шесть ноль; высота тридцать девять тысяч; скорость три восемь шесть два…

— Пошла, — пробормотал Ноузли.

— …контакт: азимут два шесть ноль, высота пятьдесят семь тысяч, скорость четыре ноль три восемь…

— Господи, ну и скорость у нее…

— По оси игрек что-нибудь есть? — спросила Ситуэлл.

Одна из сержантов что-то быстро записывала.

— Да, мэм.

— Контакт потерян, — доложил капрал.

— Вышла за пределы досягаемости, — сказал Ноузли. — Отлично. — Он покачал головой и выдохнул. — Теперь ждем.

Одна из сержантов сидела с трубкой у уха, на открытой линии со Стэнмором, держа в руке карандаш. Вторая стояла у крупномасштабной карты Лондона и Юго-Восточной Англии с коробкой булавок наготове.

В зале снова стало тихо. Шли минуты. Есть в этом что-то зловещее, подумалось Кей, холодным умом воображать, как ракета взлетает в космос, как спрямляется ее траектория. Высчитывать градус поворота, скорость спуска. Там, в Лондоне, ходят живые люди, как еще совсем недавно ходила она. Они проживают обычное утро вторника, погрузившись в планы и бытовые заботы, и совершенно не представляют, что формула пара-

болической кривой уже вынесла им приговор.

Кей посмотрела на лист бумаги перед собой, на карандашные цифры, обозначающие курс, высоту, скорость, позицию. Интегралы смерти. Вспомнилось, как она натягивала через голову одежду в Уорик-Корте, когда что-то в атмосфере вдруг переменилось, словно выкачали воздух, а потом раздался треск звукового барьера, похожий на шум железнодорожного экспресса крик подлетающей ракеты, и все это поглотил грохот рушащегося здания.

— Доклад о падении, — сообщила сержант ВААФ, дежурившая у телефона.

Ее голос вернул Кей в реальность. Еще пауза, потребовавшаяся операторам радара ПВО в Англии, чтобы сделать свои вычисления.

— Координаты по пеленгам: широта пятьдесят один запятая тридцать, три один запятая шесть один четыре шесть; долгота ноль, ноль, тридцать семь, запятая восемь семь девять два.

Сержант воткнула в карту красную булавку. Кей схватила логарифмическую линейку. Все мысли о происходящем в Лондоне исчезли. Ее удивляло собственное хладнокровие. Мозг раздвоился: одна половина сосредоточилась на предписанной процедуре, вторая следила за

правильностью расчетов. Окошко на линейке двигалось взад и вперед, успокаивая своей точностью. Мир сузился до чисел.

Спустя ровно шесть минут она подняла руку и подала блокнот через стол Барбаре. Ноузли и Ситуэлл теснились у Барбары за плечами, сверяя выполненные ею расчеты с вычислениями Кей.

Девушка вглядывалась в их лица. Теперь нервы дали знать о себе. Хотелось закурить. Минуту спустя Ситуэлл взяла блокнот, подошла к карте с Лондоном и участком Северного моря вплоть до побережья Голландии, отметила на ней расстояние.

— Широта пятьдесят два запятая семь, четыре запятая два семь ноль два. Долгота: четыре запятая один семь, пятьдесят два запятая три ноль девять восемь.

— Широта пятьдесят два запятая семь… — заговорила в трубку сержант ВААФ с четкой дикцией ведущего Би-би-си, спокойно и ясно передавая координаты по линии командованию авиации.

Барбара через стол улыбнулась Кей:

— Не переживай, дорогая, ты посчитала точно.

На базе ВВС Колтишелл, в девяти милях к северу от Норвича, четверо пилотов «спитфайров» из 602-й эскадрильи («Город Глазго»), просидев

несколько часов в кабинах машин, получили приказ на взлет. Это были самолеты шестнадцатой, новейшей модификации, только в этом месяце полученные с завода, специально сконструированные для истребительно-бомбардировочной авиации. Несколько дней эскадрилья выполняла высотные разведывательные полеты над Гаагой, осваивая шестнадцатые и отрабатывая бомбометание с пикирования. Приседая под весом двухсотпятидесятифунтовых бомб, по одной под каждым крылом, машины с ревом пробежали по полосе, оторвались от нее и скрылись в низких облаках. Двигаясь плотным строем, звено повернуло на восток, пересекло длинный песчаный пляж между Уоксхемом и Уинтертоном-он-Си и направилось через Северное море к лежащему в ста двадцати милях голландскому побережью. Координаты цели пилотам сообщили по радио из диспетчерской башни. Летя на крейсерской скорости — немногим более трехсот миль в час, — «спитфайры» должны были оказаться в заданном районе через двадцать пять минут.

Ситуэлл переместилась к крупномасштабной карте Гааги, тщательно сверилась с координатами и воткнула булавку в пробковую основу. Кей встала и подошла к карте посмотреть. Красная

головка — как капелька крови, подумалось ей, — находилась точно в середине Схевенингенского леса.

На столе капрала зазвонил телефон. Все смотрели, как его рука тянется к трубке. Он выслушал, кивнул, прикрыл микрофон ладонью:

— Снова запуск.

Глава 13

В касающейся Графа части запуск первой за этот день ракеты прошел безукоризненно. Через минуту после того, как она скрылась в облаках, персонал вылез из щелей и принялся сматывать электрические кабели. Машина управления пуском выбралась из окопа и задом подъехала к стартовой площадке. Позднее, оглядываясь на происшедшее, инженер готов был признать, что должной поспешности не было. Но поскольку прошло очень много времени после того, как солдаты видели вражеские самолеты — ябос, как их прозвали, сокращенное от *Jagdbomber,* то есть «истребитель-бомбардировщик», — такая расслабленность не вызывала удивления.

Из окна полугусеничного тягача высунулся сержант:

— Вас подбросить?

— Спасибо, но я собираюсь проверить взвод Шенка.

Подобно доктору, совершающему обход по адресам, Граф перемещался от ракеты к ракете. Метрах в пятистах к западу от первой старто-

вой площадки стояла «Фау–2», готовая к взлету. Случился очередной отказ трансформатора, это вызвало задержку запуска на два часа, пока не привезли деталь на замену. Сержант Шенк, ветеран Восточного фронта, оставивший отмороженные уши в полевом госпитале под Ленинградом, стоял подле ракеты. Приборный отсек был закрыт, бак с жидким кислородом сплошь в каплях конденсата. «Фау–2» была готова к старту.

— Хотите остаться и посмотреть? — спросил Шенк.

— Если вам без разницы, я бы пошел. Мне пора возвращаться на базу.

— Без проблем — вашей подписи достаточно. — Шенк протянул папку, чтобы Граф подтвердил выполнение ремонта. — Слышал, лейтенанта Штока и остальных похоронят завтра утром. Это должно быть целое событие.

Граф задумался, не содержит ли реплика скрытого упрека, но по огрубевшему лицу сержанта судить было трудно.

— Насколько понимаю, да. — Он подписал документ и вернул папку Шенку.

— Да, это же война. Некоторые парни совсем юнцы, материнское молоко на губах не обсохло.

— Ну, здесь никто не знаком с этой войной бли-

же, чем вы, сержант. — Графу хотелось избежать очередной порции воспоминаний Шенка про ужасы борьбы с русскими. — Еще увидимся.

— Непременно.

Инженер зашагал по дороге.

Утро выдалось тихое, холодное, серое. Он находился на том же самом отрезке дороги, по которому шел с Биваком в субботу утром. Она пересекала Схевенингенский лес с востока на запад, с видом на озеро. На ней не было ни души. Инженера радовало одиночество. Он замедлил шаг, чтобы понаслаждаться подольше. Сзади донесся рев запускаемого реактивного двигателя. Граф остановился и обернулся. Секундой позже ракета Шенка взмыла над деревьями.

— Ну же, тварь, наклоняйся, — пробормотал Граф.

Будто услышав, «Фау–2» накренилась, перейдя в более пологую траекторию за миг до того, как скрылась в облаках. Прекрасно: в ближайшие час или два новых запусков не будет. Он заметил обращенную к озеру скамейку и решил отдохнуть.

После вчерашней ночи все еще ощущалось похмелье. Смесь кюрасао, коньяка и воспоминаний о разговоре с девушкой в борделе подействовала на него тяжко. Неужто он в самом деле рассказал

ей о проценте неудачных запусков и дефиците жидкого кислорода? Граф снял шляпу и стер со лба пот тыльной стороной кисти. «Верно, я сошел с ума». Он дал себе зарок держаться подальше от публичного дома. Но образ Фемке так и стоял перед глазами. Когда ехали назад, Зайдель спросил:

— Забавная костлявая крошка. Что побудило вас ее выбрать?

— Сам не знаю. Видимо, напомнила мне кого-то — из прежней жизни.

Объяснение, похоже, удовлетворило лейтенанта.

— Логично. Каждому свое. Я вот всегда выбираю Марту — именно потому, что она мне никого не напоминает.

Граф закурил сигарету и вытянул ноги, положив руку на спинку скамьи. Благодаря пологому склону, уходящему к озеру, вид открывался превосходный. Было в зимнем озере нечто меланхоличное, отвечающее настроению. Инженер избавился от фрагментов сгоревшего реактивного двигателя, разбросав их в лесу. Он сознавал, что сделался соучастником Фемке. Его снова посетила мысль спасти ее, отвезти в родной город. Но их обязательно остановят. Наверняка в Сопротивлении есть кто-то способный приютить ее в Гааге.

Ведь имеется хороший шанс преодолеть такое короткое расстояние, да? Затея осуществимая. Может, все-таки вернуться к ней и предложить?

Он еще крутил идею в голове, когда со стороны города прилетел вой сирен воздушной тревоги.

Этого звука Граф не слышал уже несколько недель. Первой мыслью, как тогда в Пенемюнде, было, что это, скорее всего, учения. От палаточного лагеря технической обслуги его отделяли какие-то триста метров, но вместо того, чтобы побежать по дороге и укрыться в выкопанных на случай бомбежки траншеях, он остался сидеть на скамье, наблюдая за небом. По тому, что этим утром «Фау–2» скрылись из виду, едва начав крен, он предположил, что облачность высокая, может целых три тысячи метров. Опасно высокая, если подумать.

Внезапно на сером фоне возникли крошечные черные пятна, похожие на чернильные кляксы, и сразу послышалось далекое «пом-пом-пом» зенитных батарей, открывших огонь с позиций в Остдуйнене.

Граф вскочил на ноги.

Тактика бомбардировочных звеньев «спитфайров» была следующей: приближение на высоте порядка восьми тысяч футов, обнаружение цели,

переворот на спину и очень крутое, под углом семьдесят пять градусов, пикирование до высоты три тысячи футов; сброс бомб в почти вертикальном положении — ведущий сбрасывает первым, — а затем ручка на себя, полный газ и уход на высоту. Именно этот маневр отрабатывали пилоты шестьсот второй эскадрильи над Восточной Англией в минувшие несколько дней, и именно это зрелище наблюдал Граф тем ноябрьским утром. Четыре точки выпали из облаков на севере, двигаясь ровной линией; размеры пикирующих машин и производимый ими шум стремительно росли, вой двигателей достиг крещендо, приближаясь к земле. Отточенность маневра была такой идеальной, а рев знаменитых поршневых моторов «Роллс-Ройс Мерлин» так не похож на все слышанное прежде, что натура инженера заставила Графа прирасти к месту, даже когда от крыльев отделились бомбы. Лишь производимый ими свист пробудил в нем инстинкт опасности.

Граф растянулся во весь рост, вжавшись лицом в сырую траву и закрыв голову руками, как раз в тот момент, когда грохот разрывов раскатился над озером. Каждый взрыв вибрацией отдавался у него в животе. Граф чувствовал себя абсолютно

беззащитным, — казалось, бомбы подбираются все ближе. Их он насчитал восемь. Наконец замерло эхо последнего взрыва, но инженер пролежал еще с минуту, слушая, как удаляется гул «спитфайров», сопровождаемый стрекотом крупнокалиберных пулеметов.

Потом поднялся. Пелена черного дыма стояла над лесом на противоположной от озера стороне. Несколько тонких сосенок на берегу пылали от комля до верхушки, словно факелы.

Неужели это все? В Пенемюнде бомбардировка продолжалась немногим меньше часа, волна за волной. Прищурившись, он посмотрел на небо, но не увидел ничего, кроме нескольких облачков грязно-бурого дыма — следов разрывов зенитных снарядов, — и этот дым уже почти развеяло ветром.

Граф пошел по аллее. Когда он обогнул поворот, толпа людей в серых комбинезонах вывалила с боковой дорожки, ведущей к палаточному лагерю техников. Они пересекли аллею и стали смотреть через озеро. За спиной у них возник «кюбельваген» и засигналил, требуя расступиться. С переднего сиденья спустился полковник Хубер, потом с водительского места — лейтенант Кляйн. Бивак вышел через заднюю дверь. Послед-

ним появился оберштурмбанфюрер Дрекслер, с трудом протиснувшись в узкий проем. Хубер поднес к глазам бинокль.

Граф решал, стоит ли подойти к ним, когда Дрекслер заметил его и замахал:

— Доктор Граф, с вами все в порядке?

— Да, все хорошо. Кто-то пострадал?

— Это мы и намерены выяснить.

Хубер продолжал разглядывать пожар.

— На полкилометра ближе, и нас бы стерли с лица земли. — Он повернулся к Кляйну. — В том районе есть наши склады?

— Насколько я знаю, нет, герр полковник, — ответил лейтенант.

— Там никого не видно. — Хубер передал бинокль Дрекслеру. — Нужно съездить и убедиться. — Тут полковник заметил Графа. — Вы с нами.

Они забрались в «кюбельваген». Граф с трудом уместился на заднем сиденье рядом с Биваком. Ему показалось или офицер Национал-социалистического руководства вермахта действительно игнорирует его?

Кляйн, работавший до войны механиком, вел машину умело, но гнал, не обращая внимания на кочки. Граф вцепился в дверцу. Как раз перед КПП

с караулом эсэсовцев лейтенант резко повернул направо. Они съехали с дороги и покатили по травянистому склону к озеру.

Отсюда пожар был виден гораздо лучше. Языки оранжевого пламени ярко выделялись на фоне серого утра. По мере приближения к берегу стал слышен треск огня, пожирающего растительность. Ветер нес дым и пепел над водой. Бомбы упали не только на дальний берег озера, но и на островок близ него.

— Похоже, сбросили несколько зажигалок, — предположил Кляйн.

— Нет смысла выяснять, — проворчал Хубер. — Пусть себе догорает. Остановитесь.

Они вышли на берег и понаблюдали за пожаром с расстояния в сотню метров. До Графа дошла очередь посмотреть в бинокль. Он увидел глубокую воронку, как будто великан ткнул пальцем в землю. Повернувший в их сторону ветер нес с собой жар.

— Герр полковник, вряд ли там у нас что-то хранилось, — сказал Кляйн. — Иначе бы уже давно взорвалось.

Хубер кивнул:

— Нам повезло.

— Такое случалось раньше? — спросил Бивак.

— Никогда, — ответил Хубер. — Ябос разбомбили нашу старую площадку в Рийстербосе недель шесть тому назад, но уже после того, как мы перебазировались сюда.

Бивак нахмурил брови:

— Тогда почему это случилось сегодня?

— Кто знает?

— Возможно, патруль Королевских ВВС что-то заметил, — предположил Кляйн.

— Что он мог заметить? — возразил Хубер. — Ракеты доставляются сюда со станции только в темное время суток. Люфтваффе контролирует нашу маскировку с воздуха. Она безупречная — нас невозможно обнаружить.

Бивак достал один из своих блокнотов:

— За исключением момента пуска, верно?

— Верно. — Полковник раздраженно покосился на блокнот. — Но мы не производим стартов, если в радиусе пятидесяти километров замечен вражеский самолет.

— Тогда, быть может, наше местоположение выдал кто-то с земли? — Бивак посмотрел на Дрекслера.

— Этого не может быть, — отрезал эсэсовец. — Весь район оцеплен, местных давно отселили. На расстоянии по меньшей мере четырех километ-

ров отсюда нет ни одного голландца.

— Доктор Граф, какие ваши соображения?

— Мои? — Инженер удивленно посмотрел на Бивака. Его мысли вращались вокруг девушки из борделя. — Какие у меня могут быть соображения? Мое дело техника. К вопросам безопасности я не имею никакого отношения.

— Это может быть совпадением, — заметил Кляйн. — Обычный патруль решил избавиться от бомб, прежде чем лечь на обратный курс.

— По мне, это не очень похоже на совпадение, — заявил Бивак. — Скорее даже наоборот.

— Не будем сгущать краски, господа, — рассудил Хубер. — Ничего страшного не произошло. Англичанам удалось поразить только деревья! — Полковник сложил руки на груди и воззрился на столб дыма. — Давайте считать это происшествие тревожным звонком. Допускаю, что мы несколько расслабились. Подтянем дисциплину, добьемся эвакуации стартовой площадки в течение десяти минут после ухода ракеты. Почему бы нам…

Вой сирены оборвал его на полуслове. Мгновение все молчали, потом переглянулись.

— Еще одно совпадение? — с нажимом процедил Бивак.

— Та четверка не могла вернуться, — сказал Дрекслер. — Она уже сбросила бомбы. Должно быть, вторая волна.

— Или ложная тревога, — вставил Кляйн.

— В любом случае нам следует укрыться, — произнес Хубер. — Противник может использовать пожар в качестве ориентира при наведении на цель. — Он огляделся — на открытой местности спрятаться было негде. — Вернемся к техникам. И лучше поторопиться.

Они снова набились в «кюбельваген». Граф не успел захлопнуть дверь, а Кляйн уже врубил передачу. Машина дернулась назад, затормозила и, выбрасывая из-под колес комья грязи, рванула с места сразу в разворот. Когда она добралась по склону до дороги, уже слышалась трескотня зениток.

— Стоп! — приказал Хубер. Старый артиллерист навострил уши. — Это береговые батареи в Рейнсувере. Забудьте про лагерь техников, едем в штаб.

Кляйн повернул направо. Подъехав к КПП, он надавил основанием ладони на клаксон — сигналил, пока караульный не выбрался из щели и не поднял шлагбаум. Ведущее в город шоссе было пустым, автомобили брошены у обочин,

люди разбежались в поисках укрытия. «Кюбельваген» мчался на полной скорости мимо пустых гостевых домиков и гостиниц по направлению к морю. У отеля «Шмитт» Кляйн резко затормозил, пассажиров бросило вперед. Хубер вышел первым. Он стоял на мостовой и разглядывал небо в бинокль.

— Похоже, заходят на Вассенар. Где эти чертовы люфтваффе? — Полковник навел резкость. — Ага, летят!

В южной стороне, над крышами, Граф разглядел английские самолеты — снова четыре, — летящие со стороны моря и срывающиеся в почти отвесное пике. Рев мощных двигателей заглушал все другие звуки. Сверкающие цепочки трассирующих пуль метались на фоне облаков. Инженер заметил еще пару самолетов в небе выше ябос. Самолеты казались далекими и совсем не опасными — это как наблюдать за кружащими мухами. Гулкое эхо бомбовых разрывов перекрыло треск зениток. В окнах гостиницы зазвенели стекла. Граф снова поймал себя на том, что считает удары: общим числом восемь.

— Не спуститься ли нам в убежище? — задал вопрос Бивак.

— Нет необходимости, — сказал Хубер. — Бом-

бы уже сброшены.

— А вы уверены, что нет других самолетов?

— Эти всегда охотятся стаями по четыре, к тому же их явно интересуют наши стартовые площадки. Город им не нужен, иначе его уже разбомбили бы. Но если у вас, дорогой штурмшарфюрер, есть желание посидеть в подвале, извольте. Я иду в мой кабинет.

Полковник повернулся и направился в отель, в сопровождении Дрекслера и ухмыляющегося Кляйна. После недолгих колебаний Бивак поплелся за ними. Граф задержался на мостовой, решив понаблюдать. Он все еще слышал гул самолетов, хотя теперь не видел их. Зенитные орудия и пулеметы продолжали стрелять, но уже эпизодически.

Снова мысли обратились к Фемке и ее жалкой коллекции обломков. Едва ли она напрямую связана с сегодняшними событиями. Но откуда ему знать? Что, если Сопротивление передает информацию англичанам? Графу стало вдруг не по себе, его раздирали противоречивые чувства.

Кабинет полковника располагался на первом этаже, в задней части отеля, и когда Граф пришел туда, Хубер сидел за столом и разговаривал по телефону. За спиной у него висела фотография

фюрера в сером мундире, со сложенными руками и мрачным взглядом, направленным в камеру. Инженер не помнил, чтобы видел ее прежде, — уж не ради ли Бивака достали? Дрекслер тоже висел на телефоне, за столом в углу. Несколько младших офицеров вернулись из убежища. Бивак разглядывал крупномасштабную карту Гааги с отмеченными на ней пусковыми позициями полка: отслужившие свое отмечены зелеными булавками, нынешние — красными. Они тянулись от Хук-ван-Холланда и Лосдойнена на западе по побережью до Схевенингена, Хаагсе-Боса и Вассенара: свыше двадцати километров.

— Да, да, — говорил Хубер. — Хорошо. Ясно. Позвоните, когда еще что-нибудь узнаете. — Он положил трубку и подошел к карте. — Ну, похоже, нам снова повезло. Зайдель сообщает, что бомбы упали в лесу вот здесь, под Дойнреллом. — Его палец уперся в точку на карте. — Это примерно в километре от наших пусковых позиций. Что за чертову игру затеяли англичане?

— Разве это не очевидно? — спросил Бивак. — Наверняка они получают сведения от местного населения.

— Ну, если так, то эти сведения не слишком точные. Мы никогда не запускали из Дойнрелла.

Дрекслер закончил разговор по телефону и доложил:

— Патруль СС поймал мальчишку в лесу неподалеку. Говорит, что сын здешнего крестьянина. Его везут на допрос.

— Думаете, это он виноват? — буркнул Хубер. — Сын крестьянина? Маловероятно.

— Он находился в запретной зоне.

У полковника зазвонил телефон. Один из штабных офицеров снял трубку. Послушал секунду, потом вытянулся по стойке смирно:

— Да, герр группенфюрер. Я немедленно приглашу его. — Он передал трубку Хуберу. — Это группенфюрер Каммлер, герр полковник.

Температура в комнате словно подскочила на несколько градусов. Хубер смотрел на трубку так, будто ему протягивали ручную гранату с выдернутой чекой. Он оправил китель, подошел к столу и сел. Потом взял трубку и прикрыл микрофон рукой:

— Вас не затруднит выйти из комнаты?

Он дождался, когда все покинут кабинет. Уже в коридоре Граф услышал его слова: «Да, мой группенфюрер, Хубер у аппарата». Потом штабной офицер закрыл дверь. Кляйн бросил на Графа мрачный взгляд и чиркнул пальцем поперек

горла.

Они вышли в вестибюль. Кляйн развалился в кресле и закурил. Граф устроился на стуле рядом. Он не совсем понимал, почему находится здесь. Два эсэсовца отошли в угол и завели разговор вполголоса.

— Что все это значит, как думаете? — спросил Граф.

Он сошелся с Кляйном не так близко, как с другими, но знал этот тип людей: механикам общество машин ближе, чем человеческое. Поговаривали, что подчиненные любят лейтенанта.

— Ничего хорошего. — Кляйн смотрел на огонек сигареты. — Знаете Каммлера?

— Конечно.

— Тогда вы понимаете, что возможно все. Слышали, что случилось в Рейсе?

— Нет.

Кляйн перевел взгляд с кончика сигареты на Графа, и прошло какое-то время, прежде чем он заговорил.

— Наш полк там стоял недели три, пока шло сражение за Арнем. Каммлер вывел нас из Гааги на случай, если союзники ее возьмут. Это означало, что ракеты больше не доставали до Лондона, и тогда группенфюрер велел вместо столицы

обстреливать Восточную Англию. Когда он счел возможным вернуть нас в Гаагу, сказал, что обеспокоен нарушением режима секретности в Рейсе, ведь местные видели, чем мы занимались. — Лейтенант умолк и нахмурил брови. — Вы точно не слышали об этом раньше? Мне казалось, все знают.

Граф помотал головой.

Кляйн бросил взгляд на Бивака и Дрекслера, придвинулся и тихо продолжил:

— Каммлер приказал полковнику собрать все население в округе, а это человек пятьсот, и расстрелять. Вот точная цитата: «Вашим людям пора наконец увидеть, как течет кровь».

— Господи боже! И как поступил Хубер?

— Проигнорировал приказ. В ту же ночь мы снялись и прибыли сюда под покровом темноты. На следующий день Королевские ВВС бомбили леса под Рейсом. Так что, возможно, местные все-таки сдавали нас. Кто знает?

— Что сказал на это Каммлер?

— Ни слова, насколько мне известно. Может, просто напрочь забыл — вы же его знаете, мечется от одного безумного проекта к другому. Но должно быть, неспроста мандражирует полковник, имея дело с эсэсовцами, а с нашим приятелем

из Национал-социалистического руководства в особенности.

Граф украдкой глянул на Бивака. Тот по-прежнему доказывал что-то Дрекслеру, воздев для важности палец. Кляйн резко затушил сигарету и качнул головой. В коридоре появился Хубер. Оба вскочили.

Полковник нерешительно тер ладони.

— Дрекслер, Бивак, группенфюрер желает с вами поговорить. Он еще на линии.

Двое эсэсовцев сорвались с места. Хубер дождался, когда они затворят дверь кабинета.

— Так, господа. Выходит, что группенфюрер в Голландии. Сейчас он в Хеллендорне, инспектирует Пятисотую.

— А… — презрительно буркнул Кляйн. — Своих любимчиков.

SS-Werfer-Abteilung 500, ракетная батарея № 500 войск СС, была создана в качестве соперника вермахтовским частям «Фау–2», дабы показать армейским, «как надо работать». Но до сих пор, к вящей досаде Каммлера, не успела догнать их по числу ежедневных запусков.

— Группенфюрер намерен приехать к нам и лично разобраться в ситуации, — продолжил Хубер. — Завтра он обратится на похоронах к лич-

ному составу — для поднятия боевого духа, как он изволил выразиться. Конечно, это идея Бивака. И что должно быть интересно для вас, доктор, в свете нашего разговора, состоявшегося позавчера за ужином: с ним едет профессор фон Браун.

Глава 14

В бывшем банковском хранилище несколько часов прошли спокойно.

Винг-коммандер Ноузли поднялся наверх. Флайт-офицер Ситуэлл писала в Министерство авиации рапорт о событиях этого утра. Сержанты ВААФ и капрал-связист тупо пялились перед собой. Барбара клевала носом. Время от времени она поднимала голову и озиралась, не заметил ли кто, и почти сразу снова проваливалась в дрему. Последний расчет она выполнила за шесть с половиной минут, немного опередив Кей, и, когда подтвердилась правильность результата, она потрясла над головой сцепленными в победном боксерском салюте руками.

Кей точила карандаш и рассматривала густые светлые волосы Барбары. Натуральная блондинка, насколько можно судить. Кей дорого бы дала за такие же волосы. Она сгребла очистки на ладонь, ссыпала в пепельницу и продолжила рисовать кружочки и клеточки на полях блокнота.

В Медменхеме всегда было чем заняться. Когда непогода приковывала разведывательную авиа-

цию к земле, дешифровальщики заново изучали отснятый ранее материал — не пропущено ли что-нибудь. Все равно как оказаться из-за дождя в стенах загородного дома, где полно несобранных пазлов. Во время таких простоев были достигнуты самые значительные успехи в анализе материалов по Пенемюнде. Но теперь «Фау–2» не взлетают, и остается лишь сидеть без дела. Кей старалась припомнить, кому принадлежит фраза, что война — это длительные периоды скуки, перемежаемые краткими моментами дикого ужаса. Люди частенько повторяли ее. Но был ведь кто-то, кто произнес это первым.

Она услышала спускающиеся по лестнице шаги. Появились Луи, коротко остриженная, похожая на мальчишку офицер ВААФ, и шотландка Флора.

Ситуэлл отвлеклась на шум и насупилась.

— Мэм. — Вновь прибывшие отдали честь.

— Уже два часа? — Ситуэлл развернулась на стуле и посмотрела на часы. — Ладно, леди, передаем смену.

Кей наклонилась через стол и потрясла Барбару за плечо:

— Барбара! Мы закончили.

Девушка приоткрыла глаза:

— Я что, уснула?

— Да ты стоя можешь спать, — хмыкнула Луи.

Флора сняла шинель и фуражку.

— Как прошло?

— Два запуска, — сказала Кей. — Мы вроде вовремя управились. Трудно сказать. Как вам понравились ваши берлоги?

— Не соизволите ли прекратить болтовню? — вмешалась Ситуэлл. — Мы в постоянной готовности, забыли?

Кей убрала шинель со спинки стула, и Флора повесила свою.

— Уф, тепло и уютно, — прошептала шотландка.

— Минуточку, леди! — Ноузли сбежал по лестнице и вышел на середину зала. — Прежде чем вы уйдете, хочу поделиться с вами новостью! Внимание всем! — Он похлопал в ладоши. — Ничего из сказанного мною не может быть разглашено. Это строжайший секрет, — надеюсь, всем понятно. — Офицер старался напустить на себя строгий вид, но не мог удержаться от улыбки. — Я только что звонил в Стэнмор. В результате наших сегодняшних усилий на стартовые площадки в Голландии были произведены два налета. Все машины вернулись благополучно. Командование

истребительной авиации сообщает, что обе цели поражены!

Возбужденный гомон прокатился по комнате. Кей переглянулась с Барбарой и проговорила одними губами: «Молодец!» И подняла большой палец.

— И ты тоже молодец!

Ноузли одарил их улыбкой:

— Да, вы обе славно поработали! А поскольку сменились, почему бы вам не пойти в офицерский бар и не пропустить по стаканчику за мой счет?

— Очень любезно с вашей стороны, сэр, — сказала Барбара. — Думаю, так мы и поступим.

— Но остальным придется подождать.

Послышался добродушный стон.

На улице Барбара обняла Кей и притянула к себе:

— Поверить не могу — мы сделали это!

— Согласна, это здорово. — Кей обняла Барбару в ответ. Поверх ее плеча она видела, как пара бельгийцев смотрит на них. — Наверное, нам не стоит так шуметь на людях.

— О да! Верное замечание.

Девушки пересекли дорогу и вошли в штаб. Поднявшись в бар, Кей пробежала глазами по

полке с бутылками:

— И чего бы нам заказать? Пива?

— Пива? Есть выбор получше. Два джина с тоником, — обратилась Барбара к бармену. — Двойных. За счет винг-коммандера Ноузли.

— Да, мэм.

— А поесть чего-нибудь найдется? Мы прямо с дежурства.

— Посмотрю, что есть у повара.

Они взяли напитки и пошли к столику у окна. Барбара закурила.

— Мне здесь уже почти нравится. Два точных попадания! Мы с тобой на пару выиграем эту войну, дорогая.

Девушки чокнулись. Джин с тоником был теплым и маслянистым, слишком крепким на вкус Кей, особенно посреди дня, но она все равно выпила. Два точных попадания? За два налета? Ей с трудом верилось в это. Судя по ее опыту, ВВС имели склонность преувеличивать свои успехи. Но не хотелось портить настрой. В голове словно растекалась теплая волна расслабленности. Она кивком указала на пачку сигарет:

— Не возражаешь, если угощусь? Потом сочтемся.

Барбара дала ей прикурить, обе с удобством раз-

валились на стульях. В комнате было пусто. Все, надо полагать, сейчас на службе, подумала Кей. У нее вдруг возникло чувство, что она сачкует.

— Ты где работала до войны? — спросила Барбара.

— Нигде. Училась в университете. А ты?

— А, скукотища. Продавщицей в галерее.

Кей разглядывала напарницу сквозь сигаретный дым. Да, подходит. Ей не составляло труда вообразить Барбару в одной из дорогих торговых галерей Мэйфера, обслуживающей богатых клиентов. В интерьеры Стэнмора она вписывалась куда хуже.

— Это как-то связано с математикой?

— Работа в галерее? — Барбара рассмеялась. — Ты что, издеваешься? Нет! Просто, когда меня призвали, я обнаружила, что хорошо управляюсь с цифрами, — кто бы мог подумать? Вот меня и направили на курсы для вычислителей. А ты где служила?

— В Медменхеме. Аэроразведка.

— Я год провела в Суффолке, в радиолокационной цепи дальнего обнаружения, мерзла в бункере, рассчитывала высоту и угол цели. Согласись, бесит, что центр сбора и обработки данных видит в нас всего лишь крупье из казино, кото-

рые двигают палкой фишки.

Из кухни вышел солдат с двумя источающими пар тарелками: бифштексы, пудинг с почками, с корочкой запекшегося жира, густая подлива, водянистые консервированные морковки и пара картофелин. Он водрузил тарелки на стол с громким стуком.

Глядя ему в спину, Барбара скорчила рожицу:

— Кажется, ему не очень-то по нраву прислуживать женщинам.

Девушки затушили сигареты и принялись за еду: Барбара с волчьим аппетитом, Кей осторожно. Она раздробила пудинг вилкой и стала вылавливать немногочисленные кусочки мяса, отделяя их от почек. Внезапно ее охватила тоска по дому. Вероятно, в этом был виноват алкоголь. Наконец она отодвинула тарелку.

— Можно спросить тебя кое о чем?

— Валяй.

— Вчера что ты имела в виду, когда сказала про моих друзей в высоких сферах?

Барбара жевала какое-то время, уткнув глаза в тарелку, будто не услышала.

— Забудь. Я не должна была так говорить.

— Объясни. Я не обижусь.

— Черт, какая мерзость! — Она разделила

морковку пополам и съела. Наконец подняла взгляд. — Ладно, раз тебе так хочется. Ходят слухи, что единственная причина, по которой ты здесь, — это роман с какой-то шишкой из Министерства авиации. — Она развела руками с ножом и вилкой. — Ну что сказать, дорогая? Люди злые. Точнее выразиться, женщины злые — я сама такая. Теперь уверена, что это неправда.

Кей посмотрела в окно. Мимо проезжал трамвай. На другой стороне улицы часовой у банка беседовал с парой штатских, опирающихся на велосипеды. Весы ее убеждений, так долго уступавшие скрытности в ущерб честности, неожиданно качнулись в другую сторону.

— Боюсь, что правда! — выпалила она. — Была правда.

— Была? Так все кончено?

— О да. Безусловно.

— Давай договаривай, раз уж начала.

Кей замялась, а потом с изумлением обнаружила, что выкладывает все без утайки, причем женщине, которую едва знает. Про первый приезд Майка в Медменхем (хотя она благоразумно не назвала имени), про вторую встречу, во время визита Черчиллей, про выпивку в пабе, про свидания за городом, про губительное реше-

ние провести выходные в его квартире… И про «Фау–2».

— Нет! — прервала ее Барбара, глядя округлившимися голубыми глазами. — Ты хочешь сказать, что вправду угодила под удар этой чертовой штуковины?

Кей рассказала про то, как он не разрешил сопровождать его в больницу, и про кошмарную встречу с его женой в вестибюле Министерства авиации…

— Вот я и решила, что для меня лучше всего уехать из страны и заняться чем-то настоящим. А раз подвернулся такой удачный случай, попросила об одолжении.

— И бьюсь об заклад, парень был только рад от тебя избавиться.

— Он отрицал, но мне кажется, это так.

— Дорогая, прости мне грубые слова, но этот тип — конченое дерьмо!

Кей повеселило, с какой яростью это было произнесено. Барбара посмотрела на нее:

— Знаешь что? Почему бы нам не убраться из этой дыры и не поискать, где подают настоящую выпивку?

Едва перевалило за три часа, но день уже угасал, холодало; свет в окнах домов напротив

казался особенно ярким в пасмурных зимних сумерках. Кей стояла на крыльце штаба и куталась в шинель. Ей не слишком хотелось идти на поиски бара. Она предпочла бы заглянуть в банк и узнать, не было ли новых запусков. Но Барбара уже шла по улице. Она развернулась и, не прерывая ходьбы, замахала рукой:

— Ты со мной?

— А вдруг что-то случится? Вдруг мы понадобимся?

— Не наводи тоску, Кей! Не понадобимся. Пошли.

Кей догнала напарницу. Барбара взяла ее под руку, и они направились в Брюссельпорт, затем свернули налево, к реке. Вдоль широкой мощеной улицы тянулись магазины; половина была закрыта, а у большинства остальных витрины зияли пустотой. Возле лавки мясника собралась кучка вполне почтенных с виду горожан, включая пожилую даму в шубе. Они рылись в мусорном баке.

Дальше располагалось кафе: в посадочной зоне на мостовой стулья составлены в столбик, зонтики опущены — заведение явно закрылось на зиму. Тем не менее Барбара постучала в дверь и заглянула в темное окно, как будто кафе могли

открыть специально для нее.

— О черт! — буркнула она. — В этом городишке все позакрывалось.

— Почему бы нам не махнуть рукой на эту затею и не вернуться в столовую?

— Дай мне еще десять минут.

Подруги пошли через мост в Старый город. Под ними проплывала баржа, пустая и ржавая. Большую рыночную площадь окружали высокие и узкие здания, они стояли тесно, как на картинке из сказок братьев Гримм, обильно увенчанные башенками, каменными урнами, флюгерами и золотистыми шарами. Над ними главенствовала башня собора. Посреди мощеной площади припарковались несколько английских военных грузовиков. Рядовые стояли вокруг и курили, на них глазела стайка ребятишек. Когда девушки проходили мимо, один солдат присвистнул, а Барбара обернулась и послала ему воздушный поцелуй.

Свернули на боковую улицу. Кей оглянулась на площадь — та показалась более многообещающим местом по части увеселительных заведений, чем любое другое. Она остановилась.

— Ты чего? — спросила Барбара.

— Просто мне кажется, это пустая трата вре-

мени.

Справа от них была высокая двустворчатая дверь с надписью *Seminarium Archiepiscopale*[32] полинялой позолотой над косяком. Влево уходил узкий переулок.

— Заглянем-ка сюда, — предложила Барбара. — У меня хорошее предчувствие.

— Правда? — Кей с сомнением смотрела в переулок. — Вряд ли мы тут что-нибудь найдем.

— Давай попробуем, ладно? В последний раз.

Улочка была извилистая, средневековая. И такая узкая — в сущности, туннель между ветхими зданиями из красного кирпича и выщербленного камня. В ее конце совершенно неожиданно обнаружился собор. Кей показалось, что за спиной звучат шаги, и она обернулась. Барбара хотела что-то произнести, но Кей предупреждающе вскинула руку. Она остановилась и склонила голову, напрягая слух, но ничто не нарушало тишины. Девушка решила, что почудилось.

— Не хочешь ли сказать, дорогая, что за нами кто-то следит? — Барбара ухмыльнулась. — Как интригующе!

— Я не уверена. — Кей почувствовала себя

---

[32] Примечания: 32

Архиерейская семинария *(лат.)* — учебное заведение, готовящее католических священников.

немного глупо. — Нас предупреждали насчет осторожности, помнишь? Немцы ушли совсем недавно, а мы привлекаем к себе внимание.

Барбара смотрела на нее с усмешкой еще несколько секунд, потом тряхнула головой и пошла дальше.

— Ты куда? — Кей поспешила вдогонку.

— Давай заглянем, раз уж мы тут.

Первая дверь оказалась запертой, но вторая, чуть подальше, отворилась с шумом, усиленным пустотой помещения. Они стояли на пороге гигантского нефа, сводчатого, с колоннами, тихого, холодного, пахнущего ладаном, — целая вселенная. Даже у Барбары на мгновение захватило дух.

— Ладно, выпивки мы тут не найдем, — проворчала она.

Кей рассмеялась и сделала несколько шагов в направлении алтаря. Топот ботинок по каменному полу разносился далеко. Вопреки привычке она склонилась и осенила себя крестом. Обвела взглядом статуи святых. Тотчас память подсказала имя одного из них: Румбольд Мехеленский. Предположительно, ирландец, отчего сестры-монахини его обожали. До чего же удивительно, что ей было суждено встретиться с ним здесь!

Жертвенные свечи мерцали на поставце у двери. Повинуясь порыву, Кей зажгла одну. Она даже встала бы на колени и помолилась, не будь рядом Барбары, скептически взирающей на нее, сложив на груди руки.

— За него, что ли, молишься?

— Еще чего! — возразила Кей, но тут же с отчаянием поняла, что была близка к этому. — Ты права, хватит с нас благочестия.

Они вернулись в сгущающиеся сумерки. Зажегся старомодный фонарь на стене дома в углу переулка. А затем произошло нечто странное.

Стоило им свернуть за угол, как послышался топот и из-за поворота выбежала женщина, сжимающая буханку хлеба. Она промчалась между девушками, раскидав их по сторонам. Кей успела бросить взгляд на ее лицо, перекошенное от страха. Секунду спустя снова послышался топот, более громкий, и улочка вмиг заполнилась людьми. Их было двадцать, а то и больше: в основном мужчины, но были и женщины, и даже дети семенили в хвосте. Чтобы не быть затоптанными, офицерам ВААФ пришлось прижаться к дверям. Толпа скрылась за поворотом, и улица так же стремительно опустела.

— Что это было? — Кей посмотрела на Барбару.

— Почем я знаю? Впечатление такое, что ее хотят прикончить.

— Она украла хлеб?

Девушки посмотрели в ту сторону, куда убежала толпа.

— Может, пойти и проверить? — предложила Кей.

Настал черед Барбары выражать неуверенность.

— Это ведь не наше дело, а?

— Не наше, но… — Кей заколебалась. — Разве не должны мы хотя бы убедиться, что ее не убили?

— Ладно, давай сходим.

Они пошли обратно по улочке. Миновали двери собора, обогнули массивные стены и вышли на площадь с мостовой по краям, с травой и деревьями посередине. Под деревьями собрались в круг люди. Похоже, они смотрели на что-то. Зрители все время прибывали, торопливо вливаясь с примыкающих улиц. Инстинкт советовал Кей отступить, любопытство толкало вперед. Барбара ухватила ее за рукав — не лезь! — и все же обе пошли дальше, по траве, протискиваясь между сомкнутыми телами, пока не добрались до середки толпы.

Женщина стояла на коленях. Пальто с нее стя-

нули до половины спины, чтобы обездвижить. Впрочем, она и не сопротивлялась. Руки свисали плетьми, глаза были зажмурены, губы сжаты. Позади стоял мужчина с большими ножницами. Сгребая в кулак ее волосы, он срезал прядь за прядью. Работал мужчина быстро, умело и грубо, как будто стриг овцу. Буханка валялась рядом в грязи. Всякий раз, когда мужчина хватал волосы, голова женщины дергалась. Толпа молчала.

— Почему бы вам не прекратить? — произнесла Кей громко по-английски.

У нее было странное чувство отрешенности от происходящего. «Ты хоть сама себя послушай, — подумала она. — Говоришь как нянька». Она шагнула вперед и протянула руку:

– *Arrêtez!*[33]

И этим нарушила молчание толпы. Раздались сердитые возгласы:

– *Putain anglais femme!*[34]

– *Occupe-toi de tes oignons!*[35]

Какой-то мужчина схватил Кей за руку. Дру-

---

[33] Примечания: 33
Остановитесь! *(фр.)*

[34] Примечания: 34
Английская шлюха! *(фр.)*

[35] Примечания: 35
Не лезь не в свое дело! *(фр.)*

гой загородил дорогу. Наполовину обкорнанная жертва открыла глаза и посмотрела на Кей; во взгляде ясно читалась мольба: «Уходи!»

«Ей не нужна твоя помощь, — сказала себе Кей. — Будет только хуже».

Она слышала, как Барбара окликает ее по имени, но все-таки продолжала пробиваться вперед, пока еще одна рука, посильнее, не вцепилась в нее и не дернула назад. Девушка в ярости развернулась и увидела перед собой Арно.

— Они правы, — проговорил он тихо. — Это вас не касается.

Она попыталась вырваться, но парень вцепился еще крепче и потащил ее прочь. Барбара схватила ее за другую руку. Наконец Кей сдалась, позволив увлечь себя прочь с газона. Стена из спин сомкнулась за ними. Арно не отпускал Кей, пока они не оказались далеко от сквера, на одной из примыкающих улиц. Кей прислонилась к стене и закрыла ладонями лицо.

Барбара трепала ее за плечо:

— С тобой все хорошо, дорогая?

— Кто эта женщина? — Кей опустила руки и посмотрела на Арно. — Ты ее знаешь?

— Нет.

— Что она сделала?

— Люди подозревают, что она коллаборационистка.

— Подозревают?

— Ошибки случаются редко. — Он пожал плечами. — Кто-то сказал, что у нее ребенок от немецкого солдата.

— Господи!

— Не стоит судить их слишком строго. Они здорово натерпелись.

— Ты с ними заодно?

— Нет! — Казалось, ее предположение обидело Арно.

— Тогда что ты здесь делаешь? — Не дождавшись ответа, Кей задала новый вопрос: — Ты шел за нами?

Он помедлил секунду-другую и вполголоса смущенно признался:

— Да, так уж вышло. Заметил, как вы пересекаете площадь, и подумал: а ведь они влипнут в историю. И оказался прав.

Он бросил взгляд на толпу — та уже рассасывалась. В их сторону шли люди. Часы на соборе пробили полчаса.

— Надо убираться отсюда. Вам куда? Обратно в штаб?

— Тут где-нибудь можно выпить? — спросила

Барбара.

Арно повел их кружным путем, переулками, к реке. Когда они добрались до берега, уже стемнело. Марш стертых каменных ступеней вел с моста на пристань. Ошвартованные баржи стояли борт о борт, над водой поднимался туман. Арно подал руку, помог девушкам.

Англичанки не нашли бы это заведение, даже если бы искали целый год. Снаружи оно выглядело как заброшенный склад с блоком и шкивом над воротами; в одной из створок была калитка. Пройдя через нее, они словно в стену врезались — такой плотной была смесь табачного дыма и запаха пива. В тусклом свете лампочек без абажура виднелись посыпанный опилками грубый кирпичный пол, длинный прилавок, дощатые бочонки за ним, столики с разномастными стульями. В углу оживленно играли в шаффлборд[36]. Публика была исключительно мужская. Посетители уставились на иностранок в военных мундирах.

Арно нашел столик и выдвинул два стула.

— Кстати, это Барбара Колвилл, — представила

---

[36] Примечания: 36

Шаффлборд — игра, в которой участники с помощью длинных палок толкают диски в сторону размеченной номерами треугольной площадки.

Кей. — А это Арно Вермюлен, я на постое в его доме.

– *Enchanté*[37]. — Арно поцеловал Барбаре руку.

Он подошел к стойке, сказал что-то бармену и завел разговор с мужчиной, который выпивал в одиночестве, примостившись на стуле.

— Приятный молодой человек, — заметила Барбара. — Даже симпатичный — выше колен. Как Байрон с его хромой ногой. «Безумный, дурной и опасный человек»[38]. — Она достала компакт-пудру, погляделась в зеркальце, проворно подновила помаду.

Кей с тревогой смотрела на ее.

— Нам нельзя тут задерживаться. В городе комендантский час.

— Брось, не переживай. Кстати, это ведь ты едва не втянула нас в драку. — Она предложила Кей тюбик губной помады.

— Спасибо, все нормально.

Большинство мужчин вернулись к выпивке и картам, но некоторые продолжали таращиться на девушек. Кей сомневалась, что в Мехелене

---

[37] Примечания: 37

Рад познакомиться *(фр.)*.

[38] Примечания: 38

Характеристика Байрона из дневника леди Каролины Лэм, аристократки и писательницы, сделанная после их знакомства в 1812 г.

прежде видели военнослужащих-англичанок. Отправка женщин за границу противоречила официальной политике властей.

Кей была смущена и растеряна, чувствовала себя беззащитной; ее попытка вмешаться в местные дела казалась наивной. Где была ее голова?

Вернулся Арно:

— Я заказал нам пива, — надеюсь, вы не против. — Он сел перед девушками.

— Божественно. — Барбара протянула ему сигареты.

Он взял одну и прикурил от спички Барбары.

— Не судите нас строго, — обратился он к Кей. — Если бы Англия провела в оккупации четыре года, такое случалось бы и у вас.

— Несомненно, — согласилась Барбара. — Я бы точно осталась без волос.

Кей рассмеялась, Арно нет.

— Когда англичане пришли сюда, они поначалу на Гроте-Маркт ставили коллаборационистов на колени и заставляли чистить им сапоги. Я сам видел.

Повисла напряженная пауза, закончившаяся, только когда официант в грязном фартуке принес три бокала.

— За что выпьем? — весело спросила Барбара.

— За наступление лучших времен? — предложила Кей.

— Хорошо. — Арно кивнул. — С этим мы все согласны.

Они чокнулись. Человек, с которым Арно переговорил, слез со стула и подошел к ним. Он сказал что-то Арно по-фламандски, потом обратился ко всем на английском:

— Могу я к вам присоединиться?

— Это Йенс Тис, мой старый друг, — представил его Арно. — Это Барбара, а это Кей.

Незнакомец поклонился девушкам по очереди и сел. По виду он был сверстником Арно, но лучше одет, в костюме и при галстуке.

— Йенс учитель, — продолжил Арно.

— Мы были коллегами, — сказал Йенс.

— А я подумала, что вы зарабатываете физическим трудом, — проговорила Кей.

— Это теперь. Раньше я был учителем.

— А вы чем занимаетесь в Мехелене? — осведомился Йенс.

— О, это шито-крыто, — ответила Барбара. — Нам нельзя говорить.

— Шито-крыто? — Он непонимающе уставился на нее.

— Ну, совершенно секретно.

— Просто административная работа, — поспешила вставить Кей. — Печатаем, раскладываем бумаги по папкам, все такое. Скука смертная.

— Женская работа, — добавила Барбара, тоном давая понять, что шутит.

— Вы наверняка скромничаете, — возразил Йенс. — Я по мундирам вижу, что вы офицеры.

— Милый, — заявила Барбара, — в Женской вспомогательной службе ВВС каждая женщина — офицер.

Все засмеялись.

После этого вечер стал оживленным. К облегчению Кей, об их роде занятий разговор больше не заходил. Девушки хвалили Йенса за его английский, а он поведал о проведенных в Англии каникулах. «Это было в Гилдфорде, знаете такой город?» Барбара сказал, что у ее семьи дом в деревне неподалеку. Йенс настоял, чтобы еще заказать пива. Здесь можно было бесплатно поиграть в шаффлборд, или сьюлен, как называлась эта игра по-фламандски, и Арно предложил партию. Правила игры, которые силились объяснить мужчины, стали основной темой разговора. На добрых полчаса Кей почти забыла, что идет война. Она чувствовала, как близко к ней стоит Арно, как его ладонь накрывает ее руку, когда он

показывает, как нужно запускать деревянный диск. Йенс проделывал то же самое для Барбары. Пиво было крепким, флирт ненавязчивым, поэтому, посмотрев на часы и обнаружив, что уже почти семь, Кей не только удивилась тому, как быстро пролетело время, но и расстроилась, что нужно заканчивать.

— Барбара, нам пора.

— Правда? Ты настоящий префект[39].

— Кто такой префект? — спросил Йенс.

— Человек, который не дает другим людям веселиться.

— Кей права, — заявил Арно, — скоро комендантский час.

Кей огляделась. Она и не заметила, как бар наполовину опустел.

— Барбара, я вас провожу. Где вы живете? — спросил Йенс.

Она назвала улицу.

— О, это рядом. Каких-то десять минут.

Мужчины направились к стойке, чтобы уплатить по счету.

— Как думаешь, не предложить ли внести нашу долю? — прошептала Кей.

---

[39] Примечания: 39

В английских школах префектом называется старший ученик, которому поручено следить за дисциплиной в младших классах.

— Ты чего? Оскорбишь мужское достоинство. К тому же у нас нет бельгийских денег.

— Уверена, что идти с ним безопасно?

Барбара с жалостью посмотрела на нее:

— С учителем-то? Я тебя умоляю! К тому же он вполне симпатичный, тебе не кажется?

— О боже!

— Нам определенно стоит встретиться с ними снова.

От стойки приковылял Арно. Он улыбнулся и указал на дверь:

— Ну, идем?

Йенс и Барбара ушли первыми. Кей уже собиралась последовать их примеру, когда раздался возглас:

— Эй, Арно!

Она обернулась одновременно со своим спутником. Мужчина у стойки щелкнул каблуками и вскинул руку в нацистском приветствии.

Арно сделал вид, будто ничего не случилось. Они прошли по пристани, поднялись по лестнице и разделились на мосту.

— Увидимся завтра, — произнесла Барбара и подмигнула. — Не делай ничего, чего не стала бы делать я.

Они с Йенсом направились в одну сторону,

Арно и Кей в другую. С наступлением комендантского часа улицы опустели.

— У тебя очень веселая подруга, — заговорил наконец Арно.

— Правда? Мы только вчера познакомились. Она мне нравится. — Кей посмотрела на спутника.

Его губы были сжаты, взгляд направлен строго вперед, от недавнего хорошего настроения не осталось и следа.

— Что-то случилось?

— Нет, ничего.

— То, что было в конце, когда мы уходили, нацистское приветствие, — что за ним кроется?

— Ничего. Просто дурацкая шутка.

— Тогда почему злишься?

— Я не злюсь.

Навстречу шли двое английских солдат, прижимая к груди винтовки. Они преградили путь:

— Документы, пожалуйста.

Кей предъявила удостоверение личности, Арно последовал ее примеру. Солдат посветил фонариком на фотографии, потом на лица.

— Нарушаете комендантский час, — сказал другой.

— Простите, — ответила Кей. — Мы возвраща-

емся к себе.

— Речь не о вас, мэм.

— Я могу поручиться за него. Квартирую в доме его семьи.

— Руки вверх. — Рядовой шевельнул винтовкой.

Арно вскинул руки. Солдат обыскал его.

— Повернись.

Арно устало уткнулся лицом в стену.

— Неужели это необходимо? — спросила Кей.

— Ему известны правила.

Рядовой закончил обыск.

— Ладно, сейчас отпускаем, раз ты с английским офицером. Но не попадайся нам снова.

Им вернули документы. Патруль пошел дальше.

— Сожалею, что так произошло, — сказала Кей.

— Нет нужды. Немцы вели себя грубее. — Он сунул удостоверение во внутренний карман.

Кей чувствовала бурлящее в нем возмущение и унижение.

Они пошли дальше, минуя казавшуюся бесконечной череду городских скверов. Ночь выдалась холодная. На камни мостовой уже ложился иней, сверкая в свете уличных фонарей. Над островерхими крышами появились редкие звезды.

Внезапно Арно остановился, схватил девушку за руку и показал наверх. Прямо над ними виднелась стремительно падающая звезда. Через пару секунд она исчезла.

— Знаешь, что это было? — спросил он, все еще держа ее за руку.

Кей видела, как судорожно опускается и поднимается его грудь.

— Метеор?

Арно замотал головой:

— Немецкая ракета, на Антверпен летит. Я их уже два раза видел. Эти люди дьявольски изобретательны. — Он посмотрел на нее.

— Это ужасно, — осторожно проговорила Кей. — Бедные антверпенцы.

Арно, похоже, ожидал услышать от нее что-то еще. Не дождавшись, отвернулся.

— Ничего, — буркнул он. — Ракеты или не ракеты, эти гады все равно скоро проиграют войну. Нужно идти. Мы уже почти на месте.

Дорога заняла еще пять минут. Когда они подошли к калитке в стене сада, Арно сделал вид, что заела щеколда, повозился с ней несколько секунд, а потом повернулся и поцеловал Кей. Она уже знала, что так случится. Даже прокручивала в голове варианты. Мягкий отказ «Нет, прости, я

не могу», а затем, если понадобится, решительное «Я не такого сорта девушка». Но когда это произошло, оказалось, что она девушка именно такого сорта. Прикосновение незнакомых мужских губ неожиданно показалось совершенно естественным. У этих губ был сладковатый вкус пива. Кожа щек была мягкой, а не щетинистой, как у Майка.

К черту Майка, подумалось вдруг ей. Она нежно обхватила лицо Арно ладонями и поцеловала в ответ. Второй раз за день Кей словно смотрела на себя со стороны. Ее разобрал смех.

— Что тут смешного? — Арно оторвался от нее с полуулыбкой, неуверенный.

— Ничего. Иди сюда. — Она снова поцеловала его.

Он расстегнул пару пуговиц на шинели и обвил рукой ее талию. Ей стало зябко.

— Войдем?

Они прошли по дорожке к парадной двери. Та была заперта. Арно потянулся, нашарил на притолоке ключ.

Коридор был погружен в полутьму. В кухне, как всегда, горел свет. Доносился запах жарящегося бекона. Как день начался, так он и заканчивается. Дверь в кабинет была закрыта.

Арно приложил палец к губам. Кей взяла его за

руку и повела наверх, в свою комнату.

Глава 15

Вечером, в начале десятого, доктор Руди Граф, голый по пояс, стоял перед зеркалом в своей ванной, пробовал пальцами тепловатую струйку из крана для горячей воды и прислушивался к судорожным хрипам, с которыми вода проходила через проложенные в здании трубы. Горяче'е она не станет. Лезвию уже исполнилось полгода, а от похудевшего куска мыла сложно было добиться обильной пены. Тем не менее инженер выпятил подбородок и принялся методично соскребать отросшую за день щетину. Необходимо соответствовать общим требованиям.

За ужином полковник Хубер объявил, что в связи с возросшей активностью английской авиации полк с завтрашнего дня будет запускать семьдесят процентов ракет в ночное время. Офицеры сидели, уткнувшись взглядом в тарелку. Процедура запуска становится гораздо дольше и сложнее, когда работать приходится при свете фонарей в скованном стужей лесу онемевшими от холода руками, а жидкий кислород образует на трубах ледяную корку. В кои-то веки Граф откло-

нил предложение Зайделя сыграть в шахматы. Ему хотелось лечь пораньше.

Он вымыл бритву. Уже вытирал лицо полотенцем, когда услышал крики и стук кулаков в дверь.

Граф вышел на лестничную площадку и глянул через перила. Снизу доносился топот сапог по ступеням. Появилась пара касок, на стволах винтовок забликовал свет.

Черные эсэсовские мундиры.

Граф быстро вернулся в комнату и запер дверь. Чемодан с микрофильмами так и лежал на шкафу. Инженер огляделся. Прятаться негде, да и некогда: в дверь уже врезался приклад. Граф схватил рубашку и выкрикнул: «Подождите!», но дверь распахнулась, и эсэсовцы ввалились в номер. Один вскинул к плечу винтовку и навел на Графа, тотчас поднявшего руки, а другой открыл дверцы шкафа и потыкал в вещи инженера стволом. Затем наклонился и пошарил под кроватью, растревожив пыль. Подошел к окну, отдернул шторы, поднял раму и высунул голову в ночную тьму. Наконец выпрямился и повернулся к Графу. Эсэсовец был молодой, не старше восемнадцати.

— Вы один?

— Как видите, — ответил Граф, не опуская рук.

— А другие люди в здании? Вы видели, как они приводили женщин?

— Я никого не видел весь вечер.

Солдат мрачно посмотрел на него. Снова обшарил взглядом комнату. Потом резко развернулся кругом и вышел вместе с напарником.

Граф опустил руки и торопливо закончил застегивать рубашку. Надел галстук и пиджак, захватил плащ и шляпу и побежал вниз по лестнице. На следующей площадке стояли несколько унтер-офицеров в жилетах и подштанниках. Двери на первом этаже были распахнуты настежь, в коридоре толпились взбешенные ракетчики. Инженер наткнулся на Шенка, тот был в майке, с болтающимися до колен подтяжками.

— Чертовы эсэсовцы!

— Они кого-то нашли?

— Нет. Вот козлы!

Эсэсовцев было десятка два. Одни стояли посреди дороги с ручными пулеметами, другие входили и выходили из гостиниц. Некоторые были с собаками. Установленный в кузове грузовика прожектор методично ощупывал лучом здание за зданием. Граф заглянул за угол. Из гостиницы, служившей борделем для младших чинов, выводили женщин. Те дрожали от холода

в тонких платьицах и несли свои вещи. Одна за другой, подгоняемые стволом винтовки, они забирались в грузовик.

— О боже! — прошептал Граф. — О боже…

Он повернулся и пошел к набережной. Эсэсовцы оцепили отель «Шмитт». Чтобы пройти, инженер был вынужден предъявить пропуск. В офицерской столовой стояли Хубер, Зайдель, Кляйн и еще пара офицеров и смотрели через окна на улицу.

— Здесь тоже был обыск? — спросил Граф.

— Они везде ищут, — ответил Хубер. — Приказ Каммлера — Дрекслеру по телефону. Даже мою комнату обыскали. Как будто я прячу шпионов под кроватью!

— Они спятили, — проговорил Зайдель, не отрываясь от окна. — Поглядите на партайгеноссе Бивака, как он раскомандовался. Можно подумать, что он борется с красными на Восточном фронте.

— Солдаты выгнали девушек из борделя, — сказал Граф. — Что с ними будет?

С минуту все молчали. Хубер покачал головой:

— Скверное это дело.

— Ваша машина на улице? — обратился Граф к Зайделю.

— Да.

— Могу я ее одолжить?

Зайдель вытаращил глаза:

— Даже не думайте!

— Пожалуйста. — Инженер протянул руку.

На лице лейтенанта отразилось недоумение. Он вздохнул. Потом нехотя сунул руку в карман и достал ключи.

Эсэсовцы начали всерьез запускать щупальца в Пенемюнде, как только стало очевидно, что от ракет будет толк. В декабре 1942 года, спустя два месяца после успешного испытательного полета, рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер приехал на Балтику понаблюдать за запуском. Граф присутствовал. Получилось фиаско — ракета упала, пролетев лишь четыре секунды, но Гиммлера это не обескуражило.

— С тех пор как фюрер решил оказать поддержку вашему проекту, — заявил он генералу Дорнбергеру, — тот перестал быть заботой Управления вооружений сухопутных сил, да и вообще армии, и стал делом всего немецкого народа. Я здесь для того, чтобы защитить вас от саботажа и предательства. — Уже садясь в самолет до Берлина, рейхсфюрер добавил: — Я могу вам помочь. Я вернусь один и заночую здесь, и мы сможем по

душам поговорить с вашими коллегами. Я вам позвоню.

Так, по крайней мере, передал Дорнбергер фон Брауну свой разговор с рейхсфюрером, и так фон Браун изложил его суть Графу на следующий день.

— Гиммлер был сама любезность, если верить Дорнбергеру. Но я не могу избавиться от мысли, что это был визит гангстера, предложившего «крышу».

— Это что же, эсэсовцы намерены вмешаться в процесс производства?

— Нет никакого способа их остановить. Они теперь во все вмешиваются.

При этом Граф, если говорить начистоту, не имел возражений против помощи от СС. Он, как и прочие создатели ракеты, был заинтересован в строительстве испытательных лабораторий и производственных цехов. Тем не менее для него стало изрядным шоком, когда в мае следующего года в лесу возник лагерь с бараками и колючей проволокой. За этим последовал еще более сильный шок, когда спустя пару дней Граф увидел колонну из пятисот заключенных в полосатых пижамах и шапках, которых вели по дороге эсэсовцы с автоматами. «Рабы в середине двадца-

того века? Как мы до этого докатились?» Такова была его инстинктивная реакция в то утро. Да смилуется над ним Господь, ведь к концу дня, одержимый стремлением устранить все изъяны в конструкции ракеты, он почти перестал замечать рабов; не обращал внимания и на растущее количество черных мундиров. В считаные недели эсэсовцы, точно сорняки, заполонили весь остров: стояли на КПП, патрулировали периметры, охраняли стройплощадки. А тем временем на кораблях доставляли сотни и сотни новых пленных, преимущественно французов и русских.

В июне Гиммлер приехал снова, один, как и обещал, — сам вел бронированный, но непрезентабельный автомобиль. Дорнбергер устроил для него ужин в офицерском клубе, пригласив ведущих инженеров, в том числе Графа. Высказал Граф тогда свои возражения? Отказался пойти? Нет. Его даже не возмутило, что фон Браун облачился по такому случаю в свой эсэсовский мундир. Вечер выдался жаркий, дело было вскоре после летнего солнцеворота, и световой день на Балтике тянулся долго. Гиммлер обильно потел: тощий, мокрый и красный в своем плотном черном мундире, как моллюск в раковине. Говорил рейхсфюрер тихо, слушал внимательно, а когда

собравшиеся перешли из столовой в каминную пропустить по стаканчику, с наслаждением развалился в кресле, отказался от алкоголя и устроил для всех обзорную лекцию на тему, каким станет мир после победы Германии.

— Фюрер мыслит и действует в интересах Европы. Он считает себя последним защитником западного мира и его культуры…

И далее в том же духе: о необходимости для Германии возглавить Западную Европу, об угрозе со стороны Советского Союза. Если Германия когда-нибудь переключится с производства вооружений на товары народного потребления, как быть с тем фактом, что она способна прокормить на своей территории только шестьдесят процентов населения? Значит, необходимо остальные сорок процентов переселить на Украину.

— Безусловно, имеющуюся на данный момент проблему падения рождаемости надо как-то решать. Колонистов у нас достаточно. Мы устроим для молодых немецких переселенцев браки с украинскими девушками из хороших крестьянских семей и произведем здоровое поколение, приспособленное к жизни в тамошних условиях. По расчетам фюрера, через десять лет население Германии достигнет ста миллионов. Следует

осознать величие нашей миссии и попросту заставить народ принять свою счастливую долю. Европейская промышленность должна работать на благо великого дела. Вся рабочая сила, которой мы ныне располагаем, будет задействована в борьбе не на жизнь, а на смерть…

Эти мысли выражались тоном спокойной уверенности. Он закончил в четыре часа утра, но полностью так и не стемнело. Когда возвращались домой, фон Браун снял китель и набросил на плечо.

— То ли я брежу, то ли это было безумно?

— Не просто безумно. Чудовищно.

— Да, пожалуй что так.

Первый запуск, проделанный для Гиммлера наутро, оказался очередной неудачей. Ракета не приняла требуемый угол наклона и, набрав высоту двести метров, упала в западной части острова прямо на аэродром и взорвалась от удара о землю, уничтожив три самолета. Второй запуск, после полудня, прошел идеально. Гиммлер произвел фон Брауна в штурмбанфюреры.

Два месяца спустя Королевские ВВС разбомбили Пенемюнде, а через неделю после налета, когда еще шли работы по устранению самых тяжких последствий, фон Браун пригласил Графа к себе

в кабинет. Фон Браун осунулся от недосыпания и был слишком вымотан, чтобы даже подняться из-за стола. Он указал на стул.

— Мне только что звонил из Берлина Дорнбергер. Гиммлер разговаривал с фюрером. Похоже, нам придется оставить планы расширения производства ракет на этом острове, поскольку он уязвим для атак с воздуха.

— И что из этого следует? Все кончено?

— Вовсе нет. Производство будет спрятано под землю. У СС есть горный регион в Тюрингии, идеально подходящий, по словам Гиммлера, для наших нужд. Строительство завода возглавит их генеральный конструктор. — Фон Браун заглянул в блокнот. — Бригаденфюрер доктор Ганс Каммлер.

Граф повернул ключ в замке зажигания. «Кюбельваген» дернулся и заглох. Инженер выжал сцепление и попробовал снова. На этот раз ему удалось плавно тронуться, но он никак не мог найти вторую передачу. Рев шестеренок был достаточно громким, чтобы привлечь внимание эсэсовца, который выступил из темноты за гостиницей и махнул рукой, требуя остановиться.

— Никому не разрешено уезжать.

— Я доктор Граф из армейского Управления

специального вооружения. — Он предъявил удостоверение. — Мне срочно нужно в Вассенар. Чрезвычайное происшествие.

— Всему персоналу надлежит оставаться на местах до завершения проверочных мероприятий.

— Там ракета горит! Готовы ответить за катастрофу? — Граф высунулся из окна и оглядел набережную; в углу стояла группа эсэсовцев, наблюдавших за ними. — Где оберштурмбанфюрер Дрекслер?

— Не знаю.

— Нам нужно его найти. Как ваша фамилия?

Солдат смутился:

— Шумахер.

— Отлично. — Граф потянулся и открыл пассажирскую дверь. — Залезайте, Шумахер.

— Зачем?

— Хочу, чтобы вы сообщили вашим коллегам о чрезвычайном происшествии. Побыстрее.

Солдат послушно забрался на переднее сиденье.

Граф приказал себе ехать не слишком быстро. Группа эсэсовцев преградила дорогу.

— Скажите им, Шумахер. Быстрее!

Один из военных обратился к сидящему в машине товарищу:

— В чем дело?

— Он говорит, что является инженером-ракетчиком. Ему нужно в Вассенар. Там пожар.

— Ладно. — Эсэсовец отошел в сторону и махнул, пропуская машину.

То же самое повторилось в сотне метров дальше по улице: «Ему нужно в Вассенар, там чрезвычайная ситуация». Шумахер, похоже, наслаждался чувством собственной значимости. Граф проехал мимо железнодорожной станции. Далее дорога выглядела свободной. Он свернул на обочину:

— Можете выходить, Шумахер. Благодарю. Обязательно упомяну вас в рапорте штурмбанфюреру.

Он поехал дальше. Глянув в зеркало, увидел, что солдат стоит на дороге и смотрит ему вслед. Инженер свернул налево, к Вассенару.

Граф, фон Браун и еще пара конструкторов побывали на предполагаемом заводе по производству ракет в конце августа 1943 года. Фон Браун сам пилотировал самолет. Снизившись над лесами и горами Гарца, он с идеальной точностью совершил посадку на травянистой полосе близ милого городка Нордхаузена с его абрисом из высоких церковных шпилей. Вдали вздымалась окутанная синеватой дымкой громада

Конштайна — не то чтобы горы, как выяснилось, а поросшего лесом пологого холма. Каммлер предусмотрительно отправил за гостями машину.

Был конец лета, время сбора урожая. Они ехали на заднем сиденье «мерседеса» с открытым верхом, отмахиваясь от налетающих с полей трипсов, направляясь сквозь жаркое марево к квадратному зеву огромного туннеля. Машину накрыла тень. Стало холоднее. После яркого дневного света глазам потребовалась минута, чтобы привыкнуть к полумраку электрических ламп.

Бригаденфюрер доктор Ганс Каммлер, чья ученая степень, как выяснилось позже, относилась к гражданской инженерии, встречал их вместе с офицерами своего штаба. Немного за сорок, симпатичный до грани красивости, худощавый, подтянутый, в безупречной форме — похожая на песочные часы эсэсовская фигура с необычайной порывистостью в движениях и эмоциях. Он повел вновь прибывших в пешую экскурсию по туннелю, излагая факты и цифры с гордым видом помещика, показывающего свое имение.

Пространства вполне хватало, чтобы ракету можно было поставить вертикально или положить горизонтально и чтобы она не касалась ни одной из стен. Обширная галерея тянулась, на

сколько хватало глаз — больше чем на километр, как уверил Каммлер, — и выходила наружу с противоположного склона горы. Называлась она Туннель Б. Туннель А шел параллельно ей и был почти закончен. Две галереи соединялись перпендикулярными туннелями. До войны здесь была шахта по добыче гипса, а после начала оной — хранилище для топлива и отравляющих газов. Первым делом требовалось освободить ее от этих запасов, и задача уже выполнялась. В полутьме сновали призраки в полосатых пижамах, сгибаясь под тяжестью мешков с цементом, стальной арматуры, крепежного леса, металлических бочек. Время от времени мрак пронизывали искры ацетиленовых горелок, которыми резали цистерны для хранения горючего. На следующем этапе, пояснил Каммлер, будут прорыты при помощи взрывчатки дополнительные перпендикулярные туннели, проложена железнодорожная ветка и построена станция. Детали для ракет будут ввозиться локомотивами с одной стороны комплекса, а готовые ракеты — выезжать на платформах с другой. Производственная мощность составит девятьсот изделий в месяц. Цеха, размещенные на глубине трехсот метров под горой, будут невидимы для вражеских самолетов-раз-

ведчиков и неуязвимы для бомбардировщиков. Организация производства поручена генералу Дегенкольбу, царю железных дорог, заработавшему свою репутацию на налаживании массового производства локомотивов.

— И когда начнется производство?

— В январе.

Один из инженеров присвистнул.

— Ракета — исключительно сложный механизм, бригаденфюрер, — сказал фон Браун. — Станки и оборудование должны обладать высокой точностью, они требуют квалифицированного труда. Завтра первое сентября. Как можно построить завод за столь короткое время?

— При помощи единственного ресурса, которым Германия располагает в количестве поистине неограниченном.

— Это какого же?

— Рабочих рук. — Каммлер хлопнул в ладоши и расхохотался, видя недоумение на лице гостей. — Ну же, господа! Уж если фараонам удавалось возводить пирамиды за две с половиной тысячи лет до рождения Христа, смею вас уверить, что СС способна в середине двадцатого века построить завод под ключ за четыре месяца.

— И сколько же рабочих вы предполагаете

задействовать?

— Для строительства и дальнейшей работы завода? — Рука Каммлера описала в воздухе окружность. — Двадцать тысяч… Тридцать… — Он пожал плечами. — Сколько понадобится, столько и возьмем. Источник неисчерпаем.

Пока шли к выходу из туннеля, Граф спросил у бригаденфюрера, приходилось ли ему раньше строить что-то подобное в столь сжатые сроки.

— О да, — ответил тот. — На востоке. Центры временного содержания для евреев.

Такой была первая встреча Графа с Каммлером.

Вторая произошла несколько недель спустя, ближе к середине октября. Ему не хотелось снова ехать в Нордхаузен.

— Это обязательно? — пожаловался он фон Брауну. — Тут столько дел.

После гибели доктора Тиля Граф взял на себя большинство его обязанностей по руководству двигательным отделом, которому не удалось разобраться с системой парового генератора турбонасоса, доводившей легковозбудимого Тиля до нервных срывов.

— Ты должен быть там, — сказал фон Браун. — Нам нужно подготовить ракету к массовому

производству.

Снова фон Браун сам вел самолет, и на этот раз они приземлились на аэродроме в непосредственной близости от холма Конштайн. Среди темно-зеленых сосновых лесов белесыми шрамами лежали следы гипсовых копей. На равнине к юго-западу от холма строился большой лагерь для военнопленных. Граф смотрел на него с тяжелым сердцем. Ни у одного барака не было крыши. Если Каммлер пригнал сюда обещанные тысячи иностранных рабочих, то где они живут?

Ответ стал очевиден, когда они въехали в Туннель Б. Люди жили под землей. Вдоль стен перпендикулярных туннелей — шаткие деревянные нары в четыре яруса, похожие на кроличьи клетки. Уборные — распиленные поперек бочки с уложенными на них досками. В некоторых клетках лежали, вытянувшись, исхудавшие мужчины; один из них, с открытыми глазами, явно был мертв. Жуткий смрад. И шум: рокот бетономешалок, звон кирок, приглушенное эхо взрывов, рев генераторов, лязг тачек, перемещаемых по рельсам, лай сторожевых собак, выкрики эсэсовских надсмотрщиков. И зрелище, представавшее в неестественном желтом свете: колышущееся море полосатых пижам, неразличимая масса,

если только не сосредоточить усилием воли взгляд на одном из бледных, тонких силуэтов, снующих повсюду — всегда в спешке, никогда нормальным шагом. И посреди этого безупречная фигура Каммлера. В сопровождении своей черномундирной свиты он шествует по недавно достроенному Туннелю А, указывая то на одно достижение, то на другое. Надо отдать ему должное, за полтора месяца он сотворил свое зловещее чудо. Уже прорисовался гигантский конвейер: краны, цеха, сборочные участки, испытательные стенды, ремонтные мастерские.

Каммлер провел инженеров по всей дороге сквозь гору и вывел на чистый осенний воздух.

— Ну, господа, что скажете?

Граф закурил.

Артур Рудольф, единственный из конструкторов, бывший нацистом с самого начала, еще до прихода Гитлера к власти, отозвался тотчас же:

— Это фантастика!

Клаус Ридель, либеральный утопист, научившийся держать политические воззрения при себе, уткнул взгляд в землю и пробормотал, что он поражен.

— Я не верил, что такое возможно, — заявил фон Браун.

— Доктор Граф? — Каммлер выжидающе посмотрел на Графа.

— У меня нет слов.

— Принимаю это как комплимент! А теперь давайте поедем в Нордхаузен, подкрепимся в моей конторе и более подробно обсудим производственные планы.

Когда они шли к машинам, Граф нагнал фон Брауна:

— Мне нужно вернуться в Пенемюнде. Там от меня будет больше толка.

— Нет. Мы проделали долгий путь до этой точки. Никто из нас не повернет теперь назад.

Фон Браун пошел дальше. Граф остановился и обернулся к жерлу туннеля, потом поглядел на небо. Он казался себе сродни ракете: живая машина, запущенная по расчетной траектории, которую нельзя изменить, и летящая к определенной заранее точке. Инженер бросил окурок и поспешил вдогонку за остальными.

Ночь была ясная, дорога пустая. Над темной массой деревьев, где-то далеко над Северным морем, ярко сиял полумесяц луны, освещая шоссе впереди. Выехав из Схевенингена, Граф дал полный газ. Луна словно путешествовала вместе с ним. «Frau im Mond». Все время, пока шли

испытания в Пенемюнде, на фюзеляжах ракет рисовали жизнерадостный и эротичный символ с киноафиши. И лишь когда ракеты пошли в массовое производство, эта прихоть конструкторов стала неосуществимой.

Граф подъехал к предместьям Вассенара и сбросил скорость. Найдя поворот, притормозил и повернул налево. Его остановили у шлагбаума. Неизменные часовые СС появились из будки.

Граф предъявил удостоверение и пропуск:

— Мне нужно проехать к стартовой площадке.

— Никому не разрешено проезжать за этот КПП.

— Дело очень срочное!

Один из эсэсовцев рассмеялся:

— Ну еще бы! Если вам нужно в бордель, то забудьте.

Второй проявил сочувствие:

— Уезжайте, доктор. Вы ничего не можете сделать.

Где-то в лесу протрещала пулеметная очередь, длинная, секунд на пятнадцать или двадцать. Эсэсовцы обернулись. С полминуты стояла тишина. Грянула еще очередь, покороче, а за ней с полдюжины одиночных выстрелов.

Граф уткнулся лбом в обод рулевого колеса.

Караульные вернулись в будку. Он просидел еще какое-то время, чувствуя, как от вибрации двигателя трясется голова, потом устало сдал на шоссе и поехал обратно.

Глава 16

Кей проснулась, отключила будильник, перевернулась с боку на бок и посмотрела на другую половину кровати. Было слишком темно, чтобы разглядеть, есть ли там мужчина. Она протянула под одеялом руку и пощупала. Матрас был холодный. Арно ушел уже давно. Незаметно для нее.

Голая, она выскользнула из-под одеяла и на ощупь прошла вдоль стены до выключателя. В комнате царил беспорядок, красноречиво рассказывающий свою историю. Ее ботинки, шинель и китель кучей валялись у двери, рубашка и юбка — у изножья кровати, белье и чулки разбросаны поверх покрывала, заодно с галстуком, — Арно никак не удавалось его развязать, поэтому галстук был снят последним. Девушка сделала круг, собирая вещи. В ванной она ополоснула лицо и шею ледяной водой и посмотрела на себя в зеркало.

Он был нежным, страстным, нервным. Однажды, когда она не удержалась от стона, Арно зажал ей рот ладонью и замер, глядя на потолок и прислушиваясь. Над головой скрипнули половицы.

У Кей это вызвало приступ хихиканья.

— Бедный Арно, — прошептала она. — Тебе что, не разрешают приводить девушек в дом?

— У меня очень старомодные родители, — прошептал он в ответ. — Набожные. Они придут в ужас.

Кей с улыбкой взъерошила ему волосы. Чем сильнее он волновался, тем смелее становилась она. Какая восхитительная игра.

Одевшись, Кей проверила постель насчет уличающих следов, разгладила простынь и застелила одеялом. Если служба в ВААФ ее чему-то научила, так это идеально заправлять койку. Она выключила свет и вышла из комнаты. Осторожно прошагала по темному коридору, на лестничной площадке остановилась. Все двери были закрыты. Интересно, где комната Арно? На этом этаже или выше? Глубокая, могильная тишина нарушалась лишь тиканьем высоких и узких часов в прихожей.

Трудно не шуметь, спускаясь по старой деревянной лестнице. Добравшись до первого этажа, Кей заметила полоску света, уже привычную, под дверью в кухню, но, войдя, не увидела никого. На плите кипел чайник. Кей сняла его с конфорки и огляделась. В раковине громоздилась грязная

посуда. Из-за стола был выдвинут стул. Буфет стоял раскрытым, на полках было пусто. Никаких следов принесенной ею еды. Из замка в двери черного хода торчал ключ, но в нем не было нужды — дверь была не заперта.

Выйдя на улицу, Кей как будто уловила запах сигаретного дыма.

— Арно? — тихо окликнула она.

Девушка обернулась, затем пошла дальше по ведущей вдоль стены дома дорожке. Посреди сада снова остановилась и позвала более настойчиво:

— Арно!

Было четкое ощущение, что за ней наблюдают. Кей пробралась по жухлой траве к калитке и вышла на улицу. С предрассветного неба на камни безлюдной мостовой лился серый свет. И здесь его нет, с досадой подумалось ей. Такое впечатление, что Арно смущен случившимся и старается избегать ее. Дорогу до штаба придется искать самой.

Часы на соборе пробили семь, дав ей какой-никакой ориентир. Кей шла по улице и извилистым переулкам. Город медленно просыпался, в некоторых домах загорались огни. Когда она проходила мимо чьих-то ворот, залаяла собака. Время от времени Кей оборачивалась, но вроде никто не

шел за ней. Не стоит быть такой впечатлительной, сказала она себе. Но потом вспомнила, что Арно в самом деле следил прошлым вечером, в чем сам признался, — так почему это не может повториться сейчас? А поскольку он знает, куда она идет, нет нужды прятаться сзади — проще забежать вперед и подождать ее. Предположение, что она может быть объектом некой игры в кошки-мышки, пусть и казалось нелепым, но встревожило Кей. Девушка прибавила шагу.

Она вошла в гулкую пустоту продовольственного рынка, пересекла его и оказалась на извилистой улочке с маленькими старинными домами. Дойдя до ее конца, поняла, где находится: вот торговая улица с закрытым кафе, вот мост через реку, до которого Арно довел ее вчера утром, вот Брюссельпорт и бульвар Конингин-Астрид-лан. Приближаясь к английскому штабу, Кей представляла себя пилотом, возвращающимся с опасного задания и ищущим родной аэродром.

В офицерской столовой было уже людно. Двое лейтенантов из полка разведки — Сэнди, тот самый красавчик, и ворчливый йоркширец (как его зовут, Билл вроде?) сидели за тем же столиком, что и прежде. Сэнди замахал ей рукой, приглашая.

— Слышала, что мы накрыли вчера пару гадин? — весело спросил он.

— В курсе. Вы хорошо поработали.

— Вы тоже! Господи, ну и быстрые эти штуковины! Моргнул — и нету.

— Немцы ограничились двумя или были еще после полудня?

— Нет, только две. Больше не запускали. Может, немцы решили собрать вещички и отправиться по домам? — Сэнди внимательно посмотрел на нее. — Ты в порядке?

— Да, все отлично.

— Запыхалась.

— Дорога долгая. Боялась опоздать.

— Может, выпьем попозже? Допустим, вчетвером? — Лейтенант кивнул в угол, где сидела Барбара и курила сигарету.

— Было бы чудесно. Я спрошу у нее. — Кей улыбнулась и отошла. — Барбара, доброе утро.

— А я вот думала, куда ты запропастилась. — Барбара искоса посмотрела на нее сквозь табачный дым. — Ну?

— Что «ну»?

— Ну?! Ты знаешь, о чем я.

— Дай хотя бы чашку чая выпить.

Кей подошла к столу у окна. Рядом с баком

с чаем лежали жестяные подносы с беконом, яичницей и тостами. Она даже не подозревала, что проголодалась. Это все секс, подумалось ей. Девушка решила ничего пока не рассказывать о случившемся. Если Арно избегает ее, то лучше, наверное, обо всем забыть, по крайней мере, до тех пор, пока не прояснится ситуация. Кей наложила на тарелку еды.

— Ну, выкладывай, — встретила ее Барбара. — Что-то ведь было, да? Я вижу! У тебя именно такой вид.

— Не знаю, о чем ты. Господи, я умираю с голоду. — Кей принялась за завтрак.

Яичница показалась слишком резиновой, чтобы надеяться на иное ее происхождение, кроме как из яичного порошка, но это было не важно. Воздействие горячей пищи на желудок сказалось мгновенно. Девушка ощутила прилив сил.

— Кстати, что мы все про меня? Как твоя прогулка с Йенсом?

— В высшей степени удовлетворительно.

Кей воззрилась на подругу, вилка с куском бекона застыла в воздухе. Забыв о собственном поведении, она была немного потрясена.

— Ты ведь не…

— Идет война, милая. — Барбара сделала затяж-

ку. — В любой момент можно погибнуть.

— Так ты что же, намерена встретиться с ним снова?

— Возможно.

— Куда вы пошли? Не к твоей же пожилой хозяйке?

— Нет, мы были у него дома.

— Господи! — Кей покачала головой и рассмеялась.

— Я шлюха, дорогая, что тут скажешь? — Барбара взмахнула рукой с сигаретой. — А ты? Он хотя бы тебя приобнял?

— Вел себя как настоящий джентльмен.

— Ага, значит, пытался поцеловать. — Барбара посмотрела на нее с видом знатока; Кей выдержала ее взгляд и отпила чая. — Боже, какая ты скрытная! Старуха Ситуэлл гордилась бы тобой.

— А вот теперь ты грубишь. — Кей хотелось переменить тему. Она посмотрела на часы. — Кстати, о Ситуэлл. Нам уже пора.

Кей отнесла грязную посуду и сбросила объедки в бачок. Когда она вернулась, Барбара уже стояла и болтала с Сэнди и Биллом.

— Мы договорились выпить сегодня в шесть, — сообщила Барбара. — Ты как?

— Чудесно. — Кей изобразила улыбку.

«После чего ты пойдешь с Сэнди, а мне останется Билл», — подумала она.

Снова они вчетвером перешли через улицу к банку и предъявили удостоверения. Процесс превращался в рутину. С жизнерадостным «Удачи, девочки!» парни направились к фургонам с радарами, а девушки спустились в хранилище. Воздух тут был неприятным от табачного дыма и запаха слишком многих человеческих тел, собранных в слишком тесном пространстве без вентиляции. Сержанты ВААФ зевали, скучая у досок. У Джоан и Джойс были опухшие лица и красные глаза — обычное последствие кладбищенской смены. Кей были не в диковинку эти симптомы. Она наблюдала их в Медменхеме.

— Происшествия? — спросила она, скидывая шинель.

— Нет, — ответила Джоан. — Ни одной поклевки за ночь. — Ее обычно живое лицо было помятым и хмурым. — Наверное, немцы все приберегли для вас.

По лестнице у них за спиной спустилась флайт-офицер Ситуэлл, распространяя резкий запах карболового мыла. За ней шла утренняя смена сержантов ВААФ. Начальница пересекла комнату и бросила на стол пухлую папку. Потом до блеска

вытерла доску.

— Итак, леди, новый день, новая работа.

Кей заняла свое место, заточила карандаш, сдула очистки и постаралась выбросить из головы мысли про Арно.

Глава 17

В эту самую минуту группенфюрер Каммлер въезжал в Схевенинген.

Он выехал из Хеллендорна в четыре утра, преодолел все сто восемьдесят километров под покровом темноты, избежав обнаружения воздушными патрулями союзников. Этот человек не знал покоя. Казалось, он никогда не ест и не спит. Пылевое Облако — такое прозвище дали ему подчиненные. Половину того периода своей жизни он провел в дороге, на переднем сиденье бронированного, с турельным пулеметом «мерседеса», без устали носясь между пятью полками «Фау–2» — четырьмя вермахтовскими и одним эсэсовским, отданными под его начало. Дивизия ZV — так он велел называть свое войско. Ему слышался особый смысл в этой аббревиатуре: *«ZV» — Zur Vergeltung.* «За возмездие».

Каммлер-строитель — человек, вершащий месть!

Граф видел, как большой автомобиль группенфюрера обогнул угол и с гангстерским визгом шин затормозил перед отелем «Шмитт»; видел,

как дверца откинулась и Каммлер с непокрытой головой выскочил на мостовую, а потом с заднего сиденья слезли двое адъютантов. Бам-бам-бам — лязг закрывающихся дверей заметался рикошетом по тихому утру. Каммлер помедлил, надевая фуражку и поправляя ее до идеально ровного положения, — даже в самых мелких его повадках сквозит тщеславие, подумал Граф. Затем эсэсовец резво взбежал по ступеням и вошел в штаб. Фон Брауна нигде не было видно.

Граф поднял воротник и пошел дальше.

Бледный рассвет брезжил над гостевыми домами — полузаброшенными, с облупившимися деревянными балконами и покрытыми солью стеклами на верандах. И по мере того как отступала тьма, глазам открывались раны минувшей ночи. У некоторых домов были выломаны двери. Разбитые стекла звенели под напором свежего восточного ветра. Осколки лужицами блестели на мостовой.

Личный состав ракетных батарей расходился по служебным надобностям, опустив голову и не говоря лишних слов. Граф выждал, пока проедет грузовик, потом перешел через дорогу по направлению к локомотивному депо.

Там три неисправные «Фау–2» готовились к от-

правке поездом обратно в Нордхаузен. Починить их на месте не удалось, и теперь требовалось приложить к каждой описание конкретной поломки, чтобы инженеры в Германии разобрались. Он машинально переходил от бокса к боксу, изучая карты диагностики, обмениваясь парой фраз с техниками, подписывая отчеты. Было облегчением сосредоточиться на привычных сухих терминах, касающихся давления в топливном насосе или электрического сопротивления. Мозг его отупел. Граф не успел закончить, когда дверь в депо откатилась на роликах и появился один из штабных офицеров Хубера.

— Доктор Граф, вас требуют немедленно явиться в штаб.

— У меня здесь дела.

— Группенфюрер Каммлер желает поговорить с вами.

— Какого черта ему от меня понадобилось?

Офицера задел такой тон.

— Не сомневаюсь, он сам вам об этом скажет. Это приказ. Идемте со мной, пожалуйста.

Граф вышел за лейтенантом на улицу. Им овладело предчувствие чего-то неприятного, как бывало слишком часто при встречах с Каммлером. Уже больше года он наблюдал, как

группенфюрер потихоньку прибирает к рукам ракетную программу. Граф изучал его с каким-то отстраненным и покорным ужасом: так укушенный ядовитым пауком человек следит за тем, как его тело член за членом сдается параличу. Камммлер не только построил завод в Нордхаузене. Ему поручили создать новый испытательный полигон «Фау–2» для СС на территории Польши. То был еще один последовавший за бомбардировкой в Пенемюнде подарок дальновидного Гиммлера — подарок, от которого невозможно отказаться.

— Где именно в Польше? — спросил Граф у фон Брауна, когда план только забрезжил.

— Примерно в двухстах пятидесяти километрах к югу от Варшавы.

— Что? В глубине материка?!

Еще со времен «Макса» и «Морица» они запускали ракеты только с берега, чтобы те в конце полета безвредно падали в Балтийское море.

— Да, я указал на риск ущерба для мирного населения, но это не помогло. — Фон Браун вскинул руку, пресекая протесты Графа. — Полигон должен находиться вне досягаемости Королевских ВВС.

Испытания в Польше Граф начал посещать пару месяцев спустя — летал туда из Пенемюнде

и задерживался на два-три дня. Инженеров селили в железнодорожных вагонах на запасной ветке у деревни Близна. Вся территория предприятия, получившего название «Хайделагер», охранялась эсэсовцами. Здесь сложно было не чувствовать себя узником. Номинально начальником оставался Дорнбергер, но Каммлер все чаще присутствовал при запусках. Поначалу он довольствовался простым наблюдением как «представитель рейхсфюрера СС». Но в течение зимы все активнее участвовал в технических совещаниях, приезжая иногда без предупреждения, в отсутствие Дорнбергера. То был очередной период неудачных запусков. По мере того как ракета за ракетой пролетали горизонтально над головой или взрывались в воздухе, тон Каммлера становился все язвительнее. Случались даже нападки на фон Брауна.

— Витаете среди звезд, профессор! К этому проекту нужно подходить с большей трезвостью!

Однажды, проходя мимо его кабинета, Граф подслушал телефонный разговор с Гиммлером. Каммлер говорил достаточно громко, чтобы голос разносился далеко.

— Да, рейхсфюрер, очередная неудача! Согласен… Согласен… Крайне безответственно. Теперь,

когда у нас появилась возможность изучить их более внимательно, я прихожу к выводу, что следует арестовать все это стадо свиней за измену!

Было очевидно, что яд подступает от конечностей все ближе к сердцу. И все-таки четыре месяца спустя, когда он достиг своей цели, суровость развязки застала Графа врасплох. После бомбежки его эвакуировали из квартиры на территории экспериментального завода и поселили вместе с другими ведущими конструкторами в отеле «Инзельхоф» в Цинновице, выходившем окнами на поросший камышом берег моря. Было два часа ночи, когда его разбудил громкий стук в дверь. Открыв, он увидел двух мужчин в перехваченных ремнями дождевиках и черных шляпах.

— У нас ордер на ваш арест. Одевайтесь и идите с нами.

— Я требую, чтобы мне дали переговорить с профессором фон Брауном.

— Он тоже задержан.

Граф слышал, как гестаповцы ходят от номера к номеру. Той ночью арестовали четырех конструкторов, включая фон Брауна, и ночью перевезли из Пенемюнде в Штеттин. Инженерам не разрешали общаться между собой, каждого транспортировали в отдельной машине, каждого

сажали в одиночную камеру, каждого допрашивали индивидуально.

— В воскресенье, семнадцатого октября тысяча девятьсот сорок третьего года, на пляже в Цинновице, на вечеринке в обществе профессора фон Брауна, доктора Гельмута Греттрупа и доктора Клауса Риделя, говорили ли вы, что война проиграна, что ракеты не спасут Германию, а вашей целью с самого начала было построение космического корабля?

— Господа, не припомню, чтобы я говорил нечто подобное…

Разумеется, он прекрасно все помнил, по крайней мере до того момента, когда напился и уже не мог твердо стоять на ногах. Дело было вскоре после второго визита в Нордхаузен, и он еще не отошел от шока. Фон Браун просунул голову в его дверь и сообщил, что фройляйн Буцлафф, местный стоматолог, устраивает коктейльную вечеринку на пляже и все они приглашены.

— Пойдем, тебе надо развеяться.

Теплый, тихий осенний вечер. Китайские фонарики — розовые, лимонные, лаймовые — расставлены среди дюн. Из граммофона звучит запрещенный американский джаз. Коктейли с водкой, куча закусок: пожалуй, чересчур много

спиртного и еды. Ему показалось тогда странным, что женщина-стоматолог из маленького курортного городка сумела раздобыть столько деликатесов в военное время. Но какая, черт побери, разница? Быть может, именно контраст с заводом на рабской силе так охмелил инженеров и так живо напомнил о славных деньках на Ракетном аэродроме.

Граф: «Я хотел построить космический корабль, а не машину для убийства».

Ридель: «Положительная сторона в том, что это не столь уж эффективная машина для убийства».

Фон Браун: «Когда война будет проиграна, наша задача — не дать нашим достижениям сгинуть».

Греттруп: «Пенемюнде достанется Советам. Это лишь вопрос времени. Коммунистическая система — наша главная надежда».

Каждое слово было записано — то ли хозяйкой, то ли кем-то из гостей, информатором Зихерхайтсдинст[40]. Когда Графу предъявили расшифровку разговора, черным по белому, он решил, что все они покойники. Но допросы продолжались день за днем, гестаповцы тщательно копались во всей истории ракетной программы,

---

[40] Примечания: 40

Нем. Sicherheitsdienst, сокращенно СД — служба безопасности немецкого рейха, действовавшая в тесном контакте с СС.

и он пришел к иным выводам. В конце концов, если эсэсовцы знали о вечеринке с октября, то почему тянули с арестом до марта?

Неделю спустя арестованных отвезли обратно в Цинновиц и отпустили. Легенда гласила, что Дорнбергер переговорил со Шпеером, тот вышел на Гитлера, и Гиммлер великодушно согласился освободить узников. А почему нет? Живые они были для него куда полезнее, чем мертвые. Компромат собран в папочку, рейхсфюрер может прижать их к ногтю в любой миг. Спустя немного времени Дорнбергер был отстранен и Гиммлер официально получил полный контроль над ракетной программой. Практическое руководство он поручил Каммлеру.

— В Германии существует теперь три варианта выбора, — сообщил конструкторам Каммлер. — Быть расстрелянным СС, гнить в тюрьме СС или работать на СС.

И вот он сидит в кабинете Хубера, развалившись в кресле Хубера, положив на стол Хубера начищенные до блеска сапоги, и, как всегда громко, разговаривает по телефону. Адъютанты стоят рядом навытяжку, похожие в своих безупречных мундирах на лакеев.

— Да… Да… Так вы даете разрешение продол-

жать? — Он заметил Графа и небрежно поманил пальцем.

Хубер, Дрекслер, Бивак, Кляйн и Зайдель стояли на почтительном удалении и наблюдали за ним.

— Превосходно! — Он передал трубку адъютанту, чтобы тот положил ее на рычаг. — Доктор Граф? — Каммлер нахмурился и вскинул подбородок.

Граф вскинул руку:

— Хайль Гитлер!

— Не я должен ему напоминать, Хубер. Это закон. Позаботьтесь, чтобы ваши люди не забывали о правильном приветствии.

— Да, группенфюрер. — Хубер бросил на Графа испепеляющий взгляд.

Каммлер скинул ноги со стола, встал и подошел к столу для совещаний, на котором была разложена карта.

— Итак, господа. За минувшую ночь мы кое-что выяснили. Похоже, вражеская бомбардировочная авиация может получать сведения не от местного населения. — Он склонился над картой.

Офицеры вермахта осмелились быстро переглянуться у него за спиной. Зайдель поймал взгляд Графа.

— У нашего разведотдела остались кое-какие

ресурсы в Бельгии, и один из агентов вышел вчера ночью на связь со своим куратором. Англичане привезли несколько новейших радарных установок и разместили их здесь, в Мехелене. — Палец группенфюрера несколько раз ткнулся в упомянутый город. — Кроме инженерных частей, группа женщин, — это слово прозвучало из его уст презрительно. — Она явно задействована для математических расчетов на основании получаемых от радаров данных. — Он обратился к Графу: — Технический вопрос для вас, доктор. Способен ли враг установить расположение наших стартовых площадок при помощи радара?

Руки Графа сжались в кулаки, ногти впились в ладони. В его голове трещали пулеметные очереди. Он уставился на Каммлера:

— Простите, группенфюрер. Не могли бы вы повторить вопрос?

Каммлер вздохнул:

— Существует ли вероятность, что враг сумеет засечь наши стартовые площадки при помощи радара и команды женщин-вычислителей?

— Могу я взглянуть, где это? — Граф указал на карту.

— Конечно.

Каммлер отошел в сторону. Граф занял его

место у стола. Он нашел Мехелен, посмотрел на Гаагу и снова на Мехелен. Город находился почти строго к югу от них: примечательно, если учесть, что траектория полета «Фау–2» направлена приблизительно с востока на запад. Да и радары тут существенно ближе — расстояние вдвое меньше, чем до радиолокационных станций на английском побережье.

Граф понимал, что Каммлер и остальные ждут его вердикта.

«Что ж, умно придумано, — решил он. — Даже гениально. И почему это нам не приходило в голову?»

Инженер распрямился:

— Мне, конечно, сложно судить о характеристиках вражеских радаров. Но они явно расположены на дистанции, позволяющей засечь наши ракеты вскоре после взлета: местность между нами и Мехеленом совершенно плоская, сигналу ничто не препятствует.

— Дистанция имеет значение?

— Да. Дистанция и, что более важно, расположение к югу: это дает вид сбоку. Если их радары способны видеть достаточно высоко, становится возможным собрать достаточно данных о траектории полета в течение нескольких секунд.

Затем, триста десять секунд спустя, у них появляется точка падения в Англии. Сведя воедино обе части информации, англичане получают шанс построить параболическую кривую и благодаря ей вычислить приблизительные координаты места запуска.

— И они успеют подогнать бомбардировщики за тридцать минут? — спросил Каммлер.

— Теоретически — да, если сумеют достаточно быстро провести вычисления. — Граф не удержался и добавил: — Похоже, угрозу для нас представляют не женщины в борделях, а женщины, познавшие законы математики.

Каммлер задумчиво хмурился — должно быть, не услышал.

— Это серьезный просчет в ракетной программе. Почему нас раньше не предупредили о подобной угрозе?

— Мы об этом никогда не думали.

— Не думали! Вы все в Пенемюнде такие умники — и не удосужились подумать!

— Полагаю, мы не рассчитывали, что ракеты придется запускать со столь открытой позиции, когда неприятель находится вокруг нас.

Каммлер впился глазами в карту и сложил руки.

— Ну ладно, нам нужно что-то предпринять.

— Могу я высказать предложение, группенфюрер? — сказал Хубер. — Простейшим решением было бы перенести все запуски на ночное время и постоянно менять позиции. Даже если враг установит координаты наших площадок и нанесет на следующий день удар, полученные им разведданные успеют устареть.

Каммлер, по-прежнему насупленный, покачал головой:

— Слишком пассивно. Нам следует отвечать на агрессию агрессией.

— Какие у нас есть варианты? Вы предлагаете запросить у люфтваффе бомбовый удар по Мехелену?

— От люфтваффе мало что осталось, им точно не хватит сил разбомбить город в Бельгии. — Группенфюрер поднял глаза, неожиданно воодушевившись. — Но какая в них нужда? Ведь у нас самих есть в руках оружие, верно? — Он обвел взглядом комнату. — Разве это не очевидно, господа? Мы нанесем удар ракетой!

У Зайделя от удивления округлились глаза. Кляйн потупился.

— При всем уважении, группенфюрер, «Фау-два» не годится на роль тактического оружия, —

сказал Хубер. — Ему не хватает точности.

— Мы говорим про город, полковник, а не про какой-нибудь мост! — Каммлер ткнул пальцем в карту. — Вы хотите сказать, что мы не сумеем попасть в мишень размером с город?

Хубер замялся:

— В город попасть можем, но шанс поразить радарные установки ничтожно мал.

— Тогда мы выпустим две ракеты и удвоим шансы! — Пылевое Облако не признавал никаких преград. — Когда у нас по графику очередной запуск?

— Мы планировали подождать до конца церемонии погребения.

— Которая назначена на какое время?

— На одиннадцать.

— Но это же еще два с половиной часа! Я хочу, чтобы запуск организовали немедленно! Если ли лучший способ почтить наших павших, чем отомстить врагу?

— Этих людей убил не враг, — заметил Граф.

Каммлер развернулся к нему:

— Меня уже тошнит от вашей породы! Вы выпили из рейха всю кровь, создавая свои проклятые ракеты, а теперь заявляете, что не способны попасть в город, расположенный в двух часах

езды отсюда! Я хочу, чтобы запуск организовали немедленно. Это ясно?!

Хубер вытянулся по стойке смирно:

— Да, группенфюрер!

Каммлер коротко кивнул:

— Наименование цели держите от людей в секрете. Нам нужно защитить наш источник. Можете идти.

Три офицера вермахта вышли из кабинета. Граф последовал за ними.

— Ну, приказ вы слышали, — устало проговорил Хубер, когда они собрались в коридоре. — Зайдель, готовьте вашу батарею к пуску. Граф, вам лучше проследить за перенацеливанием ракеты. — Плечи его поникли, он выглядел раздавленным.

К ночи от него вообще ничего не останется, подумалось Графу.

Они пересекли вестибюль и вышли на утренний воздух.

Граф корпел в палатке техников над картой, меря циркулем расстояние. По его расчетам, дистанция полета от Схевенингена до Мехелена составляла сто двадцать один километр. Транспортир подсказал, что вместо азимута 260 градусов ракету следует развернуть южнее,

на азимут 183 градуса. Время работы двигателя нужно сократить с 65 до 26 секунд, чтобы сделать траекторию более пологой. Это означало, что придется отсоединить бортовой акселерометр и вместо него для отключения двигателя использовать радиосигнал с земли. Арифметические расчеты получились очень грубыми, но большего он сделать не мог. Граф бормотал под нос, кляня Каммлера.

Он отдернул полог палатки. Ракета лежала под деревьями на колесном лафете, прицепленном к тягачу. Приборный отсек номер три был открыт. При помощи отвертки и плоскогубцев Граф отсоединил акселерометр, кивнул фельдфебелю и отошел, чтобы тот мог без помех привинтить лючок на место. Фельдфебель стукнул ладонью по крыше тягача; мотор завелся, и ракета медленно поехала к участку крепления боеголовки, где был подвешен носовой конус с тонной аматола, еще не извлеченный из металлического транспортировочного барабана. Требовалось пять человек, чтобы опустить его при помощи шкивов и блоков, и направить на место. Как только конус прикрепили к фюзеляжу, контейнер убрали. Пять минут спустя установили взрыватели. Ракета была снаряжена.

Пока ее везли по лесной дороге, Граф шагал рядом, как распорядитель похорон подле катафалка. Впереди на поляне, под широким порталом передвижного крана, уже стоял наготове «мейлерваген». Тягач остановился, «Фау–2» подняли и развернули; ее нос важно кивал на ветру. Трое солдат налегли на стропы, чтобы удержать груз ровно. Когда ракету опустили на «мейлерваген» и закрепили сзади и спереди, Граф подошел к кабине тягача и открыл дверцу.

— Подвезете?

— Конечно. Залезайте.

Они поехали к стартовой площадке. Граф высунулся в окно, подставив голову свежему ветру. Он смотрел на проплывающие мимо деревья и гадал, не отправится ли после своего обмена репликами с Каммлером снова в камеру гестапо. И понял, что ему все равно. Им овладела какая-то пугающая отстраненность. Его не заботило даже, что он сейчас перенацелил баллистическую ракету для удара по бельгийскому городу. Англичане или бельгийцы — какая разница? Сколько мирных людей он уже убил? Граф закрыл ладонями лицо. «Господи, — думал он, — кто я такой? Чем я лучше эсэсовца? В каком-то смысле даже хуже. Тем хотя бы хватает духу убивать своих врагов

лицом к лицу».

Пусковой стол уже был подготовлен. С десяток человек ждали. Тягач остановился в пятнадцати метрах, Граф спрыгнул с подножки и стал смотреть, как «мейлерваген» отцепляют от тягача. К лафету были присоединены стальные тросы, ручными лебедками их подтянули так, чтобы основание ракеты оказалось над пусковым столом. Опустили опорные домкраты. Гидравлическая ферма вместе с ракетой пошла вверх. Какая простота конструкции! За пару минут «Фау–2» приняла вертикальное положение, повиснув на «руке» «мейлервагена», в нескольких сантиметрах над кольцом стола. Положение ракеты проверили, после чего ее медленно опустили на стол. Как только эта процедура была закончена, «мейлерваген» отъехал на пару метров. Подъемную ферму опустили, на разных высотах установили площадки обслуживания. Затем стрелу снова подняли и подвели к ракете. Протянули кабели для тестирования электрики.

Граф подошел к геодезисту, при помощи теодолита проверявшему, строго ли вертикально стоит «Фау–2»:

— Для этого запуска будут другие координаты цели.

Солдат удивленно заморгал. За минувшие шесть недель все взлетавшие из Гааги ракеты направлялись по одному и тому же маршруту — на Лондон.

— Это новый приказ?

— Азимут сто восемьдесят три. Обратитесь к лейтенанту, если угодно — он подтвердит.

Он увидел Зайделя, идущего от машины управления пуском, и махнул ему:

— По моим расчетам, азимут сто восемьдесят три градуса.

— Отлично, — сказал Зайдель. — Солдат, ты слышал доктора Графа. Перенацелить ракету.

— Есть, герр лейтенант!

Рокот двигателей известил о приближении заправщиков: двух со спиртом, одного с жидким кислородом и одного с перекисью водорода. Граф и Зайдель отошли.

— Я отсоединил акселерометр, — сообщил инженер. — Нужно будет отключить двигатель радиосигналом через двадцать три секунды.

— Что произойдет, если сигнал не сработает?

— Мы ударим по Реймсу.

Зайдель застыл на полушаге:

— Вы шутите?

— Нет. Я дважды проверил. Если ракета проле-

тит всю дистанцию, она упадет именно там.

— Господи, это безумие — даже для Каммлера! Он хоть знает?

— А какая ему разница? Это всего лишь французы.

Качая головой, Зайдель пошел надзирать за заправкой, а Граф занял свою обычную позицию — прислонился к дереву, готовый поспешить туда, где потребуется его опыт. Он смотрел, как расчеты заправщиков и ракетчиков ведут подготовку «Фау–2». С сопел сняли защитные конусы. Графитные рули, слишком хрупкие, чтобы ставить их заблаговременно, прикрепили под стабилизаторами. Аккумуляторы, разрядившиеся за время проверки электрики, спустили на землю и заменили на новые. Автоцистерны расположили вокруг ракеты, шланги раскатали.

Каждая из этих процедур давно стала рутинной. Никто из солдат даже понятия не имел, сколько лет ушло на разработку каждой из них. Труд всей моей жизни, думал Граф, и вот к чему он свелся — к удару по ничего не подозревающему бельгийскому городу.

Шесть тысяч литров спирта закачали первыми, на это ушло десять минут. Затем шесть тысяч семьсот пятьдесят килограммов жидкого кис-

лорода, это еще восемь минут. Трубы блестели, покрывшись слоем льда. Над поляной плыли облака конденсированного водяного пара. Перекись водорода закачивали в паровой отсек. Марганцовокислый натрий, которому предстояло вступить в реакцию с перекисью водорода и дать пар для турбонасосного агрегата, извлекли из подогреваемого контейнера и загрузили через отверстие в хвостовом отсеке. Закрыли люки. Заправщики отъехали. Ферма «мейлервагена» опустилась. Установили воспламенитель. Наконец геодезисты развернули ракету на пусковом столе так, чтобы стабилизатор номер один встал точно по азимуту 183 градуса.

Граф отлепил спину от дерева и пошел к машине управления пуском под вой сирены. Он закрыл за собой тяжелую дверь броневика. Зайдель, наблюдавший из люка в крыше, закрыл его и скользнул на свое сиденье. В руке у него был секундомер.

— Двадцать три секунды, так?

— Верно.

Зайдель поднял телефонную трубку. Радиолокационная станция в Гааге сообщила, что все чисто и можно запускать. Он кивнул сержанту:

— Приступайте.

Когда пошел обратный отсчет, Граф напрягся. Через бронестекло он наблюдал привычную картину: сноп искр, раздувающееся пламя, резко усиливающийся шум и жар от двигателя, выходящего на полную мощность. Зайдель нажал кнопку секундомера как раз в тот миг, когда ракета скрылась из виду.

— Приготовиться к отключению двигателя, — сказал он в трубку. — Двадцать секунд… пятнадцать секунд…

Глава 18

В Мехелене зазвонил телефон. Все вздрогнули. В душной тишине банковского хранилища звонок прозвучал как сигнал пожарной тревоги.

Кей с надеждой посмотрела на аппарат. Напряженное ожидание играло на ее нервах. Дюжина пар глаз впилась в сержанта-связиста.

Он выслушал сообщение и поднял руку:

— Немцы произвели запуск!

Раздался короткий звонок. Кей схватила карандаш.

— Контакт: азимут сто восемьдесят три, — монотонно заговорил капрал, — высота тридцать одна тысяча, скорость три два два ноль фута в секунду…

— Подождите-ка, — пробормотал Ноузли и озадаченно посмотрел на капрала. — Сто восемьдесят три? Это, должно быть, ошибка. — Он схватил транспортир, выскочил из-за стола и подошел к карте.

Кей не поднимала головы, записывая.

— Курс контакта сто восемьдесят три, — снова заговорил капрал. — Высота сорок семь тысяч,

скорость…

— Затребуйте подтверждение курса, — перебил его Ноузли.

— Прошу подтвердить курс. — Капрал выждал. — Курс подтвержден. — Связист слушал голос на другом конце линии; теперь и на его лице отразилось недоумение. — Ракета поднимается, но радары не могут определить ее траекторию, сэр.

— Конечно, ведь она летит прямо на нас. — Голос винг-коммандера звучал спокойно. — Подать сигнал воздушной тревоги. Всем в укрытие.

«Фау–2» с выключенным по радиосигналу двигателем пронеслась в свободном полете над Роттердамом на скорости, в два раза превышающей скорость звука.

Все бросились искать укрытие — все, кроме Кей. Она не могла поверить, что это происходит с ней снова.

— Кей, лезь под стол! — сказала Барбара. Чтобы привлечь внимание, ей пришлось прокричать: — Кей!

Кей опустилась на колени и забралась в тесное пространство под столом. С улицы донесся вой сирены воздушной тревоги.

— Аж мурашки по коже, — сказала Барбара.

Они лежали на животе, бок о бок. Кей повернула голову и посмотрела на Барбару. Паркет под щекой источал сладковатый до тошноты запах пчелиного воска. Барбара ободряюще улыбнулась, взяла руку подруги, пожала. Другую руку Кей положила на затылок, защищая голову — как будто это поможет, подумалось ей. Она зажмурилась.

Пресвятая Дева Мария, Матерь Божия, помолись за нас, грешных, ныне и в час нашей смерти…

Сирена смолкла.

Время словно растягивалось и разжималось, уходя все дальше и дальше — невыносимо далеко.

Внезапно изменилось атмосферное давление. Тот самый мгновенный щелчок в ушах как высказанное шепотом предостережение; то, что уже было пережито в Лондоне. И могучий грохот над головой. Затем донесся раскат отдаленного взрыва — и утонул в запоздало накатившем реве ракеты.

Кей неподвижно лежала в воцарившейся тишине. «Мне дважды пришлось услышать это трезвучие, — подумала она. — Не многие среди живых способны похвастаться таким опытом».

— Это оно и есть? — шепотом спросила Барбара спустя полминуты.

— Похоже. — Начался приступ клаустрофобии, и Кей задвигала локтями, выбираясь из-под стола.

Остальные тоже появлялись из своих укрытий. Она встала и стряхнула пыль с кителя и юбки. На улице прозвучал сигнал отбоя тревоги. Кто-то разрыдался.

— Ой, да заткнись ты! — рявкнула Ситуэлл.

Они вереницей покинули хранилище и собрались на мостовой. Справа через дорогу, вдали за шпилями Брюссельпорта, поднимался черный дым. Прохожие останавливались поглядеть на него. В точности как в Лондоне, подумалось Кей: они потрясены случившимся, переживают за тех, кого мог настичь удар, радуются, что не их самих.

— Интересно, куда попали, — проговорила Барбара.

Кей вглядывалась в столб дыма. Он слегка наклонился по ветру.

— Похоже, это в той стороне, где моя квартира.

— Господи! Будем надеяться, что с Арно все в порядке.

— Пойдемте, — сказала Ситуэлл. — Нечего ка-

нитель разводить.

Следуя за остальными к зданию штаба, Кей не сводила глаз с дыма.

— Всякий раз, как ты целуешь мужчину, немцы выпускают по нему ракету — ты об этом не задумывалась? — спросила Барбара.

Поднявшись в столовую, Ноузли распорядился закрыть двери и хлопнул в ладоши, привлекая внимание. Рядом с ним стоял армейский майор, человек с квадратным лицом, мускулистый, как боксер. Майор словно оценивал всех по очереди. Кей почувствовала на себе его взгляд.

— Так, слушайте меня. Важно сохранять спокойствие. Район Мехелена уже подвергался удару нескольких «Фау-два», но они запускались из Германии и почти наверняка были нацелены на Антверпен. Эта прилетела из Гааги, откуда стреляли только по Лондону. Следовательно, если немцы не выбрали другую цель в Англии, мы должны исходить из предположения, что они действовали намеренно.

Ноузли помедлил, давая информации усвоиться. По столовой пробежал нервный шепоток.

— Мне нужно переговорить со Стэнмором и начальником нашей службы безопасности. — Он слегка повернулся и кивнул на майора. — А на

это время, считаю, целесообразно отпустить вашу смену. Можете подождать в штабе, можете вернуться в свои квартиры, а в четырнадцать ноль-ноль мы возобновим дежурство. И помните — я не устану это повторять — нельзя никому рассказывать о том, что услышали от меня. Для местного населения и нашего обслуживающего персонала это просто очередная ракета, летевшая на Антверпен и сбившаяся с курса. Это ясно? Хорошо. Все свободны.

Вычислители разбрелись по залу мелкими группами.

— Что собираешься делать? — спросила Барбара у Кей.

— Наверное, надо сходить и посмотреть, цел ли дом.

— Хочешь, пойду с тобой?

— Нет, я справлюсь.

Дым от «Фау–2» походил на оптический обман. Чем дольше Кей пыталась приблизиться к нему, тем больше он отдалялся — будто некий злобный дух манил ее за собой. Время от времени звучали сирены, но очень слабо и всегда в отдалении. Когда она добралась до улицы, где стоял дом Вермюленов, стало очевидно, что ракета упала на изрядном расстоянии от центра, а может, и

вообще вне городской черты.

Кей открыла садовую калитку, поднялась на крыльцо, позвонила, подождала, затем подергала дверную ручку. Заперто, разумеется. Вспомнилось, как накануне Арно достал ключ с притолоки. Она поднялась на цыпочки и пошарила по гладкому камню. Пальцы коснулись металла.

Внутри дом был пустым и тихим, сумрачным даже среди дня. Оказавшись в прихожей с ее призрачными религиозными реликвиями, Кей нервничала, словно вор. Она вошла в кухню. Тарелки вымыты и убраны, везде порядок и чистота. Девушка вернулась в прихожую, решив заглянуть в кабинет доктора Вермюлена, но отказалась от этой затеи: уж слишком похоже на вмешательство в чужую жизнь. Она поднялась в свою комнату.

Шторы были раздвинуты. На кровати — идеально заправленной ею по уставной норме ВААФ — виднелось небольшое углубление, как будто на ней кто-то посидел. Кей заглянула в шкаф и проверила одежду, затем села за стол и выдвинула ящик. Линейка на месте, вместе с таблицами логарифмов и листами, на которых она писала расчеты, упражняясь в первый вечер пребыва-

ния здесь. Впрочем, листы лежали не совсем как раньше. Беспорядок был совсем невелик, кто другой не обратил бы внимания. Но Кей была приучена замечать подобные вещи.

Это как работать со стереоскопом в Медменхеме. Смотришь на одиночную фотографию, и картинка плоская. Кладешь с ней рядом другую, сделанную на долю секунды позже, и перед тобой уже трехмерное изображение. Глядя в ящик письменного стола, Кей увидела события последних двух дней в новом свете.

Почти минуту она сидела неподвижно, вспоминая каждую мелкую деталь. События, ничего не значившие сами по себе, приобретали определенный смысл, будучи сложены воедино. Нежелание Вермюленов принимать ее. Фотография погибшего сына, лежащая лицевой стороной вниз на столе в кабинете. Нацистское приветствие в баре у реки. Нервные взгляды, которые бросал Арно на потолок, пока они занимались любовью. Отсутствие еды в буфете. Запах табачного дыма у двери черного хода этим утром.

Она встала, вышла из комнаты, добралась по коридору до лестницы и стала подниматься на третий этаж. По ее прикидкам, помещение, что прямо над ее комнатой, должно было находиться

в конце дома, слева.

Дверь полуоткрыта. Белье на односпальной кровати смято, словно кто-то метался в горячке. В воздухе стоит крепкий запах мужского пота и застарелого сигаретного дыма. Стопки книг. Аптечка первой помощи с поднятой крышкой; внутри бинты, ватные тампоны, пузырек с антисептиком. На туалетном столике жестянка из-под тушеной говядины «Фрей Бентос», из припасов, отданных позавчера мадам Вермюлен. Из банки торчит начисто облизанная ложка. Кей выдвинула ящик стола. Маленькое серое удостоверение личности, похожее на паспорт, с надписью *«3. SS Panzer Division „Wiking“»* на лицевой стороне, внутри фотография молодого человека, поразительно похожего на Арно. Удостоверение на имя Гийома Вермюлена, с указанием группы крови, подписью старшего офицера и багровой печатью со свастикой.

Хотя сердце колотилось, голова оставалась холодной и ясной. Гийом не погиб. Он воевал на стороне немцев. Он прячется, раненый, судя по всему. И носа высунуть не смеет из дому. Поэтому, даже если все ушли, Гийом должен быть здесь. Он наверняка слышал, как Кей стучала в дверь, как входила, как заглядывала в кухню и поднималась

по лестнице.

Кей медленно повернулась, ожидая увидеть его за спиной. Но проход к двери был свободен, так же как и путь по коридору и лестнице. Девушка спустилась до площадки второго этажа и с нее оглядела прихожую. Вымощенный белой и черной плиткой пол был пуст. Едва ли Гийом прячется в одной из спален, а значит, он или в гостиной, или, что вероятнее, поскольку в гостиной холодно и неуютно, в кабинете отца. Наверняка прислушивается.

Кей прикинула расстояние до парадной двери. Можно побежать к ней, но это, скорее всего, побудит его выскочить и броситься наперехват. Разумнее идти обычным шагом. Девушка пошарила взглядом в поисках чего-нибудь способного сойти за оружие, но не нашла. Ладно. Она расправила плечи. Вперед.

Кей спустилась по ступенькам, пересекла прихожую, открыла парадную дверь и вышла. Ключ так и торчал из замка. Она заперла дверь и вернула ключ на притолоку. Окна кабинета выходили в сад, шторы были задернуты. Ей представилось, как Гийом, чуть раздвинув плотную ткань, наблюдает за ней. Кей подавила инстинктивное желание поспешить и размеренным шагом по-

шла по траве. Когда оставалось полпути, калитка открылась, вошли доктор, мадам Вермюлен и Арно.

Бельгийцы удивленно остановились. Кей приблизилась к ним.

— Вы целы, — сказала она. — Слава богу.

— Что вы здесь делаете? — холодно осведомился доктор Вермюлен.

— Пришла убедиться, что с вами все в порядке. — Голос звучал сдавленно, высоко, фальшиво, поэтому она добавила излишне бодро: — Не знаете, где упала ракета?

Арно внимательно смотрел на нее.

— Мы ходили узнать, но близко подойти не смогли. Похоже, взорвалась где-то в полях.

— Повезло, значит. — Ей удалось улыбнуться. — Ладно, раз с вами все в порядке, я пошла. Увидимся вечером.

Вермюлены стояли у нее на пути. Кей сдвинулась с места, и на миг показалось, что Арно остановит ее. Он словно решал, как быть.

— Да, — сказал молодой человек. — Так будет лучше.

Он отошел, и мгновение спустя Кей миновала калитку.

На площади рядом с собором она замахала

английскому джипу, в котором сидели капрал и двое рядовых. Машина пересекла мощенное камнем пространство и затормозила.

— Да, мэм? — обратился к ней капрал. — Что-то случилось?

— У меня есть основания считать, что в доме поблизости прячется немецкий солдат.

Глава 19

В самом центре пусковой зоны полка, на полпути между Схевенингеном и Вассенаром, на покрытой лесами и дюнами равнине километрах в двух от моря, лежал Дойндихтский ипподром: овальная беговая трасса протяженностью в восемь фарлонгов[41], с тремя трибунами, построенная перед Первой мировой войной. Именно здесь должны были состояться торжественные похороны огневого взвода лейтенанта Штока.

Графу не хотелось идти. Через четыре дня после бомбардировки Пенемюнде на кладбище, спешно сооруженном близ железнодорожной ветки, в братскую могилу опустили более сотни гробов. Он даже не знал, в каком из грубо сколоченных деревянных ящиков покоится тело Карин. Но на прошлое, как на предлог, не сошлешься, тем более в данной ситуации. Гибель этих людей отчасти и на его совести. Воздать им последние почести — его долг. Поэтому, как только «Фау–2» полетела на Мехелен, а пусковая команда эвакуировалась

---

[41] Примечания: 41

Фарлонг — английская мера длины, используемая для измерения расстояний на скачках. Равна 220 ярдам, или 201,2 м.

с места старта, Граф оказался на переднем сиденье зайделевского «кюбельвагена»; на заднем расположились сержант Шенк и фельдфебель.

Когда они приехали, заброшенные трибуны, с облупившейся краской и в пятнах гнили, уже были почти полны. Вольно или невольно здесь собралось около тысячи человек — штаб полка, специалисты технических служб, сгружавшие ракеты с железнодорожных платформ и готовившие их к полету, пусковые расчеты и прочая обслуга: водители, интенданты, сигнальщики, повара, зенитчики, пожарные, радисты. Здесь были все, кого прислали на этот пустынный отрезок побережья, чтобы обстреливать ракетами англичан. Эти люди сидели траурными рядами и внимали полковому оркестру, исполнявшему подходящие случаю марши.

Небо было высокое, чистое, серое: никаких признаков Королевских ВВС. На заросшей пыреем песчаной дорожке стояли на низком помосте полдюжины стульев и микрофон. Протестантский пастор и католический священник сидели бок о бок. Перед помостом лежали шеренгой двенадцать гробов, поверх каждого флаг со свастикой и фуражка погибшего. Рядом застыл навытяжку почетный караул. Вид этих осиротевших фуражек

вкупе с траурной музыкой вогнал Графа в тоску. Точь-в-точь как в Пенемюнде. Он снял шляпу и утер рукавом глаза.

Зайдель с сочувствием посмотрел на него:

— Граф, что с вами?

— Да ничего, все прекрасно.

Они поднялись по ступенькам на трибуну и направились к последним свободным местам. Солдаты вставали, пропуская их. Едва они уселись, на ипподром въехал «мерседес» Каммлера. Он медленно проследовал вдоль трибун и остановился перед гробами. Открылась передняя пассажирская дверь, вышел Каммлер. Затем высадились полковник Хубер и высокий офицер-эсэсовец. Все трое встали перед гробами, спиной к зрителям, вскинули руку в нацистском приветствии, после чего взошли на помост и сели. Из уважения к покойным они сняли головные уборы. Задувавший с рассвета восточный ветер трепал флаги со свастикой и ерошил светлые волосы второго эсэсовца. Тот пригладил их ладонью, и Графу хватило бы одного этого жеста, чтобы узнать его. Тысячу раз доводилось видеть этот жест: на заброшенной территории Ракетного аэродрома в Берлине, на полигоне в Куммерсдорфе, на пляже острова Боркум в Северном море, на

балтийском берегу в Пенемюнде, на Центральной Польской равнине в Близне…

Зазвучала барабанная дробь. Все встали. Оркестр заиграл «Ich hatt' einen Kameraden», солдатский реквием. Тысяча голосов подхватила:

Был у меня товарищ, Уж прямо брат родной. Ударили тревогу, С ним дружным шагом, в ногу Пошли мы в жаркий бой[42].

Фон Браун пел вместе со всеми, но его взгляд беспокойно метался по трибунам: вниз-вверх, вперед-назад. Пока не остановился на Графе.

Граф отвел глаза.

После этого он почти не замечал хода церемонии: гимны, торжественная служба, проведенная двумя священниками, эпитафия из уст Хубера: «Они погибли, служа фатерланду; они отдали свою жизнь священному делу…» Перед мысленным взором сменяли друг друга призраки: Карин на пляже в тот последний вечер; девушка из борделя, стоящая над ним с ножом в руке; Вамке с жестянкой керосина за миг до гибели; человеческие останки, разбросанные вокруг воронки; военнопленные, тенями снующие по туннелям Нордхаузена. И только услышав голос Каммлера,

---

[42] Примечания: 42
Песня на стихи Людвига Уланда в переводе В. А. Жуковского.

это пронзительное стаккато, еще более металлическое благодаря громкоговорителю, инженер предпринял судорожную попытку вернуться к реальности.

Генерал СС стоял перед микрофоном с листом бумаги в руке. Пытаясь сосредоточиться, Граф улавливал обрывки фраз: «…крестовый поход западной цивилизации… историческое предназначение фюрера… неизбежная окончательная победа…»

Группенфюрер размахивал бумагой.

— Солдаты дивизии возмездия! Я хочу огласить вам коммюнике Рейхсминистерства народного просвещения и пропаганды: «На сегодняшний день „Фау-два“ разрушили в Лондоне три моста через Темзу. Зданию парламента причинен серьезный ущерб. В радиусе пятисот метров от Лестер-сквер не осталось ни одного целого дома. Также уничтожена Пикадилли-серкус. Лондонский Тауэр сильно поврежден взрывной волной». Пусть это послужит эпитафией.

Каммлер сложил листок и сунул во внутренний карман.

— Наши товарищи погибли не напрасно! Вы служите не напрасно! Каждая посланная вами ракета — это сокрушительный удар по врагу! Мы

дивизия возмездия! Мы победим! Хайль Гитлер!

Молчание, которым была встречена эта речь, несколько обескуражило группенфюрера. Он опустил руку и отступил от микрофона. Посмотрел на фон Брауна, потом на Хубера; тот кивнул начальнику почетного караула.

— Товсь!

Солдаты направили винтовки в небо.

— Пли!

Выстрелы раскатились по ипподрому. Караул перезарядил.

— Пли!

Снова щелканье затворов.

— Пли!

Когда замерло эхо последнего залпа, Граф встал. Он принял решение уйти прежде, чем фон Браун успеет поговорить с ним.

Зайдель схватил его за руку:

— К чему такая спешка?

— Нам нужно ракету запускать, не забыли?

— Пусть так, но мне кажется, вам следует отдохнуть.

— Вот подготовлю ракету и отдохну. Обещаю.

«Фау–2» ждала на лафете под деревьями. Он попросил фельдфебеля открыть технологическую панель № 2.

Фельдфебель смутился:

— Так ведь утром была панель номер три.

— А теперь номер два.

Солдат выполнил распоряжение. Все знали доктора Графа и доверяли ему.

Доступ к детали был затруднен. Графу пришлось лежать под ракетой на спине и работать внутри отсека вслепую. Обеими руками он нащупал фанерную площадку под часовым механизмом — устройством маленьким, не больше ладони, — и вырвал провода.

Затем выбрался из-под фюзеляжа.

— Готово. Закрывайте отсек.

Снова Граф шагал рядом с ракетой, пока ее везли к крану. Стоял и смотрел, как ее перегружают на «мейлерваген». Подвезти до места запуска не попросил, времени хватало. Инженер нашел среди деревьев удобное место, постелил пальто и сел. Выкурил пару сигарет, внимая звукам леса. Впервые за много недель на него снизошел покой. В голове ощущалась приятная пустота.

Он просидел так бо'льшую часть часа, потом пошел дальше.

Ракета стояла на пусковом столе полностью заправленная. Электрооборудование было протестировано, кабели отсоединены. Солдаты

готовились отводить площадки обслуживания от вертикальной стоящей фермы «мейлервагена». Наблюдая за ними, стоял с раскрытым блокнотом штурмшарфюрер Бивак.

— А вы все пишете, как я погляжу, — весело окликнул его Граф.

— Так ведь это событие, не правда ли? Всего лишь второй раз в истории ракета запускается прямо по английской воинской части.

— Событие? Да, это самое подходящее слово. — Потом инженер сказал, ни к кому конкретно не обращаясь: — Мне бы хотелось проверить напоследок трансформатор.

— Нет нужды, доктор. Все проверено, все сработает как надо.

— И тем не менее — ведь у нас столько отказов. Помните, что случилось с лейтенантом Штоком? Дайте мне только пять минут.

Не дожидаясь возражений, он полез наверх.

Какая же она огромная, подумалось ему. Какая мощная! Сквозь тонкую металлическую оболочку он ощущал скрытую энергию. Могучую штуковину они создали, тут не поспоришь. Она достойна лучшей доли. Граф уверенно поднимался, пока не достиг верхней площадки. Он вынул из кармана отвертку и открыл смотровой лючок

приборного отсека № 3. Внутри, рядом с металлическим куполом, защищающим гироскоп, находился радиоприемник. Инженер вооружился плоскогубцами и перекусил электрический провод. Закрыл дверцу, завернул винты и начал спускаться.

— Вы были правы, все в порядке, — сказал он, ступив на землю. — Любуйтесь запуском, Бивак.

Граф помахал рукой машине управления пуском и поднял большой палец. Гидравлическая стрела отошла от ракеты, «мейлерваген» отъехал.

Инженер отошел метров на двести по дороге, остановился и повернулся. Прозвучала сирена. Он поднес к глазам бинокль. С ракеты все было убрано, кроме тонкой металлической антенны и питающего кабеля. Знакомое облако белого пара поднималось из вентиляционных отверстий бака с жидким кислородом. Все было спокойно. Все было хорошо. Внизу заплясали светлячки. Искры слились в ревущую струю оранжевого пламени. Антенна упала, кабель отскочил; грохот и воздушная волна, создаваемые заработавшим на полную мощность двигателем, заставили инженера пошатнуться, но он продолжал наблюдать в бинокль за взлетающей «Фау–2».

Одна секунда полета… две… три… четыре…

Время!

Ракета не наклонилась. Часовой механизм в приборном отсеке щелкал впустую. Удерживаемая на курсе парой гироскопов, она под углом девяносто градусов — строго вертикально, величественно, по идеальной прямой — устремлялась в небеса.

Взвыла сирена.

— Отказ программы крена! — сообщил громкоговоритель. — Инициирована остановка двигателя!

Граф хорошо представлял себе панику, царящую в машине управления, откуда пытаются послать радиосигнал.

— Отказ системы отключения двигателя!

Несколько секунд спустя солдаты огневого взвода, и среди них Бивак, выскочили из траншеи и побежали в сторону Графа. Бежали они во весь дух, испуганно крича ему, чтобы уходил. Пробегая мимо, Бивак бросил на него хмурый взгляд. Граф не пошевелился.

В окуляре бинокля он довольно четко видел огненный хвост. Тем летом в Пенемюнде конструкторы произвели точно такой же запуск, чтобы понаблюдать за обратным вхождением

ракеты в атмосферу. «Фау–2» поднялась на максимальную высоту 176 километров, прежде чем гравитация взяла свое.

Ракета будет уверенно пронизывать все преграды, все слои атмосферы: тропосферу, стратосферу, мезосферу, вплоть до испепеляющей термосферы. Затем остановится, начнет заваливаться, перевернется и устремится вниз с точностью сброшенной бомбы.

Красная точка ракеты все уменьшалась и наконец исчезла среди облаков. Граф опустил бинокль и решительно зашагал к поляне.

Глава 20

Кей в одиночестве сидела за угловым столом в офицерской столовой. Чуть перевалило за половину пятого: время заходить солнцу, которого она, впрочем, сегодня целый день не видела. Включили свет. У стойки бара два сменившихся с дежурства капитана сухопутных войск пили и обменивались сальными шуточками. Поинтересовались, не прочь ли девушка к ним присоединиться.

— Нет, но спасибо за предложение, — ответила Кей.

Кроме них троих, в столовой было пусто. Чересчур часто кто-нибудь из офицеров оглашал зал хохотом и стучал стаканом по стойке. Саквояж Кей стоял рядом с ее стулом, поверху лежала шинель. Где-то в глубине этого здания решалась ее судьба.

Она проводила патруль до дома Вермюленов.

Военные усадили Кей в джип, но поехали не сразу — сначала выслушали ее. Настроены они были явно скептически, сочтя ее истеричкой.

— Так он вооружен, этот немец? — спросил

капрал.

— Я же сказала: он не немец. Бельгиец, но воевал за немцев. Я не знаю, есть ли у него оружие.

— Как-то неправдоподобно это звучит, уж не обессудьте.

— Он служил в Третьей танковой дивизии СС, если это вам о чем-нибудь говорит.

Их поведение сразу переменилось.

— Вот хрень! — выругался рядовой. — Не послать ли за подкреплением?

— Не нужно, — возразил капрал и потянулся за винтовкой. — Сами возьмем.

Они вошли через калитку. Один из рядовых занял позицию в саду, наведя винтовку на дом. Второй проскользнул по боковой дорожке к черному ходу. Капрал встал на крыльце рядом с Кей и жестом велел ей позвонить.

Прошло полминуты, ничего не происходило. Наконец раздались звуки поворачивающегося ключа и отодвигаемого засова. Дверь открылась; на пороге стоял глава семьи в темно-зеленом кардигане.

— Извините, доктор Вермюлен, — обратилась к нему Кей. — Нам нужно обыскать дом.

Бельгиец как-то весь обмяк. Он прислонил голову к косяку двери — похоже, придумывал, чем

же возразить. Но потом сдался:

— Гийом в кухне. Пойдемте.

До этого мгновения Кей опасалась в душе, что все может оказаться игрой ее воображения и надо будет извиняться перед всеми. Но в кухне за столом сидели Арно, его мать и молодой человек, совсем еще юноша, с болезненно бледным лицом и копной нестриженых волос. Он был одет в грубой вязки синий свитер. Левая рука была забинтована. Сидевшие подняли глаза, не сделав ни единой попытки пошевелиться, как будто давно ждали развязки.

— Кто из них? — спросил капрал у Кей.

— В синем.

— Этот? — переспросил капрал, словно не поверив.

Он направил винтовку, повел стволом. Гийом с трудом встал и поднял руки. Капрал кивнул на дверь:

— Выходи.

Когда они ушли, Кей осталась в кухне, наедине со всей семьей. Она посмотрела на Арно и развела руками:

— Мне очень жаль.

Арно посмотрел на нее в ответ, и это был страшный взгляд: обвиняющий и укоризненный; ей до

конца жизни его не забыть. Затем распахнулась дверь черного хода и вошел солдат. Он направил винтовку на Вермюленов и обратился к Кей:

— Переведите им: пусть одеваются и идут с нами.

— Не надо переводить, — устало произнес доктор Вермюлен. — Мы понимаем.

— А потом она говорит: «Не переживай, я не девственница!» — Капитан расхохотался над собственной шуткой.

Его приятель застучал стаканом по стойке.

— Секционный офицер Кейтон-Уолш? — раздался оклик.

Кей обернулась. На пороге стоял молоденький лейтенант.

— Да?

— Пройдемте со мной, пожалуйста.

Девушка взяла шинель и саквояж и поднялась за ним по лестнице на третий этаж. За закрытой дверью надрывался телефон. По коридору навстречу прошел капрал с грудой папок. Лейтенант постучал в дверь в конце коридора, отворил ее и шагнул в сторону, пропуская Кей.

За столом сидел майор с квадратным лицом, перед ним лежало раскрытое досье. Сбоку на стуле сидел винг-коммандер Ноузли. Кей отдала честь.

— Садитесь, секционный офицер, — сказал майор.

Она подчинилась. Тело словно сковало холодом. Майор положил могучие кулаки на стол, по обе стороны от папки. Кей обратила внимание на черные волосы на запястьях и пальцах. Лапы, а не руки, подумалось ей.

— Ну и угодили же вы в переделку, — произнес он.

— Да, сэр.

— Хотите что-то сказать на этот счет?

— Только то, что я сожалею, сэр.

Мужчины переглянулись.

— О чем именно сожалеете? — спросил Ноузли.

— Мне не следовало оставлять в комнате вещи, указывающие на мою работу, — это была непростительная оплошность. — Кей замялась. — И мне не следовало вступать в какого-либо рода близкие отношения с представителем местного населения.

— Это был другой сын, полагаю? — осведомился винг-коммандер.

— Да, сэр.

— Вы раскрывали подробности нашей деятельности?

— Нет, сэр. Никаких.

— Но он пытался выяснить, чем вы занимаетесь?

— Задал пару вопросов. Я ничего ему не рассказала, однако привлекла внимание к себе. — Она внутренне сжалась, вспомнив о своем безрассудном поступке. — В свою защиту хочу сказать, что не знала о принадлежности семьи к германофилам.

— В вашу защиту, — вступил майор, — я выскажу сомнение, что эти люди симпатизировали немцам. Это не относится к младшему сыну, но остальные, насколько мы можем судить, просто укрывали родственника. — Он заглянул в папку. — Гийом Вермюлен добровольно пошел служить немцам в сорок первом, вскоре после их нападения на Советский Союз. Тысячи молодых людей в оккупированной Европе поступили так же. Они поверили пропаганде, звавшей их в крестовый поход ради спасения христианской цивилизации. Ему было семнадцать. В этом году его часть понесла очень серьезные потери на Восточном фронте, и ее вывели в тыл. Похоже, он дезертировал и убежал к мамочке и папочке незадолго до нашего вступления в Бельгию.

Кей поразмыслила над его словами, не очень

вязавшимися с ее ожиданиями.

— Разрешите вопрос, сэр?

— Давайте.

— Если он дезертировал, если прятался, то как ему удалось сообщить немцам о нашей работе?

— Ну, безусловно, он этого не делал.

Годы спустя, всякий раз, когда ее мысли возвращались к Арно, что бывало не часто, она вспоминала эту минуту — самую плохую в жизни.

— Сегодня примерно в час ночи, — продолжил майор, — наша радиоразведка перехватила коротковолновую передачу из Мехелена в Берлин. Источник находился в городском квартале. Здание было оцеплено, жители задержаны и допрошены, квартиры обысканы. Рацию нашли у местного учителя. По сведениям наших друзей из Сопротивления, его давно подозревали в сотрудничестве с немцами, но доказательств не было, поэтому его не трогали. Думаю, вы догадываетесь, что я намерен сказать вам далее.

Кей повесила голову:

— Да, сэр.

— Секционный офицер Колвилл провела определенное время в комнате у этого мужчины. Она утверждает, что ничего не рассказывала ему о

своей работе, а он отмалчивается, хотя наверняка понимает, что будет повешен за шпионаж. И тем не менее… — Майор закатил глаза, как бы отказываясь верить себе, и раскрыл похожий на лапу кулак. — Выразимся так: текст радиограммы говорит не в ее пользу.

— Девушка, на ее беду, поступила весьма неосмотрительно, — сказал Ноузли.

— О боже! — проговорила Кей. — Бедная Барбара.

— Воистину бедная.

— Что с ней будет?

— Сейчас она на пути в Англию, — ответил майор. — Сугубо между нами: сомневаюсь, что ее привлекут к ответственности, — прямых улик у нас нет.

— Что до меня, то я смело могу предположить, что ее лишат офицерского звания и переведут на другую службу, — добавил Ноузли.

— А Вермюлены?

Майор пожал плечами:

— Это решать бельгийцам. Тюрьма, надо полагать. В здешней атмосфере, как вы, наверное, успели заметить, дух милосердия ощущается слабо.

— Да, сэр.

— Что возвращает тему беседы к вам, секционный офицер. — Ноузли наклонился, вглядываясь в лицо девушки. — Хотите вернуться в Медменхем или остаться здесь? Не могу дать гарантию, что немцы не запустят по нам еще одну ракету, но они должны понимать: это совершенно пустая затея. А если запустят — что ж, одной ракетой меньше упадет на Лондон.

Кей удивленно посмотрела на него. Она шла сюда, ожидая увольнения, а ей предлагают выбор. Вспомнилось возбуждение предыдущего дня, ощущение, что она наконец-то воюет по-настоящему, наносит удар прямо по врагу. На самом деле никакого выбора нет.

— Я остаюсь, сэр. Спасибо.

— Хорошо, я сообщу флайт-офицеру Ситуэлл. Можете пока жить там, где квартировала Колвилл. Увидимся завтра на утреннем дежурстве.

Девушка встала, отдала честь, взяла саквояж и шинель.

— Разрешите спросить, сэр? Сегодня еще были запуски «Фау–2»?

— Только один, — ответил Ноузли. — И похоже, неудачный. Насколько мы можем судить, ракета не ушла к цели. — Он провел рукой вертикальную линию. — Умчалась прямиком в космос.

Глава 21

Граф стоял рядом с пусковым столом, запрокинув голову к небу и широко раскинув руки. Желая себе гибели.

Ну возвращайся же, тварь! Иди к папочке!

Пустая театральщина, он это понимал. Восточный ли ветер, дующий весь день, или ветры в стратосфере, достигающие скорости двухсот километров в час, не дадут ей упасть в стартовой точке. Именно в этом кроется абсурдность попыток англичан вычислить место запуска путем экстраполяции параболической кривой. Гироскопы и рули стараются удерживать ракету на курсе. Но без корректировки по радиосигналу полет никогда не будет абсолютно точным.

Он вглядывался в облака минут пять, потом опустил руки. Ракета наверняка уже взорвалась где-то в море.

Граф повернулся и пошел через опустевший лес к Схевенингену. Готовый принять все, что ждет его впереди.

Когда час спустя он добрался до гостиницы, в коридоре топтались полдесятка солдат из ар-

тиллерийского полка. Они молча расступились, давая ему пройти. Наверху дверь в его комнату была выломана, в номере орудовали несколько гестаповцев. Они рылись в шкафу и под матрасом. Чемодан был открыт; Бивак стоял с хмурой миной у окна, просматривая в меркнущем свете микропленку.

— Это что?

— Не имею понятия.

— Думаете, мы поверим?

— Мне не важно, поверите вы или нет. Я не знаю, что там.

— Почему пленки находятся в вашей комнате?

— Меня попросили сохранить их.

— Кто?

— Профессор фон Браун. Спросите у него, если хотите.

— Обязательно спросим, не сомневайтесь. И к вам у нас еще очень много вопросов.

Его вывели на улицу, где ждала машина, и повезли по темнеющим улицам к дому близ центра города, где гестапо устроило свой штаб. Дом был странный — современной архитектуры, но зловещий на вид, с изобилием кирпича, с высокой крышей и минимумом окон; формой он походил на монашеский капюшон.

На первом этаже в комнате для допросов уже лежало на столе досье Графа. Изрядной толщины, сантиметров десять. Эта папка наверняка прибыла сюда не сегодня и не вчера, подумал Граф; ее запросили через региональное отделение в Штеттине или, что вероятнее, через Главное управление имперской безопасности на Принц-Альбрехтштрассе в Берлине. Неудивительно, что Бивак с самого начала так много знал о Графе.

И кресло напротив за столом занял именно Бивак.

— Вы саботажник.

— Нет.

— Вы три дня назад сорвали запуск ракеты, в результате погибли двенадцать человек. И снова устроили диверсию сегодня.

— Нет. — Будь на месте офицера Национал-социалистического руководства вермахта другой человек, Граф мог бы сказать правду, просто чтобы покончить со всем. Но Биваку он такого подарка не сделает. — Ракета была неисправна. Десять процентов поступающих к нам изделий — с браком, и вам об этом известно. Или считаете, что я должен отвечать за каждый неудачный старт?

— Солдат из технической службы показал, что

вы велели ему открыть технологическую панель номер два вместо панели номер три.

— Он ошибается.

— Незадолго перед стартом вы поднялись наверх и вывели из строя радиоприемник.

— Нет. Как я уже говорил, мне нужно было проверить трансформатор. Вы видели, я и раньше это делал.

— К чему лгать, Граф? Если прочего мало, ваше поведение после неудачного запуска доказывает вашу вину.

— Если вы имеете в виду, почему я не побежал с остальными, то какой был бы от этого прок? Вероятность, что ракета приземлится точно в том месте, откуда взлетела, — один на миллион.

Бивак уже терял терпение. Он посмотрел на двоих гестаповцев, которые стояли, прислонившись к стене и сложив на груди руки, и наблюдали за происходящим.

— Вы только послушайте его вранье!

— Хотите, чтобы допросом занялись мы? — спросил один из гестаповцев.

— Да, окажите любезность. Видеть не могу эту свинью. Лучше пойду выясню, что в микропленках.

Штурмшарфюрер вышел из комнаты. Геста-

повцы уселись напротив Графа. Тот, что прежде молчал, открыл папку. И заговорил — сразу усталым тоном:

— Впервые вы были арестованы двадцать второго марта этого года…

В цокольном этаже здания, в камере без окон, Граф лежал на тощем матрасе. Голая низковольтная лампочка излучала желтоватый свет. Было холодно. У арестанта отобрали ремень и шнурки, но оставили пальто; Граф накрывался им вместо одеяла. Об этом месте шла дурная слава, и пятна высохшей крови подтверждали ее. Инженер старался не смотреть на них. Вместо этого пялился в бетонный потолок.

Чего ему будет не хватать? По правде говоря, не многого. Конечно, родителей — он целый год с ними не виделся. Нескольких друзей по Пенемюнде. Солнечных дней на Балтике, игры света на воде и аромата сосен вечером после жаркого дня. Но Карин мертва, а о расставании с ракетой он сожалеть не станет. С этим покончено. А заодно и с главным смыслом его жизни.

Примерно через час послышались шаги в коридоре. Щелкнул замок. Двое мускулистых парней с крепкими затылками, похожие на вышибал из ночного клуба, вошли и поставили его на ноги.

«Начинается неприятная часть», — подумал Граф.

Его выволокли в коридор и велели идти быстрее. Но в ботинках без шнурков спешить нелегко. Конвоир толкнул инженера в спину, отчего тот распластался на полу, потом отвесил пинка. Граф кое-как поднялся по лестнице и снова упал. Его подхватили и проволокли по коридору. Постучали в дверь и открыли ее.

Там сидели те же два гестаповских офицера, но кабинет был другой. Бивак за столом прокручивал тридцатипятимиллиметровую пленку на громоздком диапроекторе. На экране мелькнули слова «совершенно секретно», затем пошли кадры с математическими расчетами и всякими сложными чертежами. Штурмшарфюрер остановился на одном и навел резкость. Прищурился, вглядываясь:

— Что это такое?

Граф наклонился к экрану:

— Вакуумный резервуар… компенсатор… нерегулируемый диффузор… сопло Лаваля… спрямляющая решетка…

— Понятно. Но что это значит?

— Не могу сказать — секретно же.

Бивак ударил по лицу. Граф отшатнулся. В го-

лове зазвенело. Инженер дотронулся до носа и ощутил кровь.

— Это за дерзость. Следующий будет за отказ сотрудничать. Поэтому спрашиваю снова: что это значит?

Граф посмотрел на пальцы. Не ожидал, что нос будет болеть так сильно. А ведь это только начало.

— Я не уполномочен раскрывать содержание секретных материалов человеку, не имеющему соответствующего допуска.

Бивак занес кулак. Граф зажмурился и напрягся. Когда ничего не произошло, он открыл глаза. Кулак так и висел, но голова Бивака была повернута в сторону. Сквозь шум в ушах Граф смутно слышал спор, происходящий в коридоре. Дверь распахнулась, вошел офицер СС. На петлице четыре серебряных квадрата — штурмбанфюрер. Бивак и гестаповцы тотчас вытянулись в струнку:

— Хайль Гитлер!

Фон Браун ответил на приветствие.

— Что тут происходит? — Он глянул на экран. — Немедленно выключить!

Бивак поспешно щелкнул тумблером, и экран погас.

— Вы, представьтесь. И назовите имена ваших помощников.

— Профессор фон Браун, если позволите, я объясню ситуацию, — заговорил Бивак. — Доктор Граф арестован за саботаж. В его номере мы обнаружили сто семьдесят катушек с микрофильмами. Я прошу его дать пояснения.

— Просите? О черт! Это называется просить? — Фон Браун извлек из кармана кипенно-белый платок и подал Графу. — С вами все в порядке?

— Надеюсь. — Инженер потрогал нос: распух, кровоточит и болит при касании.

Фон Браун снова обратился к Биваку:

— Как вы смеете так обращаться с одним из моих ближайших помощников? Арест санкционирован группенфюрером Каммлером?

Бивак сник:

— Нет. Я пытался связаться с ним, но он уже выехал в Хеллендорн.

— Значит, не санкционирован! — Фон Браун перевел взгляд на гестаповцев. Он был великолепен в своей властности. — Штурмшарфюрер, сейчас произойдет вот что. — Фон Браун не удостоил эсэсовца даже взглядом. — Вы извлечете этот микрофильм из проектора, не включая экран, если не хотите попасть под следствие, и

вернете мне вместе с остальными катушками, которые я отдал на хранение доктору Графу. Он поедет со мной в Пенемюнде, где его можно будет подвергнуть допросу, если вы пожелаете поддержать ваше идиотское обвинение в шпионаже. Это ясно?

— При всем уважении я наделен полномочиями Национал-социалистического руководства верма…

Не слушая его, фон Браун обратился к остальным:

— Это ясно?

Гестаповцы переглянулись и кивнули.

На улице фон Браун передал чемодан своему водителю. Граф присел на гравийной дорожке, чтобы зашнуровать ботинки.

— В машине завяжешь, — сказал фон Браун. — Не будем испытывать удачу.

Граф уселся рядом с ним на заднем сиденье. «Мерседес» выкатил из ворот на дорогу и повернул налево.

— Куда теперь, профессор? — спросил шофер, глянув в зеркало.

— В Пенемюнде. Заправимся в Бремене.

Большая машина набрала скорость.

Граф откинул голову, прижимая к носу платок.

— Я не хочу возвращаться в Пенемюнде.

— Не валяй дурака. Здесь тебе оставаться нельзя.

— Плевать. Для меня все кончено.

Фон Браун вздохнул и наклонился вперед.

— Выезжай из города, — сказал он водителю. — Потом найди место, где остановиться.

Было темно, лил дождь. Дворники ерзали по стеклу. Граф понятия не имел, где они находятся. Через пять минут сразу за перекрестком они съехали с дороги на поросший травой плоский участок. Водитель включил в салоне освещение.

— Выйдем, — сказал фон Браун.

Они вышли из машины. Дождь был слабый, успокаивающий. Граф подставил ему лицо. Потрогал нос. Слышался шум моря вдалеке, плеск волн, разбивающихся о берег.

Они укрылись под деревом. Фон Браун зажег сигарету, отдал Графу, взял себе вторую. Из-за черного цвета мундира в короткой вспышке зажигалки его лицо казалось плавающим в воздухе отдельно от тела.

— Ничто не кончено, — сказал он. — Ни для меня, ни для тебя. Вот для Германии — да, конец. Но это уже совсем другая история.

— Даже слушать не хочу.

— А все-таки послушай. Есть план. Я уже не один месяц обсуждаю его с Дорнбергером и еще парой людей. Мы хотим, чтобы ты к нам присоединился. Все спецификации, все чертежи, все результаты испытаний сняты на пленки по меньшей мере дважды и распределены для надежного хранения. Реактивный двигатель, турбосистема, механизм управления — все. Вот почему я отдал тебе чертежи аэродинамических труб. Они способны разогнать ракету до восьми Махов — аналогов в мире не существует. В ближайшие месяц-другой мы начнем собирать все в один бесценный архив.

— Для чего?

— Чтобы предложить американцам вместе с нами самими, как только закончится война.

Граф уставился на него. В тени дерева не было видно лица, только вспыхивал красный огонек сигареты.

— Ты спятил?

— Ничуть. Мы им предложим нашу программу, и они не откажутся. Все будет так, словно ничего не случилось, вот увидишь.

— Значит, мы будем делать баллистические ракеты для американцев?

— Баллистические ракеты — поначалу. — Ого-

нек описал во мгле широкую дугу. — А затем вернемся к тому, к чему всегда стремились: к космическим кораблям!

— К космическим кораблям! — Графа разобрал смех, на что нос отозвался адской болью.

Наверняка он был сломан. Но все равно у инженера не было сил сдержаться.

— Думаешь, я шучу? — раздраженно спросил фон Браун. — Если я Адольфа Гитлера убедил потратить пять миллиардов марок на строительство ракеты, то неужели не уговорю американского президента полететь на Луну?

Граф оглянулся на дорогу, раздумывая, не вернуться ли в Схевенинген. Но дождь окреп, а усталость валила с ног. Лучше уж поплыть по течению и посмотреть, куда оно вынесет.

— Ладно, как скажешь. — Он отбросил окурок. — Пойдем в машину.

Глава 22

Вторник, 4 сентября 1945 года

— Все это — вопрос географии, — заметил представитель Министерства снабжения. — Русские получили Пенемюнде, американцы — Нордхаузен, а вот нам, боюсь, не досталось ничего.

— За исключением воронок, — вставил коммодор ВВС.

Все рассмеялись. Кей рассматривала свои руки. Девушка впервые с ноября прошлого года увидела Майка. Они сидели в том самом облицованном панелями зале для совещаний, где была одобрена операция в Мехелене, и Майк пребывал в своей стихии, окруженный большими шишками из сухопутных войск и ВВС.

— Точно, — согласился чиновник из Министерства снабжения, которого звали сэр Марли Рук. — У нас есть четыре неповрежденные ракеты, захваченные в Куксхафене, и какое-то количество технического персонала. Ракеты мы планируем запустить в следующем месяце. Но это лишь объедки со стола больших парней. Американцам достались сотни «Фау-два». Так что

нам необходимо воспользоваться сегодняшней возможностью.

— А где сейчас специалисты?

— Вчера вечером самолетом доставлены из Мюнхена в Нортхолт. Военное министерство разместило их в своем здании в Уимблдоне. Американцы просят вернуть их в Германию не позднее завтрашнего дня.

— Нам известно, что они предлагают специалистам?

— Новую жизнь в Штатах — для них самих и для их жен и детей. Поначалу с ограничением в передвижении, но со временем будет полноправное гражданство.

— С этим сложно конкурировать.

— Знаем. И разумеется, вопрос о деньгах не стоит. — Лицо Рука посуровело. — С другой стороны, им предстоит жить в Уайт-Сандсе, Нью-Мексико, рядом с полигоном, где американцы испытывают атомную бомбу, спаси их Господь. Осев же здесь, эти немцы окажутся ближе к родине. Попробовать всяко стоит.

— Кто наши гости?

— Фон Браун, он у них главный. Штейнхоф — отвечал за системы управления и контроля. Шиллинг и Граф, специалисты по реактивным

двигателям. Фон Браун и Граф вроде говорят по-английски, но у нас будет под рукой переводчик, если разговор слишком углубится в технику.

— Хорошо. — Майк посмотрел на часы. — Они скоро прибудут. Почему бы не поговорить с ними здесь? Я распорядился насчет пива и сэндвичей. Флайт-офицер Кейтон-Уолш?

Ему каким-то образом удалось посмотреть прямо на Кей, не фокусируя при этом взгляда.

— Да, сэр.

— Вам и вашим людям лучше подождать в кабинете дальше по коридору. Мы привлечем вас, если хватит времени.

— Да, сэр. Благодарю, сэр. — Кей встала и отдала честь.

Она страшилась этой встречи, но на деле вышло не так уж плохо. У нее не осталось никаких чувств к этому человеку.

Все четверо немцев разместились в одной машине; это был «Остин–12», самый большой легковой автомобиль, какой сумело найти Министерство авиации. Фон Браун ехал на переднем сиденье рядом с водителем, остальные теснились сзади. По пятам следовала машина поменьше, набитая военными полицейскими.

День выдался грозовым, в салоне сильно пахло

нагретой кожей и табачным дымом. Казалось, южные предместья Лондона будут тянуться бесконечно.

— Никто не станет возражать, если я открою окно? — спросил Граф.

Все промолчали, глядя на поврежденные бомбами улицы. Он опустил стекло. Там, где в тесной шеренге домов встречались бреши, на стенах соседних зданий, разрушенных лишь частично, виднелись призрачные следы былой жизни: пятна штукатурки и выцветших обоев, разбитые полы, щербатые челюсти лестничных маршей.

— Что это за район, не подскажете? — спросил фон Браун у водителя по-английски.

— Уондсуорт.

— Сюда попадали «Фау-два»?

— Да, — угрюмо подтвердил шофер. — Часто.

Машина остановилась перед светофором, и здесь предстал пустырь, заваленный обломками и поросший бурьяном. Граф заметил лежащую на боку детскую коляску.

— Вот что наделала «Фау-два» в прошлом ноябре, раз уж вы про нее заговорили. Девяти домов как не бывало. Тридцать четыре покойника.

«В ноябре, — подумал Граф. — Ее мог запустить я».

Фон Браун вытянул шею, вглядываясь.

— Все убрали, — с досадой заметил он. — Невозможно определить, какой нанесен ущерб.

Они пересекли мост и поехали вдоль Темзы. Река была серой и неспокойной, как Северное море. Впереди показалось здание парламента, с реющим над ним огромным «Юнион Джеком», ярким на фоне желтовато-серого неба.

— Каммлер, помнится, говорил, что оно уничтожено… — Граф наклонился вперед и обратился к водителю; его английский существенно улучшился за месяцы допросов у американцев. — Правда ли, что Пикадилли-серкус разрушена?

— Этим утром вроде была цела.

— А Лестер-сквер? Лондонский Тауэр? Три моста через реку? Разве не было попаданий в них?

Шофер глянул на него в зеркало:

— Кто-то вам навешал лапши.

Отсутствие явных повреждений в правительственных зданиях задело профессиональное достоинство Штейнхофа.

— О чем он говорит?

— Дает понять, что мы били главным образом в жилые дома.

— Не верю. Мы выпустили по Лондону больше тысячи ракет, и все были нацелены на центр

города.

— Успокойтесь, Штейнхоф, — сказал фон Браун. — Война закончилась. Промахнулись, и к лучшему. Думаете, англичане были бы так же дружелюбны, попади мы в Букингемский дворец и убей короля?

Автомобиль припарковался у большого здания, на углу широкой подъездной дороги.

— Прибыли, джентльмены, — сообщил водитель. — Министерство авиации. — После чего добавил под нос: — Чтоб вам сдохнуть.

Кей находилась в коридоре, когда в сопровождении Майка по лестнице поднялись немцы: четверо мужчин в слегка поношенных штатских костюмах. Двое, держа шляпы, нервно теребили их и озирались так, словно не могли до конца поверить, что очутились здесь. В последние несколько лет деятельность ученых из Пенемюнде была фокусом ее бытия, и эти люди приобрели в ее воображении почти мифические черты, так что странно было увидеть их такими заурядными.

Флайт-лейтенант постучал и открыл дверь в зал совещаний. Немцы вошли. Последний повернулся и посмотрел на нее — мгновение человеческого чувства в мертвенном свете, — а

потом исчез за порогом. Кей прошлась по коридору пару раз, прислушиваясь к монотонным мужским голосам. Потом вернулась в кабинет и выложила на стол привезенные из Медменхема фотографии, карты, схемы и стереоскоп. Села и стала ждать.

В комнате господствовал фон Браун. Он стоял у грифельной доски, засунув левую руку в карман пиджака, а в правой сжимал кусок мела. Говорил без бумажки. Иногда он поворачивался, чтобы написать химическую формулу или нарисовать диаграмму, а английские технические специалисты тщательно переносили их в свои блокноты.

В зале для совещаний становилось душно. Слишком много скопилось в тесном пространстве потеющих мужских тел, облаченных в плотные мундиры цвета хаки или сине-серую саржу, а в случае с гражданскими чиновниками — в «униформу» из черного пиджака и брюк в тонкую полоску. К исходу утра пришлось открыть окна, впустив внутрь шум городского транспорта.

Граф бесстрастно разглядывал фон Брауна, не вслушиваясь в слова. Он почти определенно был обязан этому человеку жизнью. В конце февраля фон Браун снова облачился в эсэсовский мундир и вывез соратников из Пенемюнде в колонне

легковых машин и грузовиков. Они поехали на юг, в Нордхаузен, а потом еще южнее, в Баварские Альпы, постоянно следя за продвижением американцев на фронте. Ученые находились в горнолыжном отеле на границе с Австрией, когда узнали сначала про самоубийство Гитлера, потом про суицид Каммлера: группенфюрер приказал водителю съехать с дороги и остановиться, после чего застрелился. Неделю спустя инженеры сдались американцам и фон Браун сообщил, где искать пенемюндский архив, спрятанный им в шахте. Переговоры прошли гладко. Стороны заключили сделку. Более чем сотне ученых, Графу в том числе, предложили новую жизнь в США. Вскоре первой группе предстояло сесть в Гавре на корабль до Нью-Йорка, чтобы оттуда переехать в Нью-Мексико. Презентация для британцев была устроена чисто ради проформы, хотя сейчас, глядя на фон Брауна, в это сложно было поверить. Он соблазнял с талантом Дон Жуана; он всегда верил в то, о чем говорил в данную минуту.

Объявили перерыв на обед. Граф стоял в углу, пил слабенькое теплое пиво и отвечал на технические вопросы. «Говорите свободно, — наставлял их фон Браун накануне вечером в саду, подальше от английских микрофонов. — Расска-

зывайте все, что они хотят знать; молчите лишь о том, что мы едем в Америку. Мы же не хотим очутиться в здешней тюрьме по какому-нибудь липовому обвинению в военных преступлениях».

В Нордхаузене были умерщвлены двадцать тысяч человек, занятых на производстве «Фау–2», — в четыре раза больше, чем погибло собственно от ракет. Этой историей занималась комиссия союзников по расследованию военных преступлений. Лишняя причина унести ноги в Америку, пока обстоятельства дела не получили широкой огласки.

К исходу дня фон Браун дал Графу знак подойти. Он разговаривал с коммодором ВВС, который при приближении Графа слегка переместился, не дав ему вступить в беседу.

— Правительство его величества будет весьма признательно, — негромко говорил офицер, — если вы и ваши коллеги, как собратья-европейцы, рассмотрите возможность работать с нами над дальнейшим развитием ваших технологий.

— Очень привлекательная идея. — Фон Браун кивнул и обернулся. — А, Граф. Коммодор авиации просит, чтобы кто-нибудь из нас ответил на несколько вопросов о Пенемюнде. Вы не против?

Когда он вошел, Кей стояла у окна. Она уже склонялась к мысли, что поездка в столицу оказалась напрасной.

— Это доктор Граф, — представил гостя флайт-лейтенант. — Доктор, это флайт-офицер Кейтон-Уолш из нашего Центрального отдела дешифрования. Мне поприсутствовать?

— Думаю, мы справимся сами, — сказала Кей. — Это не займет много времени. — Когда дверь закрылась, она обратилась к Графу: — Вы говорите по-английски? Боюсь, я не сильна в немецком.

Он рассматривал фотографии Пенемюнде, разложенные на столе, и будто не слышал ее.

Девушка указала на дверь:

— Я могу позвать переводчика…

— Да. — Немец впервые посмотрел на нее. У него были ярко-голубые глаза, Кей обратила на них внимание, еще когда стояла в коридоре. Темные волосы, обкусанные ногти. — Да, я говорю по-английски.

— Как видите, мы вели детальную разведку производственных мощностей в Пенемюнде. К сожалению, русские не допускают нас туда, а американцы, похоже, не в состоянии добыть необходимые чертежи. Поэтому мы и обращаемся к вам с просьбой заполнить некоторые пробелы

в наших знаниях.

— Конечно.

— Садитесь, пожалуйста. Вам доводилось пользоваться стереоскопом? Это очень просто.

Немец склонился над прибором.

— Одну фотографию кладем сюда, а другую рядом.

— Господи! — Граф отшатнулся. — Они оживают!

— У всех такая же реакция.

Он снова припал к окулярам.

— Это испытательный стенд номер семь.

Кей села напротив, чтобы делать записи.

— А большие овальные кольца — как понимаю, это стены для гашения взрывной волны? Земляные насыпи?

— Из песка по большей части.

— Сколько времени ракета находилась на испытательном стенде?

— На начальном этапе? Самое меньшее восемь дней.

— Что за большое здание рядом? Какой оно высоты?

— Тридцать метров. Оно и должно быть высоким. Мы хранили ракеты в вертикальном положении.

— Посреди испытательного стенда какой-то канал…

— Это отвод для газов. Семь метров в ширину.

Спустя десять минут Кей придвинула к нему еще пару снимков:

— Перейдем к этим изображениям.

Больше часа они проработали, отсматривая снимок за снимком. Сначала Графу было любопытно, потом пробудилась ностальгия, и наконец напала тоска. Перед его глазами проходил тот период жизни, когда он в последний раз чувствовал себя счастливым. Перспектива была передана великолепно. Вот реактивная лаборатория, где работали они с Тилем. Вот аэродинамическая труба. Вот жилой квартал. Вот стартовая площадка. Вот старая гостиница, где жила Карин. Вот пляж, где он купался в тот последний вечер.

Граф откинулся на спинку стула и потер глаза.

— Устали? — спросила молодая англичанка. — Хотите отдохнуть?

— Когда были сделаны эти снимки?

Она взяла одну из фотографий, перевернула:

— Двадцать первого июня сорок третьего. В два часа пополудни.

Кей протянула ему карточку, он поднес ее к свету.

— Помнится, я видел самолет в том июне, по крайней мере инверсионный след. Самолет летел очень высоко. Не с него ли сделан этот снимок?

— Вполне возможно. За ту неделю над Пенемюнде было три разведывательных полета.

— Это для того, чтобы вы смогли нас разбомбить?

— Да. Вы были там?

Немец кивнул.

— Если бы эту фотографию можно было достаточно увеличить, вы нашли бы меня вот тут. — Он ткнул пальцем. — На дороге до экспериментальных мастерских, на краю леса, глядящим в небо.

Граф вернул снимок и посмотрел на Кей. Она выглядела импозантной в синем мундире и с каштановыми волосами. Его надзирающий ангел.

— Так это была ваша работа? Наблюдать за нами?

— Одна из работ, да. Сначала дешифровка фотографий, потом радар.

— Радар? — Он оживился. — А не были ли вы среди тех женщин в Мехелене?

Кей не знала, как ответить, и вообще должна ли она отвечать.

— Полагаю, мы уже закончили. Спасибо, вы

очень помогли.

Девушка начала собирать фотографии, зная, что немец внимательно смотрит на нее.

— Я как-то раз выстрелил ракетой по Мехелену, — бросил он.

— Вот как? Однако в меня не попали.

— А вы не попали в меня, когда бомбили Пенемюнде.

— Выходит, нам обоим повезло. — Кей рассмеялась и тряхнула головой. — Глупый разговор получается.

Граф помог ей собрать снимки.

— Это была очень умная идея — рассчитать кривую. Мы до нее не додумались. Но совершенно бесплодная, разумеется.

— Думаю, вы убедитесь, что это не так. Я пробыла в Мехелене до конца марта. Мы уничтожили довольно много стартовых площадок.

— Нет. Жаль вам это сообщать, но вы не попали ни в одну.

Он протянул фотографии. Кей смотрела на него, искала в глазах подтверждение, что он лжет. Но он не лгал. Немцы перестали запускать «Фау–2» по Лондону с голландского побережья только за шесть недель до конца войны. Последняя ракета убила сто сорок человек в Уайтчепеле. Кей и

раньше знала, что не удалось уничтожить все площадки. Но чтобы ни одной?

В дверь постучали, флайт-лейтенант просунул в кабинет голову:

— Остальные уже собираются.

— Спасибо. Боюсь, нам пора, доктор Граф. — Ее удивила печаль от мысли, что он вот-вот уйдет. Так много вопросов останется без ответа. Кей протянула руку. — Ну что ж, всего доброго.

Он пожал ей руку, улыбнулся и посмотрел на нее. В нее. Сквозь нее.

– *Auf Wiedersehen*[43].

На пороге немец обернулся.

— Мы оба заблуждались, — сказал он.

В задумчивости Граф прошел по коридору и спустился по лестнице. Фон Браун шагал впереди, разговаривая с коммодором. Тряс широкими плечами, смеясь над своими добродушными остротами. Штейнхоф и Шиллинг плелись следом.

В вестибюле коммодор ВВС пожал немцам руки.

— Это был знаменательный день, — сказал он. — Нам давно не терпелось познакомиться с

---

[43] Примечания: 43
До свидания *(нем.).*

вами. Желаю благополучного полета в Германию. И не забывайте о нашем предложении.

— Свяжемся на следующей неделе, — пообещал фон Браун. — Очень надеюсь, что мы поработаем вместе.

Коммодор ушел. Военный полицейский открыл дверь. Граф замешкался. Фон Браун стоял на пороге, его высокая фигура преграждала путь лучам катящегося к завершению теплого сезона солнца. Он протянул руку:

— Вы идете, Граф?

Граф знал, что если выйдет за ним на улицу, то окажется в Уайт-Сандсе, Нью-Мексико, строя ракеты для американцев, и возврата не будет. Там лежит лунный путь, тут — земной.

— Граф?

Он резко повернулся и окинул взглядом мраморный вестибюль. Интересно, удастся ли найти путь в кабинет той англичанки?

Граф был уверен, что снова встретится с ней.

Благодарности

Основная часть этого романа была написана за время локдауна, введенного по причине пандемии COVID–19. На четыре часа каждое утро, семь дней в неделю, и так четырнадцать недель кряду, я закрывался в моем кабинете — локдаун внутри локдауна.

Хочу выразить признательность и любовь моей супруге Джилл Хорнби, а также нашим младшим детям — и нашим товарищам по карантину — Матильде и Сэму, за приятное общество и великодушное терпение во время той сюрреалистической интерлюдии.

Мой редактор Джокаста Хэмилтон из «Хатчинсон» читала рукопись еженедельными порциями; она внесла бессчетное количество ценных предложений. Огромная благодарность за удовольствие работать с ней не только над этой книгой, но и над пятью предшествующими.

Вот уже тридцать с лишним лет я сотрудничаю с одним и тем же издательством в Соединенном Королевстве. Хочу от души поблагодарить Гейл Ребак, руководителя «Penguin Random House», за

проявленные ею в течение этого срока дружбу и мудрость, а также Сьюзен Сэндон, исполнительного директора «Cornerstone», за постоянную поддержку. Пусковой расчет, работавший над «Фау–2», — Ребекка Айкин, Мэтью Уоттерсон, Гленн О'Нил, Сэм Рис-Уильямс, Лора Брук, Селина Уокер и Джоанна Тейлор, если назвать лишь немногих, — проявил себя блестяще.

Сонни Мета, главный редактор «Alfred A. Knopf», заключивший договор на издание этого романа в США, не дожил до его завершения. Как и многим из тех, кто знал Сонни, мне очень сильно не хватает его здравомыслия и дружбы. С разрешения его вдовы Гиты «Фау–2» посвящена его памяти. Я благодарен Эдварду Кастенмайеру, закрывшему брешь и осуществившему публикацию книги в Штатах.

Никки Кеннеди, Сэм Иденборо и их коллеги по «ILA» тоже были частью моей профессиональной жизни с самого ее начала, и я благодарен им за вклад в эту и многие другие книги. Патрик Нимайер, Тило Экардт, Дорис Шук и другие мои друзья из «Heyne Verlag» в Мюнхене оказали большую поддержку, так же как и мой переводчик на немецкий Вольфганг Мюллер. Спасибо Донателле Минуто из «Mondadori», Марьолейн Схуринк и

Крису Кои из моего голландского издательства «De Bezige Bij». Одним дождливым субботним утром в ноябре 2019 года — в день, довольно похожий на тот, с которого начинается этот роман, — нас с Крисом провез по местам стартовых площадок в Схевенингене Роэл Янсен, любезно поделившийся с нами своими краеведческими познаниями.

Ральф Эрскин, эксперт по радиоразведке, любезно ответил на мои вопросы и познакомил меня с Майком Дином, специалистом по истории радара. Эти люди не в ответе, разумеется, за допущенные мною ошибки. Также довольно сложно восстановить в точности события, происходившие в Мехелене зимой 1944/45 г., поэтому мне пришлось прибегнуть к догадкам и определенной степени творческой свободы.

Этот роман зародился из некролога в «Таймс» за пятое сентября 2016 года, посвященного девяностопятилетней Эйлин Янгхасбенд, описавшей свою службу офицером ЖВС в Мехелене. Впоследствии я прочел два тома ее мемуаров «Неординарная жизнь» (*Not an Ordinary Life*, 2009) и «Война одной женщины» (*One Woman's War,* 2011). Изображенная мною офицер Женской вспомогательной службы ВВС не имеет сходства

с миссис Янгхасбенд ни в части характера, ни в части карьеры, как и прочие офицеры полностью вымышленного подразделения. В своих мемуарах, дающих живое представление о жизни в годы войны, Эйлин утверждает, что во время ее первой смены были уничтожены две стартовые площадки. Я думаю, так сообщили ей и ее коллегам. К сожалению, сведения недостоверны. Тем не менее я никогда не написал бы «Фау–2», если бы не услышал от нее историю о Мехеленской операции. Я вечно буду благодарен ей за идею.

Ниже следует полный список опубликованных источников. В особенности мне хотелось бы отметить пять работ. Майкл Дж. Нойфелд из Смитсоновского музея авиации и космонавтики является ведущим специалистом по истории «Фау–2». Его монографии «Ракета и Рейх» (*The Rocket and the Reich,* 1995) и «Фон Браун: космический мечтатель, инженер войны» (*Von Braun: Dreamer of Space, Engineer of War,* 2007) для меня оказались бесценны.

Также очень пригодилась книга Мюррея Р. Барбера и Майкла Кейера «Ракетчики Гитлера: люди, запускавшие „Фау–2“ по Англии» (*Hitler's Rocket Soldiers: The Men Who Fired the V2s Against England,* 2011), где содержатся воспоминания

десятка людей, служивших в артиллерийских полках, дислоцированных в Гааге. Насколько мне известно, ни одному другому историку не удалось собрать столько ценных свидетельств очевидцев — и с учетом факта, что любому из оставшихся в живых ветеранов уже под девяносто, это достижение едва ли удастся превзойти.

Мюррей Р. Барбер написал также книгу «„Фау–2“: ракета А4 от Пенемюнде до Редстоуна» (*V2: The A4 Rocket from Peenemünde to Redstone,* 2017), где с предельной доступностью и при помощи превосходных иллюстраций описал, как функционировала «Фау–2».

Монография Кристины Хэлзалл «Женщины разведки: добывая победу во Второй мировой войне при помощи аэрофотосъемки» (*Women of Intelligence: Winning the Second World War with Air Photos,* 2012) помогла оживить людей и работу Центрального отдела дешифрования BBC в Медменхеме.

Список других книг, поспособствовавших написать этот роман, включает:

Evidence in Camera: The Story of Photographic Intelligence in World War II by Constance Babington Smith, 1958;

A4/V2 Rocket Instruction Manual, English translation

by John A. Bitzer and Ted A. Woerner, 2012;

Operation Big Ben: The Anti-V2 Spitfire Missions 1944–5 by Craig Cabell and Gordon A. Thomas, 2004;

V2 by Major-General Walter Dornberger, 1954;

Spies in the Sky: The Secret Battle for Aerial Intelligence During World War II by Taylor Downing, 2011;

V2: A Combat History of the First Ballistic Missile by T. D. Dungan, 2005;

From Peenemünde to Canaveral by Dieter Huzel, 1962;

The Peenemünde Raid by Martin Middlebrook, 1982;

Hitler's Rockets: The Story of the V2s by Norman Longmate, 1985;

Dora by Jean Michel, 1979;

The Eye of Intelligence by Ursula Powys-Lybbe, 1983;

The Hidden Nazi: The Untold Story of America's Deal with the Devil by Dean Reuter, Colm Lowery and Keith Chester, 2019;

Spitfire Dive-Bombers Versus the V2 by Bill Simpson, 2007;

Britain and Ballistic Missile Defence 1942–2002 by Jeremy Stocker, 2004;

The Peenemünde Wind Tunnels by Peter P. Wegener,

1996;

Operation Crossbow: The Untold Story of Photographic Intelligence and the Search for Hitler's V Weapons by Allan Williams, 2013.

Около 20 000 подневольных рабочих умерли, создавая «Фау–2». Ракеты убили в Лондоне приблизительно 2700 человек и ранили 6500. В Антверпене счет погибших достиг 1700 человек, а раненых — 4500. В Большом Лондоне было разрушено почти 20 000 домов и 580 000 повреждены. Как выразился социальный историк Норман Лонгмейт, «Фау–2» сыграла большую роль в возникновении недостатка жилой площади, ставшего главной социальной проблемой в первые послевоенные годы.

Дэниел Тодман в книге «Британская война» (*Britain's War,* 2020) характеризует программу по созданию чудо-оружия «Фау» как обошедшуюся германской экономике дороже, в пересчете на доллары, чем стоил для США Манхэттенский проект. «С ретроспективной точки зрения это величайшая растрата ресурсов, какую только могла себе позволить страна, ведущая в высшей степени затратную войну».